

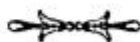
ИЗЪ ИСТОРИИ

ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

- I. Объ источникахъ нъ изученію философіи Сократа.
II. Греческіе софисты. III. Ученіе Платона о знаніи.

Д. Богдашевскаго.

X

КІЕВЪ

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Невицкаго, Михайловская улица, л. № 4.
1898.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Духъ нашего времени есть духъ по преимуществу критическій; критика являетъ себя вездѣ—сколько въ наукѣ, столько же и въ жизни. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго: критическій путь—самый вѣрный, надежный, и въ наше время, при сложности формъ знанія и жизни, онъ особенно необходимъ. Но, къ прискорбію, этотъ путь часто бываетъ слишкомъ произвольнымъ, одностороннимъ: разрушаютъ какъ будто для того, чтобы разрушать, не созидая на мѣсто разрушеннаго ничего твердаго, устойчиваго, что имѣло бы дѣйствительныя преимущества предъ прежнимъ. Въ частности, это замѣчается и въ той научной области, къ которой относятся разсмагриваемые въ настоящей книгѣ вопросы. Авторъ, защитникъ вообще критическаго метода, выступаетъ противникомъ этой тенденціозной, неумѣренной, бьющей на простой эффектъ, критики, и въ рѣшеніи избранныхъ труднѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи греческой философіи,—на категорическое рѣшеніе которыхъ онъ, конечно, никогда не претендовалъ,—склоняется на сторону взглядовъ, имѣющихъ за

собою сравнительно почтенную давность, но болѣе, по его мнѣнію, оправдываемыхъ научными данными. Первая статья, по независящимъ обстоятельствамъ, не приведена къ концу по тому плану и въ томъ объемѣ, какъ это предполагалось первоначально сдѣлать; остальные двѣ статьи взяты нами изъ нашихъ академическихъ чтеній, чѣмъ объясняется ихъ краткость и сжатость.

Авторъ.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ФИЛОСОФІИ СОКРАТА.

Въ недавнее время появилось сочиненіе *Карла Юзля: Der echte und der Xenophontische Sokrates, Bd. 1. Berlin 1893, VI+554.* обратившее уже на себя вниманіе въ западной литературѣ¹⁾. Самое заглавіе этого сочиненія показываетъ, что авторъ его съ недоувѣріемъ относится къ показаніямъ Ксенофонта о Сократѣ: ксенофонтовскій Сократъ есть, по нему, Сократъ не настоящій, не подлинный. Такое недоувѣріе къ Ксенофонту, какъ свидѣтелю о Сократѣ, въ наукѣ не ново. Оно впервые со всею опредѣленностью высказано было Шлейермахеромъ, въ его небольшой рѣчи: „О значеніи Сократа, какъ философа“²⁾; затѣмъ повторено, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, Брандисомъ и Риттеромъ³⁾. Въ болѣе близкое къ намъ время, не смотря на защиту показаній Ксенофонта о Сократѣ такими изслѣдователями, какъ Целлеръ, Пбервегъ, Кехли, Кронъ, Брайтенбахъ, Вильдауеръ, Дерингъ⁴⁾, весьма

¹⁾ *Deumler* въ Berlin. Philolog. Wochenschrift, 1893 № 6. 7; *Naturp* въ Philosoph. Monatshefte, XXX, S. 337—370.

²⁾ Ueber den Werth d. Sokrates, als Philosophen въ *Sammtliche Werke*, 1838, Bd. III, S. 287—308. Раньше Шлейермахера Дуссеъ (De philosophia morali in Xenophontis de Socrate commentariis tradita, Gott. 1812; см. также *Kleineren Schriften*. 1839, S. 57—88) доказывалъ, что ксенофонтовскій Сократъ есть Сократъ экзотерическій.

³⁾ Brandiss, *Handbuch d. griech. rom. Philosophie*, Berlin, 1844, Th. I, 1, s. 20 ff; Ritter, *Geschichte d. Philosophie*, 1836, II, S. 43—45.

⁴⁾ E. Zeller, *Die philosophie d. Griechen*, 3 Aufl. 1874, Th II, Abth. 1, S. 150—155; F. Ueberweg, *Grundriss d. Geschichte d. Philosophie*, Berlin, 1886, Th. 1, S. 109. 110; Kœchly, *Sokrates und sein Volk* въ *Akademische Vortrage und Reden*, Zurich, 1859, s. 225 ff; Krohn, *Sokrates und Xenophon*, 1875, О Философіи Сократа

скептически относятся къ „Меморабиліямъ“ Ксенофонта Рибингъ, Шенкль, Зитль, Лерсъ, Наторпъ, Диммлеръ и др. ¹⁾). Хотя, такимъ образомъ, недовѣріе къ Ксенофону, какъ свидѣтелю о Сократѣ, фактъ въ наукѣ далеко не новый, но въ названномъ трудѣ К. Іоэля оно получило не только болѣе полную, но во многомъ новую, своеобразную аргументировку, съ которою настоятельно необходимо считаться. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы изложить взглядъ Іоэля на „Меморабиліи“ Ксенофонта, какъ источникъ для изученія философіи Сократа, и подвергнуть этотъ взглядъ усиленной критикѣ. Но, говоря о Ксенофонтѣ, какъ свидѣтелѣ о Сократѣ, нельзя, конечно, умолчать и о другихъ важнѣйшихъ свидѣтеляхъ о томъ же великомъ философѣ,—тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ, именно Аристотель, имѣетъ для Іоэля, какъ видно, рѣшающее значеніе при изложеніи философіи Сократа. Поэтому дальнѣйшая наша задача, еще болѣе трудная, чѣмъ первая, состоитъ въ разъясненіи того, какъ необходимо относиться къ свидѣтельствамъ о Сократѣ Платона и Аристотеля. Кто изучалъ философію Сократа, тотъ хорошо знаетъ, что великія трудности, встрѣчающіяся здѣсь, зависятъ главнымъ образомъ отъ сложности и запутанности вопроса объ источникахъ этой философіи, а потому пролить возможный свѣтъ на эти источники, значить, безъ сомнѣнія, содѣйствовать уясненію самой философіи Сократа.

Breitenbach, Xenophons Memorabilien, Berlin, 1863 (въ Sammlung griech. und lateinischer Schriftsteller herausg. v. Haupt und Sauppe), Einleitung, S. 9, 11—13, 19—21; *T. Wildauer*, Die Psychologie d. Willens bei Sokrates, Platon und Aristoteles, Th. I, 1877; *Döring* въ Archiv f. Geschichte d. Philosophie, Bd IV, 34—60. 185—197; Bd. V, 61—66.

¹⁾ *Ribbing*, Ueber das Verhältniss zwischen den xenophontischen und den platonischen Berichten über die Persönlichkeit und d. Lehre d. Sokrates, Upsala, 1870; *Schenkl*, Xenophontische Studien, II. Sitzungsber. d. Wiener Akademie d. Wissensch Bd LXXX; *Natorp* въ Philosoph. Monatshefte, Bd. XXI. XXIV; *Deummler*, Antisthenica, Berol. 1882.

1. Ксенофонтъ, какъ свидѣтель о Сократѣ.

I.

До сихъ поръ, говоритъ Карль Исъ въ названномъ трудѣ, на „Меморабилии“ Ксенофонта смотрѣли, какъ на простую передачу ученикомъ философіи своего учителя, а потому поднимали только вопросъ: достаточно, или, напротивъ, недостаточно представилъ намъ Ксенофонтъ эту философію. Одни изслѣдователи давали на этотъ вопросъ утвердительный, другіе—отрицательный отвѣтъ. При этомъ первые, явно усматривая въ „Меморабилияхъ“ много не соответствующаго духу ученія Сократа и въ то же время желая всячески защитить авторитетъ Ксенофонта, какъ свидѣтеля о Сократѣ, прашли къ утверженію, что въ разсматриваемомъ сочиненіи находится много позднѣйшихъ вставокъ, которыя необходимо исключить въ текстѣ „Меморабилій“ (Кронъ). Были же между этими изслѣдователями и такіе, которые, въ виду поддержанія авторитета Ксенофонта, не затруднились низвести сына Софрониска съ того философскаго пьедестала, на который его прежде ставили,—уменьшивши силу, оригинальность, діалектичность его мышленія и приписавши ему много узкихъ, односторонне практическихъ взглядовъ (Целлеръ). Но есть, говоритъ Ювъль, другая, болѣе вѣрная, точка зрѣнія на „Меморабилии“ Ксенофонта, которая до сихъ поръ не была ясно поставлена на видъ: въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о Сократѣ Ксенофонтъ является не столько простымъ передатчикомъ ученія Сократа, сколько самостоятельнымъ писателемъ, который, сознательно или безсознательно, уклоняется отъ философіи своего учителя. Въ „Меморабилияхъ“ проходятъ два совершенно различныя міровоззрѣнія: сократовское и ксенофоновское, при чемъ первое совершенно оттѣсняетъ второе. Ксенофонтъ относится къ Сократу съ большею, можно сказать, свободою, чѣмъ Платонъ: онъ многое самъ измышляетъ, творитъ и это свое собственное творчество выдаетъ за ученіе Сократа,—за

то, что послѣдній когда то говорить. Короче говоря, „Меморабилии“ вовсе не могутъ быть признаны историческимъ воспроизведеніемъ ученія Сократа, а они не больше, какъ историческій романъ.

Чтобы оправдать этотъ свой крайній взглядъ на „Меморабилии“, Лозль, прежде всего, ставитъ на видъ общія характеристическія черты Ксенофонта, какъ историка. Ксенофонтъ, говоритъ онъ, писатель—историкъ мало объективный; передать что нибудь вѣрно, правдиво, безъ преувеличенія онъ, какъ будто, совершенно не могъ. Такъ, въ „Анабазисѣ“, руководясь узкою, партійною точкою зрѣнія, онъ изображаетъ однихъ лицъ (Клеархъ, Проксенъ) исключительно свѣтлыми, другихъ (Менонъ, Неонъ)—исключительно темными красками. Характеристика завоевателя Кира вышла у него блестящею только потому, что въ ней умалчивается о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Кира,—обстоятельство, бросающее значительную тѣнь на нашего историка, на его несомнѣнную будто бы любовь къ истинѣ. Съ третьей книги „Анабазиса“ Ксенофонтъ представляетъ себя руководителемъ и организаторомъ отступленія грековъ, спасителемъ эллинскаго отряда, находившагося въ самомъ затруднительномъ положеніи; но такая руководящая роль нашего историка вовсе не мѣрится съ тѣмъ, что Діодоръ, пишущій объ отступленіи грековъ по другимъ источникамъ, вовсе не упоминаетъ о Ксенофонтѣ, а говоритъ о другомъ стратегѣ, участникѣ отступленія, Софенетѣ, о которомъ Ксенофонтъ упоминаетъ рѣдко и при томъ говорить о немъ недружелюбно. А что сказать о сочиненіи Ксенофонта „Ελληνικά“? Лучшую характеристику этого труда, чѣмъ какую даетъ Нибуръ, едва ли можно представить. Въ этомъ сочиненіи, по словамъ Нибура, отражается низкое коварство ренегата, непонятное ослѣпленіе спартанскимъ устройствомъ, доводящее чуть не до обоготворенія послѣдняго. Каждый изслѣдователь теперь ясно видитъ, что здѣсь Ксенофонтъ унижаетъ аѳинскихъ и евевскихъ

дѣятелей изъ пристрастія къ вождямъ спартанскимъ, при томъ такимъ, которые никогда никѣмъ не ставились высоко, какъ напр. Деркиллидъ. Уже въ 1876 г. Нитше констатировалъ, что объективный товъ 'Ελληνικά всѣми учеными, ктомъ Брайтенбаха, оспаривается. Новѣйшій историкъ греческой литературы Зитль говоритъ: историографія Ксенофонта служитъ печальнымъ свидѣтельствомъ, какъ изъ-за партійныхъ счетовъ могутъ прикрывать собственныя заплаты и, наоборотъ, всячески клеймить противниковъ. Подобно „Анабазису“ и 'Ελληνικά, по его словамъ, не есть историческій трудъ въ собственномъ смыслѣ, а—это скорѣе тенденціозное сочиненіе. Произведеніе это не дѣлаетъ чести ни характеру Ксенофонта, ни его историческимъ способностямъ. Плохо было бы съ греческою исторіею того времени, если бы къ намъ дошло только сочиненіе Ксенофонта 'Ελληνικά. Ксенофонтъ этимъ трудомъ ясно показываетъ, что ему не достаетъ историческаго смысла, способности понимать главное, существенное. Онъ обнаруживаетъ здѣсь удивительную любовь къ побочнымъ, мелочнымъ фактамъ, при чемъ вездѣ сказывается его пристрастіе; наоборотъ, многое главное, существенное отодвигается у него на задній планъ, такъ какъ объ этомъ сообщается или кратко, или неявно. Подобныя рѣзкія сужденія объ 'Ελληνικά высказываются болѣе или менѣе всѣми изслѣдователями, и такимъ образомъ bona fides Ксенофонта, какъ историка, рѣшительно подвергается сомнѣнію. Въ своихъ историческихъ трудахъ Ксенофонтъ выступаетъ панегиристомъ и, гдѣ нужно, апологетомъ своихъ друзей, а остальныхъ лицъ онъ помѣщаетъ въ тѣни; онъ можетъ, сообразно своимъ цѣлямъ, комбинировать данный матеріалъ и такъ, и иначе.

Если Ксенофонтъ не является объективнымъ писателемъ—историкомъ въ указанныхъ своихъ сочиненіяхъ, то тѣмъ менѣе онъ могъ сохранить объективность въ изображеніи своего учителя Сократа,—личности такъ различно въ то время понимаемой и освѣщаемой. „Меморабилии“ Ксенофонта—простой

панегирикъ Сократу. Мало того: такъ какъ Ксенофонтъ имѣлъ здѣсь дѣло не съ фактами, точными результатами, а съ известною суммою мыслей, рѣчей, т. е. такимъ матеріаломъ, который допускалъ неограниченную свободу въ его обработкѣ, то панегирической тонъ въ „Меморабиліяхъ“ прямо переходитъ въ творчество. Кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ поставить Ксенофонту въ вину, если, въ порывѣ краснорѣчія, желая возможно болѣе восхвалить своего героя, онъ примѣшалъ къ настоящему золоту, принадлежащему другому лицу, и свое собственное поддѣльное золото?... Только бы блестяло, а Ксенофонтъ, вѣдь, плохой знатокъ различать монеты!... Достаточно ему было знать, что мудрый Сократъ разсуждалъ когда то объ известномъ предметѣ хорошо, а затѣмъ—онъ развивалъ эту сократическую тему самостоятельно, пользуясь собственными аргументами, посящими на себѣ отпечатокъ уости его міровозрѣнія. Многія изъ такихъ „фигцій“ внесены въ „Меморабиліи“ безсознательно, а нѣкоторыя требовались самимъ планомъ, составленнымъ панегиристомъ. Творчество Ксенофонта въ „Меморабиліяхъ“ тѣмъ болѣе понятно, что это сочиненіе написано имъ въ поздніе годы, точнѣе въ годъ его смерти. Въ пользу этой даты написанія „Меморабилій“ можно привести много основаній. Такъ какъ Ксенофонтъ обнаружилъ удивительное рвеніе принять участіе въ походѣ Кира, чѣмъ даже вызвалъ неудовольствіе со стороны Сократа, то можно думать, что царственный покровитель и мечты о военной славѣ его болѣе занимали, чѣмъ бесѣды Сократа. А отсюда, далѣе, есть право заключать, что, принявшись за литературную дѣятельность, Ксенофонтъ желалъ восхвалить сначала себя самого (въ Анабазисѣ) а затѣмъ уже своего учителя. И жизнь Ксенофонта, и характеръ его мышленія болѣе склоняли его приняться прежде всего за составленіе трудовъ о Персіи и Спартѣ, а равно сочиненій теоретико-практическаго содержания, каковы сочиненія „О конницѣ“, „Доходы“. „Меморабилія“, при томъ, второстепенное сочиненіе нашего писателя,

въ общей совокупности его трудовъ сократическія сочиненія составляютъ только пятую часть. Если Сократъ такъ интересуется насъ, то отсюда, конечно, нельзя заключать, что Ксенофонтъ долженъ былъ поспѣшить съ составленіемъ „Воспоминаній“ о своемъ учителѣ. Позднее происхожденіе „Меморабилій“ подтверждается и предполагаемымъ въ нихъ существованіемъ богатой сократической литературы, которая, можно думать, послужила для автора стимуломъ къ написанію своего труда о Сократѣ. Самый тонъ „Меморабилій“—мирный, патріотическій, не можетъ быть понятъ, если это сочиненіе написано Ксенофонтомъ изгнанникомъ, а не Ксенофонтомъ уже примирившимся съ своими соотечественниками.

Обратимъ теперь вниманіе, продолжаетъ Ювль, на характеръ собесѣдованій Сократа, передаваемыхъ намъ Ксенофонтомъ. Психологически невозможно, чтобы Ксенофонтъ удержалъ вѣрно въ своей памяти такіе длинные разговоры Сократа, какіе встрѣчаются въ „Меморабиліяхъ“; и при томъ разговоры, касающіеся часто весьма маловажныхъ предметовъ. Пусть спросятъ кого нибудь, можетъ ли онъ передать точно тѣ длинные бесѣды, которыя онъ велъ много лѣтъ тому назадъ съ своимъ отцемъ. Если намъ приходится воспроизвести по памяти даже недавно прослушанную рѣчь, или диспутъ, мы и въ этомъ случаѣ непременно многое присочинимъ сами. Скажутъ, Сократъ велъ сходные разговоры со многими лицами, и Ксенофонтъ объединилъ эти разговоры, придавши имъ типическій характеръ. Но развѣ разговоръ съ Гиппиемъ носить типическій характеръ? Или развѣ Сократъ могъ часто въ присутствіи Ксенофонта давать совѣты Θεодотѣ, или обличать своего сына въ непочтительности къ матери и недружелюбномъ отношеніи къ братьямъ и т. п.? Разговоры Сократа, передаваемые Ксенофонтомъ, дѣйствительно типичны, но типичны по своей сухости, безжизненности, однообразію¹⁾. А между тѣмъ

¹⁾ Еще Шейермакеръ промечаетъ, что такого рода собесѣдованія, какія передаются Ксенофонтомъ, Сократъ могъ, пожалуй, обличать Локка (*Ueber den Werth d. Sokrates, als Philosophen*, S. 206).

результаты этих собесѣдованій были, по Ксенофону, по истинѣ изумительны: въ нѣсколько, можно сказать, мгновений Сократъ перерождалъ людей, и нужно удивляться, какимъ образомъ, по истеченіи одного бы только года дѣятельности Сократа, осталась въ Аѣнахъ еще хотя одна слеза неосушенною, хотя одинъ порокъ не исправленнымъ, хотя одно заблужденіе не устраненнымъ... Вымышленный у Ксенофонта характеръ собесѣдованій Сократа подтверждается и другими особенностями ксенофоновской діалогики, напр. тѣмъ, что Сократъ здѣсь всегда имѣетъ только одного собесѣдника, а остальные присутствующіе изображаютъ собою молчаливую, довольно смѣшную аудиторію. Платонъ не допустилъ подобной крайности, потому что въ своихъ діалогахъ онъ представляетъ Сократа бесѣдующимъ съ нѣсколькими лицами, и только въ рѣдкихъ случаяхъ собесѣдникомъ Сократа выступаетъ одно лицо, присутствіе же другихъ лицъ явно или скрыто исключается (напр. въ діалогѣ „Критонъ“, „Федръ“). Обращаетъ на себя вниманіе и то, что самого себя Ксенофонъ выводитъ только одинъ разъ собесѣдникомъ Сократа, и при томъ въ небольшомъ разговорѣ. Это, скажутъ, простая скромность со стороны Ксенофонта. Но отчего нашъ писатель не является такимъ же скромнымъ въ своемъ „Анабазисѣ“? Или, быть можетъ, онъ забылъ тѣ разговоры съ Сократомъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе?... Подобная скромность скорѣе отличаетъ въ авторѣ „Меморабилій“ художника—творца, а во все не историка, такъ какъ послѣдній въ указаніи на свое личное участіе во многихъ разговорахъ Сократа видѣлъ бы лучшее доказательство вѣрности передаваемого имъ. Удивительно также, что Ксенофонъ не сообщаетъ намъ никакихъ замѣчательныхъ фактовъ изъ жизни Сократа, а между тѣмъ эти факты должны были его особенно интересовать, какъ практика, старавшагося показать полное согласіе ученія и жизни своего учителя. Если исключить то, что Ксенофонъ говоритъ объ образѣ жизни Сократа, а равно не имѣть въ виду его

весьма недостаточныхъ сообщеній объ осужденіи и смерти Сократа, то останется только два анекдотическихъ случая встрѣчи сына Софрониска съ Критіемъ и эпизодъ объ аргивскомъ дѣлѣ. Если бы Ксенофонтъ зналъ больше о жизни Сократа, онъ не повторялъ бы дважды однихъ и тѣхъ же фактовъ, что мы у него видимъ. Могутъ сказать, что аристократъ по рожденію Ксенофонтъ мало интересовался прошлымъ своего учителя, и жизнь послѣдняго бѣдна была выдающимися событіями. Однако удивительно всетаки, какимъ образомъ Ксенофонтъ, при своей религіозности, ничего не сообщаетъ объ изреченіи дельфійскаго оракула, назвавшаго Сократа мудрѣйшимъ изъ людей, не упоминаетъ о дѣлѣ Леонта, чуть было не стоившемъ жизни Сократу, гдѣ со всею ясностью обнаружилась вся сила духа сына Софрониска, дѣлаетъ только одно краткое замѣчаніе объ участіи Сократа въ битвѣ при Потидеѣ, Деліонѣ и Амфиполѣ. Очевидно, всѣхъ этихъ фактовъ Ксенофонтъ не зналъ.

Если, говоритъ Гоэль, „Меморабилиа“ имѣютъ историческій характеръ, въ такомъ случаѣ историческое изображеніе Сократа нужно видѣть и въ другомъ сочиненіи Ксенофонта, подъ названіемъ „Икономика“, потому что оба эти сочиненія, какъ показываютъ начальныя слова „Икономика“¹⁾, находятся между собою въ тѣснѣйшей связи. Но на самомъ дѣлѣ „Икономика“ есть продуктъ творчества, а вовсе не историческое воспроизведеніе ученія Сократа. Это видно изъ того, что личность Исомаха, которому, начиная съ седьмой главы, принадлежитъ главная роль въ разговорѣ, явно Ксенофонтомъ измышлена; пространныя разсужденія о хозяйствѣ, на которыхъ сосредоточивается весь интересъ сочиненія, суть не что иное, какъ передача личныхъ скиллунтскихъ опытовъ самого же Ксенофонта; въ сочиненіи есть немало анахронизмовъ и явныхъ несообразностей, въ родѣ напр. того, что Сократъ разсказываетъ о смерти Кира въ битвѣ при Кунаксѣ, или по-

1) Ἡ κοινὴ δὲ περὶ αὐτοῦ καὶ περὶ οἰκονομίας τοιαύτη διαλεγόμενου,

дробно трактуетъ о жизни и государственномъ устройствѣ Персовъ. Странно, безъ сомнѣнія, звучать въ устахъ Сократа и необычныя похвалы его земледѣлію, которымъ онъ никогда не занимался, а зналъ, въ продолженіе своей долгой жизни, только городскую площадь и улицы. При томъ необыкновенномъ интересѣ, какой обнаруживаетъ здѣсь Сократъ ко всѣмъ мелочамъ занятія земледѣліемъ, не понятно,—шутливо замѣчаетъ Иоэль,—почему онъ не перемѣнилъ своей профессіи и не поселился въ деревнѣ, гдѣ жилъ бы „при водѣ, на свѣжемъ воздухѣ, въ тѣни“. Очевидно, „Икономикъ“ вовсе не претендуетъ на историческую достовѣрность: въ этомъ сочиненіи Ксенофонтъ, въ роли Исомаха, желалъ изложить свои собственные хозяйственные опыты и наблюденія, приобретенныя имъ въ Скиллунтѣ, при чемъ его Исомахъ—хозяинъ часто говоритъ такъ, какъ можетъ разсуждать только Исомахъ—полководецъ. Говорятъ, что „Икономикъ“ сочиненіе неподлинное, или, по крайней мѣрѣ, подвергнутое значительнымъ интерполяціямъ. Но какой, спрашивается, интерполяторъ могъ допустить, чтобы, разсуждая о хозяйствѣ, тутъ же постоянно говорить и объ искусствѣ военачальника, или, ведя рѣчь объ охотѣ, дѣлать экскурсы въ сторону софистики и морали. Подобныя свободныя ассоціаціи характеризуютъ не интерполятора, а подлиннаго автора сочиненія, въ душѣ котораго, благодаря передуманному и перечувствованному, могла образоваться такая тѣсная связь между нѣкоторыми мыслями, которая не укладывается въ рамки обыкновенной логики. Тѣ особенности „Икономика“, на которыя ссылаются въ доказательство его неподлинности, на самомъ дѣлѣ, въ общей своей совокупности, даютъ намъ прекрасную характеристику Ксенофонта. Незвѣстный авторъ разсматриваемаго сочиненія, говоритъ Ливке¹⁾, человекъ ума практическаго, теоретическое же мышленіе у него развито слабо; онъ не можетъ подавить въ себѣ ста-

¹⁾ Разумѣется сочиненіе Ливке: De Xenophontis libris Socraticis, Gymnrg. Iena, 1890.

рой страсти къ войнѣ, къ военачальничеству и любить распространяться о качествахъ, необходимыхъ хорошему правителю; его живо интересуеъ персидская исторія, персидскіе обычаи и особенно жизнь Кира Младшаго; въкоторыя его мысли напоминаютъ „Киропедію“; онъ любитель земледѣлія, охоты, дрессировки лошадей... Читая эту характеристику неизвѣстнаго, по Линке, автора „Икономика“, каждый, не безъ усмѣшки, тотчасъ сообразить, что этотъ неизвѣстный авторъ не кто другой, какъ Ксенофонтъ,—Ксенофонтъ усерднѣйшій практикъ, предводитель десятитысячнаго эллинскаго отряда, Ксенофонтъ скиллунтскій хозяинъ, авторъ сочиненій „Объ охотѣ“, „О конницѣ“, который въ „Агезилѣ“, „Гіеронѣ“, особенно въ „Киропедіи“ рисуеъ образъ идеальнаго, по его мнѣнію, правителя.

Чтобы доказать историческій характеръ „Меморабилій“ ссылаются на то, что рассматриваемое сочиненіе Ксенофонта есть по своему существу апологія Сократа и при томъ апологія стройная, написанная по опредѣленному плану, такъ что одна глава „Меморабилій“ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ другою. Но эти положенія, по мнѣнію Гоэля, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, совершенно не выдерживаютъ критики. Что „Меморабиліи“ на самомъ дѣлѣ не могутъ быть строго логически расчленены, это въ послѣднее время лучше всего доказалъ Дерингъ, одинъ изъ усердныхъ защитниковъ историческаго характера „Меморабилій“, своею неудачною попыткою раздѣленія заключающагося въ нихъ матеріала. По мнѣнію Деринга, „Меморабиліи“ состоятъ изъ двухъ частей; въ первой опровергаются обвиненія, возведенныя на Сократа его противниками, а во второй дается положительная защита сына Софрониска. Сообразно деозкому характеру обвиненій противъ Сократа, первая часть раздѣляется на два отдѣла, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ одну главу (первый отдѣлъ—1 гл., второй—2 гл.). Во второй положительной части нужно различать: 1) опредѣленіе характера дѣятельности Сократа, насколько она была выраженіемъ его внутренняго настроенія (гл. 3) и 2) изложеніе ученія Сократа (ос-

тальныя главы „Меморабилій“). Искусственность такого расчлененія „Меморабилій“, предложеннаго Дерингомъ, бросается сразу въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, первая часть „Меморабилій“ состоитъ, по Дерингу, изъ двухъ, а вторая—изъ 37 главъ; во второй части первый отдѣлъ обнимаетъ одну, а второй—36 главъ. Если всмотрѣться ближе, то оказывается, что части дѣленія, установленнаго Дерингомъ, смѣшиваются, переходя одна въ другую. Такъ уже въ I, 1 Сократъ изображается, какъ человекъ благочестивѣйшій въ рѣчи и поступкахъ; относительно I, 2, 1—8 самъ Дерингъ допускаетъ, что здѣсь не имѣется въ виду обвиненіе, возведенное на Сократа противниками, а Ксенофонтъ въ данномъ мѣстѣ упреждаетъ дальнѣйшіе положительныя доводы своей апологіи. Начатое, затѣмъ, съ I, 2, 9 опроверженіе обвиненій противъ Сократа тотчасъ же прерывается разсужденіемъ о Критѣ и Алкивиадѣ, продолжающимся до I, 2, 49, а дальше остается небольшой отдѣлъ второй главы первой книги, состоящій изъ 16 параграфовъ, въ которомъ однако Дерингъ сумѣлъ найти и заключеніе во всему раньше сказанному. Цѣль I, 3 гл., съ которой начинается вторая часть „Меморабилій“, положительное разъясненіе пользы дѣятельности Сократа. Но объ этомъ говорилось раньше (I, 2, 16) и будетъ еще впоследствии рѣчь (IV, 4, 1—4; IV, 5, 1). Для остающейся, весьма обширной, части „Меморабилій“ Дерингъ не могъ уже подыскать никакого принципа дѣленія, а ограничился объединеніемъ отдѣльныхъ главъ въ извѣстныя группы подъ однимъ общимъ названіемъ, какія группы, если ихъ внимательно разсмотрѣть, окажутся составленными весьма искусственно.

Несправедливо и то, что „Меморабиліи“ по существу своему представляютъ не что иное, какъ апологію Сократа. Съ третьей главы первой книги „Меморабилій“ нигдѣ уже нѣтъ рѣчи объ обвиненіяхъ, возведенныхъ на Сократа, и только путемъ явныхъ натяжекъ и искусственности можно усмотрѣть въ многочисленныхъ разговорахъ, какіе, по Ксе-

нофонту, Сократъ, вель съ различнаго рода людьми, опроверженіе взгляда, что Сократъ не отвергалъ боговъ и не развращалъ юношества. Допустивши апологетическую цѣль „Меморабилій“, нельзя понять смысла разсужденій Сократа о воздержаніи, значенія тѣлесныхъ упражненій, о военномъ начальствованіи и т. п., какимъ разсужденіямъ посвящено немало главъ. Такіе отдѣлы „Меморабилій“, какъ II, 7—9; III, 8—11, апологетическаго значенія не имѣютъ, и при чтеніи ихъ вовсе не напрашивается заключеніе, что обвинители Сократа были по отношенію къ нему совершенно несправедливы. „Меморабиліи“—не защита Сократа отъ возведенныхъ на него обвиненій, а панегирикъ ему, и если первая двѣ главы „Меморабилій“ дѣйствительно имѣютъ апологетическій характеръ, то это объясняется тѣмъ, что осужденіе Сократа было не простымъ только юридическимъ процессомъ, а и важнѣйшимъ фактомъ въ его жизни, который не могъ опустить панегиристъ. Апологіей можно бы признать „Меморабиліи“ только въ томъ случаѣ, если бы методъ, замѣчающійся въ первыхъ двухъ главахъ этого сочиненія, былъ распространенъ на все сочиненіе,—чтобы, такимъ образомъ, отдѣльныя части „Меморабилій“ предварялись и опредѣлялись изложеніемъ частныхъ пунктовъ обвиненія Сократа, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ.

„Меморабиліи“ не могутъ быть названы апологіею Сократа, а они образуютъ, по выраженно Іоэля, sokratische Sincurenschrift. Въ Мемораб. I, 4, 1 Ксенофонтъ говоритъ: „Если кто думаетъ о Сократѣ,—какъ нѣкоторые пишутъ и говорятъ о немъ, имѣя нѣкоторыя основанія,—что онъ былъ весьма способенъ побуждать людей къ добродѣтели, довести же до нея не могъ!), то пусть обратятъ вниманіе не только

1) Εἰ δὲ τις Σωκράτην νομίζουσι, ὡς ἔτισι γράφουσι τε καὶ λέγουσι περὶ αὐτοῦ τετραπρόμενοι, προτρέψασθαι μὲν ἄνθρωπος ἐκ' ἀρετῆν κρείττοτον γεγοῦναι, κράττειν δ' ἐκ' αὐτῆν οὐκ ἴκανόν.

на то, какъ онъ ради внушенія обличалъ въ вопросительной формѣ людей, которые думали, что все знаютъ, но и какъ онъ ежедневно разсуждалъ съ своими учениками, и тогда пусть судятъ, въ состоянн ли онъ былъ дѣлать своихъ слушателей лучше. Я прежде всего разскажу, что я нѣкогда слышалъ отъ него, когда онъ говорилъ о божествѣ съ Аристодемомъ". Изъ этого мѣста, говорить Иоэль, ясно видно, что свою сократовскую діалогіку Ксенофонтъ противопоставляетъ нѣкоторому другому пониманію сократовскаго ученія. Что это другое пониманіе принадлежало обвинителямъ (Сократа), никто не будетъ утверждать... Кого же имѣетъ въ виду здѣсь Ксенофонтъ? Внимательно всмотрѣвшись (въ приведенное мѣсто), мы находимъ, что въ немъ различается двѣ группы людей: 1) *νομιζοντες* и 2) *τετραγράφουοι*. Первые опираются на томъ, что послѣдніе пишутъ и говорятъ о Сократѣ; (тутъ же) указывается и предметъ ихъ писанія и рѣчей, именно изображеніе Сократа въ разговорахъ, имѣющихъ эленхическій характеръ, человѣкомъ побуждающимъ къ добродѣтели. На основаніи такого рода разговоровъ первая группа людей—*τινες* заключала, что Сократъ могъ только побуждать къ добродѣтели, но не въ состоянн былъ довести до нея. Слѣдовательно, здѣсь вовсе не сказано, что пишущіе о Сократѣ порицали его, какъ односторонняго протрептика, въ противоположность тѣмъ, которые способны привести къ добродѣтели, а послѣдній упрекъ, какъ выводъ, сдѣлала первая группа людей, *νομιζοντες*. Это были отчасти противники Сократа, о *τετραγράφουοι* же говорится только, что они въ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ изображали Сократа протрептикомъ, пользующимся эленхическими разговорами. Одного, по крайней мѣрѣ, изъ этой группы людей мы доподлинно знаемъ: это былъ Платонъ, который въ „Апологіи“ и небольшихъ своихъ разговорахъ изображаетъ Сократа преимущественно, какъ собесѣдника—обличителя. Однако (это былъ не одинъ Платонъ а) были (по выраженію Ксенофонта) *ἕκαστος*, и самое

слово „протрептикъ“ стоитъ здѣсь, какъ терминологически твердо установленное понятіе, и употребляется въ технически ограниченномъ смыслѣ, какой смыслъ оно имѣетъ въ діалогахъ „Клитофонъ“ и „Евтидемъ“, но гдѣ, несомнѣнно, оно не впервые употреблено. Нельзя ли поэтому построить предположеніе, что понятіе сократовской протрептики установлено тѣмъ изъ учениковъ Сократа, который написалъ сочиненіе подъ названіемъ „Протрептикъ“. Это предположеніе находитъ для себя рѣшительное подтвержденіе въ томъ, что діалогъ Платона „Евтидемъ“, гдѣ главнымъ образомъ осмѣивается Антисѣенъ, составляетъ, по своему изображенію Сократа, противовѣсъ сочиненію протрептикой λόγος. Имѣетъ ли, или не имѣетъ Диммлеръ право утверждать, что для характеристики Антисѣена Ксенофонтъ пользовался преимущественно „Протрептикомъ“, во всякомъ случаѣ антисѣеновское пониманіе ученія Сократа было ему извѣстно. Что же отсюда слѣдуетъ? Въ „Меморабіліяхъ“ Ксенофонтъ желалъ противопоставить протрептической діалогикѣ другихъ сократиковъ и въ частности Антисѣена свою сократовскую діалогіку. Не вѣрно, значитъ, утвержденіе Диммлера, что „Меморабіліи“ носятъ вездѣ циническую окраску. Нельзя, затѣмъ, принять мнѣніе о раннемъ написаніи „Меморабілій“, такъ какъ это сочиненіе предполагаетъ существованіе уже богатой сократической литературы, которая не позволяетъ связывать написаніе „Меморабілій“ съ появленіемъ памфлета ритора Поликрата, а заставляетъ относить происхожденіе ихъ къ болѣе позднему времени. Но что самое важное, сказаннымъ ясно заподозривается апологетическій и историческій характеръ разсматриваемаго сочиненія, потому что, какъ видно изъ Метогав. I, 4, 1, Ксенофонтъ не имѣлъ въ виду возстановленіемъ истиннаго образа Сократа опровергнуть обвиненія, возведенныя на него, а желалъ своимъ сочиненіемъ составить конкуренцію другимъ сократикамъ. „Меморабіліи“ написаны въ живомъ потокѣ сократовской литературы; они продуктъ твор-

чества, какъ и произведенія другихъ сократиковъ; Ксенофонтъ не считаетъ своего изображенія Сократа истиннымъ, изображеніе же его другими сократиками ложнымъ, а желаетъ только отрицательному пониманію сократовскаго ученія противопоставить свое пониманіе болѣе положительное¹⁾. Чтобы кто не подумалъ, что Ксенофонтъ высказываетъ свой взглядъ на „Меморабиліи“, какъ на *Conspicenzschrift*, только въ I, 4, 1, можно привести еще слѣдующее мѣсто изъ разсматриваемаго сочиненія: „другія лица, присутствовавшія, когда онъ бесѣдовалъ такимъ образомъ съ разными лицами, передали (объ этихъ бесѣдахъ), а я находился при немъ, когда онъ вотъ о чемъ говорилъ съ Евтидемомъ“²⁾.

Такимъ образомъ, „Меморабиліи“ вовсе не могутъ быть признаны историческимъ воспроизведеніемъ ученія Сократа, а они продуктъ творчества. Однако же,—продолжаетъ Іоэль,—истинно сократовскіе элементы въ нихъ всетаки находятся, и вопросъ, значить, въ томъ, какъ опредѣлить эти элементы, или какъ отличить ихъ отъ элементовъ „ксенофоновскихъ“. Что въ „Меморабиліяхъ“,—категорически, прежде всего, заявляетъ Іоэль,—согласно съ показаніемъ Аристотеля о Сократѣ, то несомнѣнно принадлежитъ послѣднему, и, наоборотъ, тѣ разсужденія или тѣ мысли въ „Меморабиліяхъ“, которыя находятся въ противорѣчьи съ этими показаніями, должны быть приписаны не Сократу, а Ксенофонту.—Во вторыхъ, нужно сравнить „Меморабиліи“ съ другими сочиненіями Ксенофонта, и если при этомъ мы найдемъ въ „Меморабиліяхъ“ такія положенія, которыя не имѣютъ для себя ничего аналогическаго въ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта, или не

¹⁾ Ксенофонтъ, какъ выражается Іоэль, „nimmt nicht die Wahrheit, sondern die Positivität für seine Sokratik speciell in Anspruch“.

²⁾ *Memorab.* IV, 3, 2: ἄλλοι μὲν οὖν αὐτῷ πρὸς ἄλλους οὕτως ὁμιλοῦντι παραγεγόμενοι διηγοῦντο, ἐγὼ δὲ, ὅτε πρὸς Εὐθύδημον τοιαῦτα διελέγετο, παραγεγόμενον.

падаютъ въ сравнительно узкій кругъ его міровоззрѣнія, — эти положенія съ большою вѣроятностью принадлежать Сократу; а не Ксенофону, особенно, если они стоятъ въ полномъ согласіи съ несомнѣнно сократовскимъ ученіемъ. О демоніумѣ напр. Сократа Ксенофонъ говоритъ только въ „Меморabiliaхъ“ и нигдѣ не упоминаетъ о немъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ; значить, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ подлинно сократовскимъ ученіемъ, хотя, правда, глубокой его смыслъ остался Ксенофону непонятнымъ. Что же касается такихъ мыслей, или воззрѣній, которыя одинаково встрѣчаются въ „Меморabiliaхъ“ и въ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта, то только тѣ изъ нихъ могутъ быть считаемы съ нѣкоторою вѣроятностью принадлежащими Сократу, которыя „необходимо, или легко и естественно укладываются въ рамки истинной сократики“; „многое же другое, что имѣетъ очевидную связь съ особеннымъ призваніемъ Ксенофонта, направленіемъ его духа и въ этой связи находитъ для себя самое лучшее и естественное объясненіе, нужно, съ такою же вѣроятностью, считать принадлежащимъ Ксенофону, особенно, если оно разсматривается въ „Меморabiliaхъ“ кратко, побочнымъ путемъ, эпизодически, чѣмъ явно указывается на первоначальное, болѣе обстоятельное разъясненіе его въ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта“. О мантикѣ напр. рѣчь идетъ въ „Меморabiliaхъ“ и въ другихъ произведеніяхъ Ксенофонта; но такъ какъ это ученіе не мирится съ основнымъ положеніемъ Сократа о добродѣтели, какъ званіи, то оно должно быть приписано не Сократу, а Ксенофону, — тѣмъ болѣе, что послѣдній самъ былъ усерднымъ мантикомъ, считалъ мантику необходимою для людей государственныхъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о ней очень часто. Указаннымъ путемъ, говоритъ Юзель, мы надѣемся выдѣлить въ „Меморabiliaхъ“, хотя не вездѣ съ одинаковою вѣроятностью, настоящіе сократовскіе элементы. Тамъ же, гдѣ для такого выдѣленія не будетъ у насъ основаній, мы не постысяемся откровенно сказать: non liquet.

О Философіи Сократа.

II.

Переходя къ разбору изложеннаго взгляда Юэля на „Меморабиліи“ Ксенофонта, мы прежде всего остановимся на вопросѣ о времени написанія „Меморабиліи“, потому что этотъ вопросъ, какъ легко было замѣтить раньше, имѣетъ для Юэля важнѣйшее значеніе: позднимъ происхожденіемъ „Меморабиліи“ значительно—думаетъ онъ—объясняется ихъ не историческій, вымышленный характеръ.

Въ сочиненіяхъ Ксенофонта мы не находимъ точныхъ датъ о времени ихъ написанія, а потому происхожденіе ихъ естественно опредѣляется весьма различно, и едва ли въ рѣшеніи этого вопроса, при неопредѣленности существующихъ данныхъ, будетъ достигнуто когда нибудь полное соглашеніе ¹⁾. Исслѣдователи расходятся даже относительно того, когда Ксенофонтъ началъ свою литературную дѣятельность. Одни думаютъ, что нѣкоторыя свои сочиненія Ксенофонтъ написалъ еще въ молодые годы, въ Аѣнахъ, до участія въ походѣ Кира ²⁾; другіе относятъ начало его литературной дѣятельности къ его поселенію въ Скиллунтѣ ³⁾; третьи допускаютъ, что,

¹⁾ Каталогъ сочиненій Ксенофонта сообщаетъ намъ Диогенъ Лаврціи: *Χρονόγραφε δὲ βιβλία πρὸς τὰ τετταράκοντα ἄλλων ἄλλως διαιρούντων τὴν τ' Ἀνάξαινον, ἧς κατὰ βιβλίον μὲν ἐποίησε προοίμιον, ὅλης δ' οὐ καὶ Κόρου παιδείαν καὶ Ἑλληνικά καὶ Ἀπομνημονεῦματα Σομπόσιόν τε καὶ Οἰκονομικόν καὶ περὶ ἱππικῆς καὶ Κόνηγετικόν καὶ Ἴππαρχικόν, Ἀπολογίαν τε Σωκράτους καὶ περὶ πόρων, καὶ Ἰέρωνα ἢ Τοραννικόν, Ἀγησίλαόν τε καὶ Ἀθηναίων καὶ Λακεδαιμονίων πολιτείαν, ἣν φησιν οὐκ εἶναι Ξενοφῶντος ὁ Μάγνης Δημήτριος (II, 56. 57; p. 118. §19 по наданию: Diogenis Laertii de vitis, dogmatibus et apophthegmatibus clarorum philosophorum libri decem graece et latine. Lipsiae. 1759)*

²⁾ *Cobet*, *Novae lectiones*, Lugd. 1858; *Roqueffe*, *De Xenophontis vita* 1884, p. 46; *Дж. Матаффи*, *Исторія классическаго періода греческой литературы*, 1883 г., т II, стр. 251. 25².

³⁾ *Pauly*, *Real-Encyclopädie*, Stuttgart, 1852, Bd. VI, 2. S. 2791—2797; *Kanke*, *De Xenoph. vita et scriptis*, Berlin, 1851.

начавши свою литературную дѣятельность въ Аѳинахъ, онъ затѣмъ продолжалъ ее и въ Азіи, среди военныхъ тревогъ¹⁾, — предположеніе само по себѣ мало вѣроятное. Относительно „Меморабилій“ большинство изслѣдователей признаетъ, что они написаны Ксенофонтомъ сравнительно рано, но когда именно написаны и по какому поводу, объ этомъ существуетъ немало разногласія. Ученый Кобе первый высказалъ предположеніе, что „Меморабиліи“ написаны противъ памфлета ригора Поликрата: *Kat'ηγχορία Σωκράτους* и появились почти одновременно съ написаніемъ этого памфлета, именно въ 393 г. Въ своемъ предположеніи Кобе руководился главнымъ образомъ тѣмъ, что, во-первыхъ, по свидѣтельству Діогена Лаэртія, ригоръ Поликратъ написалъ рѣчь съ указаннымъ раньше заглавіемъ²⁾; во-вторыхъ, что въ дошедшихъ къ намъ фрагментахъ Поликрата, изъ которыхъ одинъ сохранился у Исократы, а другой—въ схоліи къ рѣчи Аристада *Ἵπερ τῶν τετάρων*³⁾, на Сократа возводятся обвиненія, сходныя съ тѣми, которыя опровергаетъ Ксенофонтъ въ *Memorab. I, 2, 12 и 58*⁴⁾. Мнѣніе Кобе, что поводомъ къ написанію „Меморабилій“ послу-

¹⁾ *Dellbrück, Xenophon. Zur Rettung seiner durch Niebuhr gefährdeten Ehre dargestellt, Bonn, 1829.*

²⁾ *Diogen. Laert. II, 39 (p. 108):* Φαβωρίνος δὲ φησιν ἐν τῷ πρώτῳ τῶν Ἀπομνημονεωμάτων, μὴ εἶναι ἀληθῆ τὸν λόγον τὸν Πολυκράτους.

³⁾ *Isocrat. Busiris c. IV (по издавію Іеронима Вольфа Isocratis scripta Basileae, p. 423):* Σωκράτους δὲ κατηγορεῖν ἐγχειρήσας ὡπερ ἐγχωμιάσαι βουλόμενος Ἀλκιβιάδην ἔδωκας αὐτῷ μαθητὴν, ὃν ὅπ' ἐκείνου μὲν οὐδεὶς ἤσθητο παιδεύομενον, ὅτι δὲ πολὺ διήνεγκε τῶν ἄλλων, ἅπαντες ἂν ὁμολογήσειαν. — Въ схоліи: τοῦτο δ' οὐκ ἀργῶς εἶπεν, ἀλλ' ἐπειδὴ οἶδε τὸν Σωκράτην πρὸς τοὺς νέους αἰεὶ Ὀδοσσέα θαυμάζοντα διὰ τὴν τοιαύτην πράξιν, ὡς Πολυκράτης ἐν τῷ κατ' αὐτοῦ λόγῳ θήσιν καὶ Ἀδίας ἐν τῷ πρὸς Πολυκράτην ὑπερ αὐτοῦ· ὃ μὲν σοιστῶν, ὅτι τὴν δημοκρατίαν ἐκ τοῦτο καταλθεῖν ἐπιχειρεῖ, ἐπαινῶν τὸν Ὀδοσσέα τοῖς μὲν βασιλεῦσιν ἐπιτιμῶντα λόγῳ, τοὺς δὲ ἰδιότας τῖπτοντα, ὃ δὲ οὐδὲν λέγων φροντίζειν μᾶλλον αὐτὸν τῆς πράξεως (*Roquette, p. 67, 69*).

⁴⁾ *Cobet, Novae lectiones, p. 664—676.*

жилъ памфлетъ Поликрата, раздѣляютъ Диндорфъ, Шенкль Бергкъ, Гартманъ, Гирцель, Наторпъ и др. ¹⁾, но каждый изъ нихъ опредѣляетъ время написанія „Меморабилій“ различно. Такъ Диндорфъ относитъ происхождение „Меморабилій“ къ 99 Ол., т. е. къ 384—380 г.; по мнѣнiю Шенкля, рѣчь Поликрата написана была въ 392 г., а „Меморабилiи“ появились около 390 г.; Бергкъ утверждаетъ, что „Меморабилiи“ написаны не раньше 394 г. Съ другой стороны, мнѣнiе Кобе встрѣтило немало и противниковъ, каковы Бюксеншютцъ, Брайтенбахъ, Бляссъ, Рокетъ, изъ которыхъ одни относятъ появленiе „Меморабилiй“ къ 394 г. (Брайтенбахъ), другiе—къ 384—380 г. (Рокетъ) ²⁾. Не примыкая ни къ сторонникамъ, ни къ противникамъ Кобе, на раннемъ происхожденiи „Меморабилiй“ настаиваютъ Магаффи, Гротъ, Нитше, а за нимъ Редантъ и др. ³⁾.

Этотъ краткiй сводъ мнѣнiй различныхъ изслѣдователей о времени происхожденiя „Меморабилiй“ ясно показываетъ, что разсматриваемый взглядъ Юзля не находитъ для себя поддержки. Ни одинъ изслѣдователь, насколько намъ извѣстно, не рѣшается утверждать, что Ксенофонтъ написалъ свои „Воспоминанiя“ о Сократѣ въ позднѣйшiе годы своей жизни, а тѣмъ болѣе—въ годъ своей смерти. Дж. Магаффи хорошо рассуждаетъ о времени написанiя „Меморабилiй“: „Признаки

¹⁾ Schenkkl, Xenophontische Studien, II, Sitzungsberichte d. Wiener Akademie, historisch-phil. Klasse. Bd. LXXX, 1875, p. 87; Bergk, Griech. Literaturgeschichte, Berlin, 1887, Bd IV, S. 302; Hartmann, Analecta Xenophontea, Lugd. 1887, p. 104, 108 ff.; Hirtzel, Polykratis Anklage und Lysias Vertheidigung d. Sokrates. Rein. Mus., 1887, 2, 239 f. Natorp, Philosoph Monatshefte, 1894, Bd. XXX, 7. 8. S. 340. 341.

²⁾ Rueschenschütz, Philologus, XXII, H. 4. s. 691—695; Breitenbach, Xenoph. Memorabilien, Berlin, 1863 Einleit. s. 5, 6; Roquette, De Xenoph. vita, p. 68—71.

³⁾ Магаффи, Исторiя классич. періода греческой литературы, т. 2, стр. 255. 264; Grote & Histoire de la Grèce, Paris, 1866, v. XIII, p. 209; Redantz C, Xenoph. Anabasis, Bd. I, Berlin, 1873, s. 53, Anmerk. §19.

времени въ „Мемуарахъ“ и „Апологиѣ“ немногочисленны и ненадежны. Въ первомъ сочиненіи авторъ говоритъ, что все еще чувствуется потеря Сократа (ἔτι καὶ νῦν διατελοῦσι.. πολλοὶ παροβνταὶ ἰκαίνοι), что какъ бы указываетъ на истечение многихъ лѣтъ со времени его казни... Тѣмъ не менѣе, зная измѣняемость настроенія афинскаго общества, я не полагаю, чтобы „Мемуары“ произвели какой нибудь эффектъ, или „Апологиѣ“ нашла читателей чрезъ много лѣтъ послѣ смерти Сократа. Если такъ, то этотъ очеркъ его личности долженъ быть отнесенъ къ той эпохѣ, когда Ксенофонтъ впервые пользовался литературными досугами въ Скиллѣ¹⁾.

Что „Меморабиліи“ написаны противъ памфлета на Сократа ритора Поликрата, это мало можетъ помочь точному установленію времени ихъ происхожденія, потому что самое время написанія Поликратомъ своей рѣчи опредѣляется, какъ мы видѣли, различными изслѣдователями далеко неодинаково. А главное въ томъ, что предположеніе Кобе не имѣетъ для себя твердыхъ основаній. Самъ Кобе, вмѣстѣ съ Перизоніемъ (Perizonius), Бентлеемъ и другими, допускаетъ, что Поликратъ написалъ свою рѣчь только для того, ut materiae difficultate ingenium exerceret et ostentaret²⁾; и потому мало вѣроятно, чтобы Ксенофонтъ употребилъ столько серьезнаго труда на опроверженіе этой софистической, явно вымышленной, рѣчи; въ Мемораб. I, 1, 1 Ксенофонтъ опредѣленно говоритъ, что онъ будетъ имѣть дѣло съ обвиненіями, возведенными на Сократа въ судѣ, и почти буквально, если имѣть въ виду платоновскую „Апологию Сократа“, приводитъ здѣсь обвиненіе Мелита. „Я не разъ удивлялся, говоритъ онъ, какими доводами обвинители (οἱ γραφόμενοι) Сократа убѣдили афинянь, что онъ заслуживаетъ отъ государства смерти. Самое же обвиненіе на него было приблизительно таково: Сократъ обвиняется въ

¹⁾ Исторія классич. періода греческой литературы, т. 2, стр. 264.

²⁾ Novae Lektionen, p. 662.

томъ, что не признаетъ боговъ, которыхъ принимаетъ государство, а вводитъ новыя божества; обвиняется кромѣ того и въ развращеніи юношества“. Слово „обвинителя“—οἱ γραφάμενοι Ксенофонтъ, въ заключеніи общей апологіи Сократа, замѣняетъ словомъ „обвинитель“—ὁ γραφάμενος, подь которымъ, какъ видно изъ предшествующаго выраженія „какъ написано въ приговорѣ“, разумѣется судебный обвинитель¹⁾). Ничто по-этому не препятствуетъ и подь ὁ κατηγορος²⁾ разумѣть того же судебного обвинителя, частнѣе Мелита. Исслѣдователи Брайтенбахъ и Рокетъ основательно обращаютъ вниманіе на то, что въ „Меморабиліяхъ“ Ксенофонтъ нигдѣ не упоминаетъ о Поликратѣ, а называетъ Мелита (Мемораб. IV, 4, 4 и IV, 8, 4), что, безъ сомнѣнія, удивительно, если предположеніе Кобе справедливо: лицо Мелита каждому, можно сказать, было извѣстно, кто слышалъ о судебномъ процессѣ Сократа, и слѣдовательно, лицо это можно было не называть; обвинительная же рѣчь Поликрата не пользовалась такою извѣстностью, чтобы авторъ ея былъ знакомъ читателямъ „Меморабилій“ и безъ обозначенія его имени³⁾). Нельзя, вѣдь, согласиться со взглядомъ Диндорфа, что Ксенофонтъ не называетъ обвинителей Сократа вообще⁴⁾ и Поликрата въ частности по ненависти къ нимъ, какъ нѣтъ основанія принять и мнѣніе Шенкля, что причина молчанія Ксенофонта въ данномъ случаѣ его желаніе вести свою апологію sine ira et studio. Наболѣе же препятствуетъ согласиться съ мнѣніемъ Кобе то, что обвиненія противъ Сократа ритора Поликрата, насколько они намъ извѣстны изъ сохранившихся фрагментовъ его рѣчи, не сов-

¹⁾ Мемораб. I, 2, 64.

²⁾ Мемораб. I, 2, 9 и др.

³⁾ Breitenbach, Xenoph. Memorabilien, Einleit. s. 5; Roquette, De Xenoph. vita, p. 68 69.

⁴⁾ Тѣ мѣста „Меморабилій“, въ которыхъ называется Мелитъ (IV, 4, 4; IV, 8, 4), Диндорфъ и Шенкль считаютъ безъ всякаго основанія позднѣйшею вставкою

падаютъ вполне съ тѣми обвинительными пунктами, которые имѣются въ виду въ „Меморабиліяхъ“. Поликрать ставилъ въ вину Сократу, что ученикомъ его былъ Алкивіадъ, а въ „Меморабиліяхъ“ обвинитель говоритъ, что учениками Сократа были *Критій* и Алкивіадъ ¹⁾). Поликрать считалъ Сократа разрушителемъ демократіи, такъ какъ онъ (т. е. Сократъ) хвалилъ Одиссея, обуздывающаго словомъ царей и наказывающаго толпу, въ „Меморабиліяхъ“ же читаемъ, что Сократъ, по обвинителю, толковалъ Гомера въ томъ смыслѣ, „будто поэтъ одобряетъ подвергать ударамъ плебеевъ и бѣдняковъ ²⁾). Эта, повидимому, незначительная разница между обвиненіями Поликрата и тѣмъ, что опровергается въ „Меморабиліяхъ“, имѣетъ громадное значеніе тамъ, гдѣ на основаніи скудныхъ данныхъ устанавливаютъ известное предположеніе, и потому, естественно, она ослабляетъ достовѣрность самаго предположенія.

Въ доказательство своего тезиса о позднемъ происхожденіи „Меморабилій“ Іоэль ссылается на то, что „Меморабиліи“ предполагаютъ существованіе уже богатой сократической литературы, въ живомъ потокѣ которой они были написаны. Указаніе на обширную сократическую литературу Іоэль видитъ въ двухъ мѣстахъ „Меморабилій“, именно въ I, 4, 1 и IV, 3, 2. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай остановиться по подробнѣе на разясненіи Мемораб. I, 4, 1, а теперь замѣтимъ только слѣдующее. Появленіе значительной сократической литературы вовсе не предполагаетъ истеченія со времени осужденія Сократа трехъ или четырехъ десятковъ лѣтъ, какъ думаетъ Іоэль. Сократъ былъ личностью настолько оригинальною, онъ произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на людей самаго различнаго склада и направленія и его смерть была полна такого высокаго героизма, что въ непродлжительномъ времени послѣ его осужденія могли появиться многочислен-

¹⁾ Мемораб. I, 2, 12.

²⁾ Мемораб. I, 2, 58.

ные рассказы о его жизни и учении, а особенно о его смерти. Не было бы такимъ образомъ ничего удивительнаго, если бы въ 393 г., т. е. къ предполагаемому нами времени написанія „Меморабилій“ о Сократѣ было написано уже немало. Но на такую обширную сократическую литературу въ разсматриваемомъ мѣстѣ „Меморабилій“ указаній нѣтъ. О той категоріи людей, пишущихъ о Сократѣ, которая здѣсь разумѣется, Ксенофонтъ говоритъ: ὡς ἕναι γράφουσιν, а не—ὡς πολλοὶ γράφουσιν. Какъ вообще много было писано тогда о Сократѣ, Ксенофонтъ не сообщаетъ, но изъ дальнѣйшей его прибавки къ слову γράφουσιν словъ τε καὶ λέγουσιν можно заключать, что Сократъ жилъ тогда еще на половину въ устномъ преданіи, и слѣдовательно письменная литература о немъ едва ли тогда была уже значительна. Относительно втораго указаннаго мѣста „Меморабилій“, на которое ссылается Иоэль, идутъ споры, слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть письменныя, или же устные сообщенія о Сократѣ. Целлеръ держится втораго пониманія этого мѣста, ничѣмъ, впрочемъ, его не аргументируя¹⁾. Употребленный здѣсь глаголь διηγείσθαι дѣйствительно какъ будто оправдываетъ это пониманіе. Если же толкованіе Целлера невѣрно, во всякомъ случаѣ выраженіе ἄλλοι... διηγούντο, или, по предполагаемому лучшему чтенію, διηγούνται (ср. Метогав. I, 4, 1)²⁾, настолько неопредѣленно, что видѣть въ немъ указаніе на образовавшуюся въ то время уже богатую письменность о Сократѣ нѣтъ достаточнаго основанія.

Не могутъ быть приняты и тѣ психологическія основанія, какія приводитъ Иоэль въ доказательство поздняго происхожденія „Меморабилій“. Разсматриваемое свое сочиненіе Ксенофонтъ заканчиваетъ такими словами: „Изъ тѣхъ, которые знаютъ, каковъ былъ Сократъ, всѣ, преданные добродѣтели, и теперь еще всегда чувствуютъ крайнюю тоску

¹⁾ Zeller, Die Philosophie der Griechen, II, 1, s. 87—88. Anmerk. 2

²⁾ Breitenbach, Memorabilien, p. 193, Anmerk. 2.

по немъ, какъ человѣкъ весьма полезномъ въ стремленіи къ добродѣтели. Для меня онъ былъ такимъ, какимъ я его описалъ,—настолько благочестивымъ, что ничего не дѣлалъ безъ совѣта боговъ, настолько справедливымъ, что ни въ чемъ никому не повредилъ, напротивъ приносилъ величайшую пользу людямъ, обращающимся съ нимъ, настолько воздержнымъ, что никогда не предпочиталъ пріятное добродѣтели, настолько разумнымъ, что не погрѣшалъ въ сужденіи, что добро и что зло... Онъ казался мнѣ такимъ, какой только можетъ быть человѣкъ самый лучшій и счастливѣйшій. Если же кто не согласенъ съ этимъ, то пусть судить, сопоставивши съ сказаннымъ нравы другихъ людей¹⁾). Изъ этого мѣста видно, что Ксенофонтъ писалъ „Меморabilia“, кромѣ другихъ причинъ, еще по настоящему влеченію своего сердца,—въ силу той тоски о потерѣ Сократа, которую онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ другими его друзьями. Ксенофонтъ не былъ такимъ сухимъ, черствымъ, бездушнымъ практикомъ, какимъ представляетъ его нашъ критикъ: военные подвиги должны были отойти у него на задній планъ, при воспоминаніи о пережитомъ въ молодые годы, когда онъ находился въ общеніи съ тѣмъ, кто имѣлъ такое сильное вліяніе на людей и въ частности на него самого, кто всегда казался ему человѣкомъ самымъ лучшимъ и счастливѣйшимъ. Поэтому, если возвращаться, подобно Юэлю, въ области предположеній, то гораздо вѣроятнѣе думать, что, поселившись въ Скиллуны, Ксенофонтъ посвятилъ первые свои литературные досуги воспроизведенію идеальнаго для него образа его учителя; возстановить этотъ образъ было для него нравственною потребностью, и потому Сократъ болѣе, конечно, занималъ его, чѣмъ интересуется онъ насъ. Ксенофонтъ былъ усерднымъ ученикомъ Сократа до 401 г., когда онъ, по предложенію стараго своего друга Проксена, отправился въ Азію и принялъ участіе въ походѣ Кира Млад-

¹⁾ Memorab. IV, 8, 11.

шаго. Но на этотъ важнѣйшій шагъ въ своей жизни Ксенофонтъ рѣшился, испросивши только совѣта своего учителя, что ясно говорить о внутреннемъ тѣснѣйшемъ общеніи между нимъ и Сократомъ¹⁾. Намѣреніе его принять участіе въ походѣ Кира само по себѣ не вызвало неудовольствія Сократа, но только послѣдній, благоразумно опасаясь, чтобы это участіе не навлекло на Ксенофонта негодованія со стороны соотечественниковъ, сказалъ ему обратиться за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу. Вина Ксенофонта, на что указалъ ему Сократъ, заключалась въ томъ, что онъ поставилъ оракулу не тотъ вопросъ, какой слѣдовало предложить, именно, онъ спрашивалъ, вакому богу нужно молиться, чтобы задуманное предприятие его окончилось благополучно, тогда какъ на самомъ дѣлѣ необходимо было прежде спросить, хорошо ли, или нѣтъ само его предприятие,—слѣдуетъ ли избрать задуманное рѣшеніе, или оставить²⁾. Рвеніе, такимъ образомъ, отправиться въ Азію и тамъ искать счастія Ксенофонтъ, дѣйствительно, обнаружилъ большое, но это не значитъ, что бесѣды учителя мало его интересовали: вліяніе на него Сократа было несомнѣнное. Кромѣ известной сократической трилогіи, т. е. „Меморабилій“, „Икономика“ и „Пира“, духъ сократовскихъ бесѣдъ лежитъ и на нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта, особенно на „Киропедіи“, гдѣ Ксенофонтъ, выходя изъ

¹⁾ Cp Th. Klett, Sokrates nach den Xenoph. Memorabilien, Programm. Leipzig, 1893, S. 12.

²⁾ Объ этомъ фактѣ изъ своей жизни Ксенофонтъ сообщаетъ намъ въ „Анабазисѣ“: III, 1, 4—7. Диогенъ Лаэртій только сокращаетъ показаніе самого Ксенофонта: Πρόξενος... ἐν Σάρδεσι διατρίβων παρὰ τῷ Κύρῳ, ἐπεμψέν εἰς Ἀθήνας ἐπιστολὴν Ξενοφῶντι, καλῶν αὐτὸν ἵνα γένηται Κύρῳ φίλος· ὁ δὲ τὴν ἐπιστολὴν δεικνύει Σωκράτει, καὶ σύμβουλον ἤρειτο. καὶ ὅς ἀπέστειλεν αὐτὸν εἰς Δελφοὺς χρησόμενον τῷ θεῷ. πείθεται Ξενοφῶν ἤκε παρὰ τὸν θεὸν πονθάνεται, οὐχὶ εἰ χρὴ ἀπιέναι πρὸς Κύρον, ἀλλ' ὅπως, ἐφ' ᾧ καὶ Σωκράτης αὐτὸν ἠτιᾶτο μὲν, συναβούλευσε δὲ ἐξελεθεῖν (II, 49—50. p. 114. 115).

началъ сократовой философіи, желалъ нарисовать, въ лицѣ Кира Старшаго, образъ идеальнаго правителя¹⁾.

Не имѣеть, наконецъ, убѣдительности и ссылка Іоэля въ данномъ случаѣ на патриотическій тонъ „Меморабилій“²⁾. Какъ извѣстно, аэниае приговорили Ксенофонта къ изгнанію, а затѣмъ этотъ приговоръ надъ нимъ былъ отмѣненъ. Когда случилось то и другое и по какой причинѣ, опредѣлить точно нельзя, потому что самъ Ксенофонтъ въ своихъ сочиненіяхъ ничего не сообщаетъ намъ о причинѣ и времени этихъ фактовъ изъ своей жизни, а здѣсь мы должны довольствоваться свидѣтельствами сравнительно позднихъ писателей. Павзаній говоритъ, что Ксенофонтъ былъ изгнанъ своими соотечественниками за то, что принялъ участіе въ походѣ Кира противъ расположеннаго къ аэнианамъ персидскаго царя, т. е. Артаксеркса³⁾. Но это свидѣтельство съ полнымъ правомъ подвергается сомнѣнію, такъ какъ о благорасположенности персидскаго царя къ аэнианамъ не можетъ быть рѣчи раньше мѣропріятій Конона и заключенія греческаго союза противъ Спарты, т. е. раньше 396 или 395 г.⁴⁾ Другіе древніе писатели говорятъ объ изгнаніи Ксенофонта не такъ опредѣленно, какъ Павзаній. Діо Хризостомъ передаетъ, что Ксенофонтъ былъ изгнанъ за свое участіе въ походѣ Кира;

¹⁾ Ср. Zeller, Die philosophie d. Griechen, II, 1, s. 202; Ueberweg, Grundriss d. Philosophie, Berlin, 1886, I, s. 116; Krohn, Sokrates und Xenophon, s. 61 ff.; Pauly, Real-Encyclop. VI, 2, s. 2792; Веберъ, Всеобщая исторія, пер. Андреева, Москва, 1886, т. II, стр. 763.

²⁾ Іоэль не указываетъ, гдѣ онъ усматриваетъ въ „Меморабиліяхъ“ патриотическій тонъ. Вѣроятно, онъ разумѣетъ такія мѣста „Меморабилій“, какъ III, 5, или III, 7 и др.

³⁾ Pausan. V, 6, 4: ἐδιώχθη ὁ Ξενοφῶν ὑπὸ Ἀθηναίων ὡς ἐπὶ βασιλέα τῶν Περσῶν σφίσιν εὐνοῦν ὄντα στρατείας μετασχὼν Κύρῳ κολεμιστάτῳ τοῦ δήμου.

⁴⁾ G. Grote, Histoire de la Grèce, v. XIII, p. 210. 211; Roquette, De Xenophontis vita, p. 19; Redwands, Xenoph. Anabasis, Einleit., s. 50, Anmerk. 111.

по свидѣтельству Діогена Лаэртія, изгнаніе Ксенофонта вызвано было его привязанностью къ Киру¹⁾. Имѣя въ виду эти одинаково неясныя свидѣтельства и сопоставляя ихъ съ показаніемъ, находящимся въ „Анабазисѣ“, что во время прибытія къ Севеу Ксенофонтъ еще не былъ изгнанъ²⁾, многіе изслѣдователи относятъ приговоръ объ изгнаніи Ксенофонта къ веснѣ 399 г., когда Ксенофонтъ передалъ приведенныя имъ войска спартанскому полководцу Тимброну (Θιβρόνυ)³⁾. Но болѣе вѣроятнымъ является второе мнѣніе, что Ксенофонтъ былъ осужденъ на изгнаніе послѣ битвы при Коронѣѣ (394 г.), гдѣ онъ сражался въ рядахъ враговъ своихъ соотечественниковъ⁴⁾. Мнѣніе это опирается на словахъ Діогена Лаэртія

¹⁾ Dion Syrus, 8, 1. Ξενοφῶν ἔφυγε διὰ τὴν μετὰ Κόρου στρατείαν. — Діогенъ Лаэртскій приводитъ такую эпитафию о Ксенофонтѣ:

Εἰ καὶ σε Ξενοφῶν Κραναοῦ Κέκροπος

τε πολῖται

Φεύγειν κατέγνων, τοῦ φίλου

χάριν Κόρου·

Ἄλλὰ Κόρινθος ἔδεκτο φιλό-

ξενος, ἧ σὺ φιληθῶν

Ὅτως ἀρέσκη, καίθι καὶ μέ-

νειν ἔγνως (II, 58; p. 120).

Въ основѣ приведенныхъ свидѣтельствъ Діо Хризостона и Діогена Лаэртія лежатъ, безъ сомнѣнія, слова „Анабазиса“: ὁ Σωκράτης ὑποπτεύσας μὴ τι πρὸς τῆς πόλεως ὑπαίτιον εἶη Κόρου φίλον γυγέσθαι... (III 1, 5)

²⁾ Anab. VII, 7, 57

³⁾ Krüger, Historisch philol. Studien, Berlin, 1851, Bd. II, s 276, 277 ff; Schenk, Xenoph. Studien, I, s. 639; Pausanias, Real-Encyklop. VI, 2, s 2791; Hecker, Xenoph. Anabasis, Einleit. s. 50—51, Anmerk. 111; Ματαφύσι, исторія классическаго періода греч. литературы, 2, стран. 237.

⁴⁾ Grote G, Histoire de la Grèce, v. XIII, p. 210; Zeller, Die Philosophie d. Griechen, II, 1, s. 199; Веберъ, Всеобщая исторія, т. 2, стран. 763; Wilamowitz-Möllendorf, Antigonos von Karystos въ Philol. Untersuchungen herausg. v. Kiessling, Berlin, 1881, H, 4, s. 334; Roquette, De Xenoph. vita, p. 20 Изъ болѣе раннихъ изслѣдователей этого взгляда держались Нибуръ, Дотронъ. — Мнѣніе Николаи (Jahrb. für Phil. 1861, s. 811) и Редактора (Xenoph.

который въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Ксенофонтъ былъ осужденъ афинянами, по приходѣ въ Агезилаю, за свою привязанность къ спартамцамъ ¹⁾. Отмѣненіе приговора надъ Ксенофонтѣмъ большинство изслѣдователей относятъ къ тому времени, когда афиняне вступили въ союзъ съ Спартою въ борьбѣ противъ еивянъ, при чемъ, по мнѣнію однихъ, это отмѣненіе могло произойти до битвы при Мантиней или послѣ нея, а по мнѣнію другихъ отмѣна приговора послѣдовала около 369—367 г. ²⁾. Хотя, такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятно, что Ксенофонтъ былъ осужденъ на изгнаніе за свою привязанность къ Спартѣ, а потому получилъ амнистію послѣ перемѣны отношеній афинянъ къ лакедемонянамъ, тѣмъ не менѣе нельзя считать его врагомъ отечества, „дурнымъ гражданиномъ“, „ренегатомъ“. Любовь къ Спартѣ, ея государственному устройству Ксенофонтъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими учениками Сократа; эта любовь особенно отличала Платона, какъ видно изъ многихъ его сочиненій, преимущественно же „Республики“. Объ афинской демократіи Ксенофонтъ отзывался неодобрительно и въ „Меморабіліяхъ“ ³⁾. Если вѣрно предположеніе, что приговоръ объ изгнаніи Ксенофонта былъ отмѣненъ только послѣ битвы при Мантиней, то мы имѣемъ ясное до-

Аναβάσις, Einleit. s. 51, Anmerk. 111), что Ксенофонтъ былъ простымъ зрителемъ королевской битвы, которую впоследствии, какъ извѣстно, онъ описалъ (Hall. IV, 3, 15) — ко не принималъ въ ней, будто, участія, мало вѣроятно, особенно если принять во вниманіе показаніе Плутарха (Agesil. c. XVIII: παρὴν αὐτός, т. е. Ксенофонтъ τῆ Ἀγχιλάφ συναγωνισόμενος) и самого Ксенофонта (Anab V, 3, 6).

¹⁾ Diog. Laert. II, 51 (p. 115): παρ' ὧν χαίρων (т. е. послѣ прихода къ Агезилаю) ἐπὶ Λακωνιστῶν φουγῆν ὑπ' Ἀθηναίων κατεγνώσθη.

²⁾ Перваго мнѣнія держится напр. Целлеръ (Die Philosophie d. G., II, 1, s. 199), втораго — Ибергеръ (Geschichte d. Philosophie, I, s. 116), Веберъ (Всеобщая исторія, т. 2, стр. 764), Беръ (Pauly, Real-Encyklop. VI, 2, s. 2792), Рокетъ (De Xenoph. vita, p. 30), Редакциѣ (s. 52).

³⁾ Memorab. III, 7, 5—7.

казательство дружественнаго отношенія нашего писателя къ своимъ соотечественникамъ и до его амнистїи, такъ какъ Ксенофонтъ, какъ извѣстно, послалъ сражаться при Мантинѣ двухъ своихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ—Гриллъ былъ убитъ, при чемъ смерть его была воспроизведена на одной изъ картинъ, которыя видѣлъ Павзаній въ афинскомъ Акрополѣ.

Такимъ образомъ, если Іоэль всячески желаетъ отнести происхождение „Меморабилій“ къ болѣе позднему времени, чтобы вслѣдствіе этого ксенофоновскія „фикціи“ въ „Воспоминаніяхъ“ о Сократѣ явились для каждаго, по его мнѣнію, яснѣе и понятнѣе, то въ этомъ случаѣ, какъ видно, онъ совершенно неправъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ разборѣ взгляда К. Іоэля на „Меморабиліи“ будемъ слѣдовать, въ главномъ, порядку его собственной аргументаціи.

Прежде всего, мы встрѣчаемся, въ данномъ случаѣ, съ вопросомъ, насколько вообще объективенъ Ксенофонтъ, какъ историкъ. Нельзя отрицать того, что признается въ настоящее время большинствомъ изслѣдователей, писавшихъ о Ксенофонтѣ, именно, что послѣдній, дѣйствительно, обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ большое пристрастіе къ спартанцамъ и ихъ государственнымъ дѣятелямъ, умаляя заслуги вождей афинскихъ. Это пристрастіе нашего историка вполне понятно, если принять во вниманіе обстоятельства его жизни, а равно то, что вообще сократовскій кружокъ учениковъ чувствовалъ симпатїи къ Спартѣ и ея устройству. Оно вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что Ксенофонтъ былъ дурной гражданинъ, что его не одушевляло высокое патріотическое чувство. Историкъ греческой литературы Бергъ не безъ основанія говоритъ, что изгнаніе Ксенофонта изъ Афинъ, постигшее его столько же незаслуженно, сколько и неожиданно, поставило его противъ его воли въ такія отношенія, изъ

которых не легко было выйти. Его рыцарскій смыслъ, его природное чувство благодарности, равно внутреннія симпатіи привязали его къ той партіи, къ которой онъ разъ примкнулъ. Ксенофонтъ—человѣкъ благороднаго настроенія; но требовалась особая высота характера, чтобы въ такомъ положеніи сохранить безъ всякаго ослабленія должную преданность отечеству,—что всегда обнаруживалъ Фукидидъ¹⁾. Главное же, что пристрастное отношеніе Ксенофонта къ Спартѣ и ея дѣтелямъ замѣчается не во всѣхъ его сочиненіяхъ, а въ нѣкоторыхъ оно совершенно исчезаетъ и Ксенофонтъ является въ нихъ вполне объективнымъ историкомъ. Карлъ Юозъ съ особеннымъ, какъ видно, удовольствіемъ пользуется тою характеристикю, которую даетъ Нибуръ сочиненію Ксенофонта 'Ελληνικά²⁾, находя въ ней полное подтвержденіе своего взгляда на Ксенофонта, какъ историка. Но необходимо поставить на видъ, что характеристика эта относится Нибуромъ только къ послѣднимъ пяти книгамъ 'Ελληνικά, какія книги Нибуръ, по нѣкоторымъ основаніямъ, совершенно отдѣляетъ, какъ особый трудъ, отъ первыхъ двухъ книгъ разсматриваемаго сочиненія Ксенофонта³⁾. Объ „Окончаніи труда Фукидида“, т. е. о первыхъ двухъ книгахъ 'Ελληνικά Нибуръ отзывается такъ. Здѣсь замѣчается справедливая оцѣнка Аѣниъ, олигархической тираніи, смѣлости и благоразумія, съ какими Тразибуллъ и изгнанники возстановили законный порядокъ,—справедливая оцѣнка той вполне достойной уваженія умѣренности и правоты, съ какими демосъ воспользовался своею по-

¹⁾ Griech. Literaturgeschichte, Berlin, 1887, Bd. IV. s. 315.

²⁾ Niebuhr, Kleine historische und philolog. Schriften, erste Sammlung, Bonn, 1828, s. 466, 467.

³⁾ Niebuhr. s. 464—470. — Взглядъ Нибура раздѣляютъ Петеръ (Comment. crit. de X. Hellenicis, Halle, 1837), Вель (Zeitschrift f. Alterthums-wissenschaft, 1842, s. 143 ff), Мюллеръ (Emil. Müller, De Xenophontis historiae graecae parte prioris, Leipzig, 1856, p. 10), Рокетъ (De Xenoph. vita, p. 52).

бѣдою. Рѣчь Тразибулла къ мнимымъ аристократамъ содержать все, чего можетъ требовать истинный другъ аѳинскаго народа и что, очевидно, составляло убѣжденіе самого писателя¹⁾. Историкъ греческой литературы Магаффи о первыхъ двухъ книгахъ *Ἑλληνικά* говоритъ: „Первоначальныя *Hellenica* или Хроники (Θουκιδίδα), какъ ихъ иногда называютъ, составляютъ несомнѣнно наиболѣе надежную часть историческаго вклада Ксенофонта... Какая бы запутанность ни встрѣчалась въ повѣствованіи, она должна быть скорѣе приписана противорѣчивости самыхъ данныхъ, чѣмъ отсутствію искренности со стороны историка“²⁾. Нельзя, значитъ, такъ безапелляціонно утверждать, какъ это дѣлаетъ Иоэль, что Ксенофонтъ не способенъ былъ къ объективно-историческому изображенію событій, что онъ не могъ передать что нибудь вѣрно, правдиво. Панегиристъ вообще спартанцевъ Ксенофонтъ, однако, — на что обращаютъ вниманіе историки³⁾, — такъ характеризуетъ измѣнившіеся ихъ нравы въ четырнадцатой главѣ своего сочиненія „Лакедемонское государство“. „Я знаю, что ла-

Единство разсматриваемаго сочиненія Ксенофонта, хотя и написаннаго въ различное время, защищаютъ *Летронъ* (*Biogr. univ.* t. 51, p. 388), *Брайтенбахъ*, *Беръ* (*Pauly, Real-Encyclop.* VI, 2, s. 2793. 2794), *Берикъ* (*Griech. Literaturgeschichte*, IV, s. 302). Исследователи, раздѣляющіе *Ἑλληνικά* на два труда, различныя между собою не только по времени своего написанія, но и по своему названію (Хроники или *Ῥαγαλιώματα* — перемыдкі книги и *Ἑλληνικά* или греческая исторія — остальныя пять книгъ), опираются въ этомъ случаѣ на слѣдующихъ показанійхъ древнихъ писателей. Діонисій Галикарнасскій передаетъ (*Ep. ad Romar.* IV, p. 771), что Ксенофонтъ написалъ ἐτι τὴν Ἑλληνικὴν ἱστορίαν καὶ ἤν κατέλιπεν ἀτελεῖ Θουκυδίδης. Марцеллинъ въ жизнеописаніи Θουκιδίδα (*Vit. Thucyd.* II, 45) говоритъ: ἀπέθανε Θουκυδίδης. συγγραφέων τὰ πράγματα τοῦ εἰκοστοῦ καὶ πρώτου ἐνιαυτοῦ εἶχοσι δὲ καὶ ἑπτὰ κατέσχευεν ὁ πόλεμος. Τὰ δὲ τῶν ἄλλων ἐξ ἑτῶν ἀναπληροῖ: ὁ τε Θεόπομπος καὶ ὁ Ξενοφῶν, οἷς συνάπτει τὴν Ἑλληνικὴν ἱστορίαν.

¹⁾ Niebuhr, s. 466.

²⁾ Исторія классическаго періода греческой литературы, т. 2 стр. 253.

³⁾ G. Grote, *Histoire de la Grèce*, v. XIII, p. 283. 285

кедемоняне прежде предпочитали жить скромно, дома, въ союзѣ съ согражданами, чѣмъ быть намѣстниками по городамъ и развращаться лестью. Прежде, я знаю, они боялись, имѣя деньги, показывать это на видъ, а теперь есть такіе, которые хвастаются своими приобрѣтеніями. Потому то, думаю, въ прежнее время и практиковалось изгнаніе чужестранцевъ и не позволялось быть внѣ отечества, чтобы граждане не позаимствовали у иностранцевъ привычекъ изнѣженной жизни; теперь же, мнѣ извѣстно, считающіеся первыми лицами въ государствѣ всячески хлопочуть, какъ бы всегда остаться гармостами. Было время, когда лакедемоняне заботились, какъ бы стать достойными предводительства, теперь же гораздо болѣе прилагаютъ старанія достигнуть его, чѣмъ быть его достойными. Потому то прежде эллины, придя къ лакедемонянамъ, просили ихъ принять надъ ними военачальствованіе противъ тѣхъ, которые нанесли имъ обиду, а въ настоящее время многіе убѣждаютъ другъ друга, чтобы воспрепятствовать имъ вновь первенствовать. Не стоитъ, впрочемъ, вовсе удивляться этимъ упрекамъ, падающимъ на нихъ, такъ какъ они явно не повинуются ни богу, ни законамъ Ликурга^а. Эта характеристика спартацевъ въ устахъ ихъ панегириста весьма замѣчательна, ясно показывая, что Ксенофонтъ не всегда ослѣпленъ спартавскимъ устройствомъ. Не даромъ она служитъ для многихъ изслѣдователей важнѣйшимъ основаніемъ заподозрѣвать или даже совершенно отвергать подлинность „Лакедемонскаго государства“¹⁾.

¹⁾ Принадлежность Ксенофону сочиненія „Лакедемонское государство“ признаютъ Гротъ, Берикъ (Griech. Literatur-geschichte, IV, s. 312), Омкенъ (Staatslehre d. Aristoteles, I, s. 237), Малаффи (Исторія, 2, 269. 270), Фокетъ (De vita Xenoph. p. 82); противоположнаго мнѣнія держатся Манзо (Sparta, 1800—1805, I, s. 275), Бекъ (Staatsverwaltung d. Athenen, 1851, I, s. 48), Дельбриккъ (Xenophon, s. 147), Барташди, Ринке (De Xenoph. vita et scriptis, 1851, p. 26), Леманъ (Die unter Xenoph. Name überlief. Schrift. v. Staat d. Laced., s. 8). Подлинность рассматриваемаго сочиненія ясно устанавливается сви-

Нельзя; въ частности, строго доказать и того, что Ксенофонтъ мало объективенъ въ своемъ „Анабазисѣ“. Уже древніе смотрѣли на „Анабазисъ“, какъ на образецъ вѣрнаго, въ высшей степени простаго и чрезвычайно привлекательнаго историческаго разсказа ¹⁾. Если, скажутъ, это свидѣтельство древности не имѣетъ значенія, какъ свидѣтельство некритичное, то можно сослаться на нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдователей, напр. Георга Грота, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ какомъ нибудь легковѣрїи и недостаткѣ критичности и который тѣмъ не менѣе признаетъ за „Анабазисомъ“ высокую историческую цѣнность ²⁾. К. Іоэль говоритъ; что Ксенофонтъ преувеличилъ въ „Анабазисѣ“ свою роль, „что Діодоръ, пишущій объ отступленіи грековъ по другимъ источникамъ, во-

дѣтельствомъ Плутарха (Lycurg с. 1), а равно слогомъ сочиненія и основною его мыслью.—Не заслуживаетъ опроверженія мнѣніе Окена, что сочиненіе „Лаккедемонское государство“ написано Ксенофонтомъ до участія въ походѣ Кира. Больше или меньше общепринятымъ въ настоящее время взглядомъ является тотъ, что рассматриваемое сочиненіе написано до 371 г. (до битвы при Левктрѣ). Гротъ говоритъ: выраженіе πολλοὶ παραχολούσιν ἀλλήλους ἐπὶ τῷ διτκωλύειν ἀρξαι πάλιν αὐτοὺς показываетъ, что рассматриваемое сочиненіе появилось, по всей вѣроятности, въ промежуткѣ между морскими пораженіемъ спартацевъ при Книдосѣ и ихъ пораженіемъ на сушѣ при Левктрѣ. Первая побѣда надъ ними помешала конецъ ихъ владѣтельству на морѣ, а вторая—отняла у нихъ всякую возможность возвратити прежнее владѣтельство; но въ промежуткѣ между двумя указанными событіями возвращеніе прежняго могущества было для нихъ не невозможно. (Histoire de la Grèce XIII, p. 284 Note). Соображенія Грота повторяетъ и Рокетъ, прибавляя: harmostae vero a Lyandro primo missi post pugnam Leuctricam expulsi sunt (Paus. IX, 6, 4; VIII, 52, 4), itaque librum non statim Peloponnesiaco bello confecto, tamen ante a 371 compositum esse perspicuum est (De vita Xenoph. p. 83).

¹⁾ Dion Chrys. XVIII § 14—17; Arrian. Ἀλεξάνδρου Ἀνάβασις, I, 12, 3.

²⁾ Бергкъ называетъ „Анабазисъ“ das Tagebuch des Theilnehmers (IV, s. 298), говоритъ, что между историческими сочиненіями Ксенофонта рассматриваемое занимаетъ, безспорно, первое мѣсто (s. 299); все, что Ксенофонтъ въ немъ сообщаетъ, очѣрается на непосредственномъ опытѣ и передано ясно, живо, и чуждо хвастливости и желанія риторически приукрасити вещи (s. 299, ср. 300).

все не упоминаетъ о Ксенофонтѣ, а говоритъ о другомъ стратегѣ, участникѣ отступленія, Софенетѣ¹⁾. Но относительно роли Ксенофонта, при отступленіи грековъ, Дж. Магаффи, весьма вообще скептически относящійся къ Ксенофонту, замѣчаетъ. „Казалось бы, что Ксенофонтъ былъ въ это время (т. е. при отступленіи грековъ) слишкомъ молодъ, чтобы играть первенствующую роль; но хорошее общее образованіе и значительное краснорѣчіе выдѣляли его среди полчища приунывшихъ наемниковъ, которые превосходили его лишь военною опытностью. Какимъ образомъ онъ достигъ стратегическихъ знаній, необходимыхъ для маневрированія большихъ отрядовъ, понять довольно трудно, и объясняется лишь тѣмъ сильнымъ прирожденнымъ влеченіемъ ко всевозможнымъ передвиженіямъ, ... которое постоянно въ немъ сказывалось, а еще болѣе грубымъ способомъ веденія войны, господствовавшимъ среди грековъ, почти ничего, повидимому, не вѣдавшихъ по части стратегіи: вплоть до появленія Эпаминонда“¹⁾. Что касается того, что Діодоръ, говоря въ четырнадцатой книгѣ своей „Исторической библіотеки“ объ отступленіи грековъ, не упоминаетъ о Ксенофонтѣ, то это обстоятельство уже само по себѣ возбуждаетъ большое сомнѣніе противъ достовѣрности разсказа Діодора; не говоримъ о томъ, что его разсказъ слишкомъ кратокъ, часто спутанъ и страдаетъ неточностями²⁾. Умолчаніе въ разсказѣ о Ксенофонтѣ и выставленіе на первый планъ Софенета объясняютъ или тѣмъ, что руководитель Діодора историкъ Эфоръ, у котораго онъ главнымъ образомъ заимствуетъ свой матеріалъ³⁾, пользовался, говоря объ отступленіи грековъ, „Ана-

¹⁾ Дж. Магаффи, 2, стр. 246.

²⁾ *G. Grote, Histoire de la Grèce, v. XIII, p. 17. 54. 69. 90. Note; C. Rehdantz, Xenoph. Anabasis, s. XXI.*

³⁾ Вопросъ, впрочемъ, весьма спорный, какими источниками пользовался Діодоръ, при написаніи своего сочиненія. См. изслѣдованія: *W. Collmann, De Diodori Sic. fontibus, Leipzig, 1869; Ch. Volquardsen, Untersuchungen über die Quelle d. griech. und sicil. Geschichten bei Diodor, 8. XL—XVI, Kiel, 1868; R. Klüber, Über die Quellen des Diodor im IX Buch, Würzburg, 1868. Самъ*

базисомъ¹, написаннымъ стратегомъ Софенетомъ¹), или самъ Діодоръ имѣлъ подъ руками этотъ „Анабазисъ“²), отъ котораго до насъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ.—К. Іоэль, говоритъ, что партійная точка зрѣнія ясно видна въ „Анабазисѣ“ изъ того, что однихъ лицъ Ксенофонтъ изображаетъ здѣсь исключительно свѣтлыми, а другихъ—исключительно мрачными красками. Но нельзя же допустить, чтобы Ксенофонтъ казался одинаково симпатичными, привлекательными совершенно противоположныя черты характера военачальниковъ. А между тѣмъ Клеархъ и Проксенъ, какъ онъ ихъ изображаетъ, именно представляются натурами противоположными: первый строгъ, суровъ, умѣетъ внушить присутствующимъ, что должно слушаться Клеарха, солдаты чувствуютъ къ нему страхъ³); второй—напротивъ, натура мягкая, нѣжная: „онъ не способенъ внушить солдатамъ ни почтительности къ себѣ, ни страха, напротивъ того самъ гораздо болѣе стыдился солдатъ, чѣмъ подчиненные стыдились его, и, видимо, скорѣе боялся возбудить ненависть со стороны солдатъ, чѣмъ солдаты боялись оказывать ему неповиновеніе“⁴). Очевидно, оба эти полководца не могли казаться Ксенофонтъ одинаково привлекательными, по своему характеру: онъ изображаетъ ихъ такъ, какими они были на самомъ дѣлѣ; характеристика ихъ не измышлена, а соответствуетъ дѣйствительности. Тессалійца Менона Ксенофонтъ дѣйствительно изображаетъ исключительно мрачными красками, но нельзя не обратить вниманія въ этомъ изображеніи на слѣдующее. Сказавши, что люди, имѣвшіе сношеніе съ Менономъ и затѣмъ оставившіе его, считали

Діодоръ называетъ Эфора своимъ руководителемъ, при написаніи XII, с. 38—40: αἰτίαι μὲν οὖν τοῦ Πελοποννησιακοῦ πολέμου τοιαῦτα τινες ὑπῆρσαν, ὡς Ἐφορος ἀνεγράφει (XII, 41).

¹) *Rehdantz*, s. XXI.

²) Мнѣніе Крюгера.

³) Анаб. II, 6, 1—16.

⁴) Анаб. II, 6, 16—21.

для себя благодареніемъ, что этотъ человѣкъ не погубилъ ихъ, Ксенофонтъ тутъ же прибавляетъ: „положимъ, въ томъ, что не было явнымъ, можно относительно него (т. е. Менона) погрѣшить, но вотъ то, что всѣ знаютъ“¹⁾, и затѣмъ слѣдуетъ рассказъ, какъ Менонъ за свою красоту достигъ у Ариштиппа начальствованія надъ наемными войсками, а у Ариэя, варвара, сталъ самымъ близкимъ человѣкомъ, какъ онъ (по своимъ, конечно, проискамъ) не былъ казначей вмѣстѣ съ другими стратегами, сотоварищами, которые пошли вмѣстѣ съ Киромъ войною противъ царя. Ксенофонтъ, какъ видно, въ своей характеристикѣ Менона желаетъ соблюсти возможную осторожность; онъ имѣетъ въ виду сообщить только то, что было несомнѣннымъ фактомъ, признавалось всѣми.

Но Ксенофонтъ, утверждаютъ, потому и ведетъ въ „Анабазисѣ“ свой рассказъ отъ имени третьяго посторонняго лица, что желаетъ лучше восхвалить себя и сдѣлать свое самохвальство болѣе правдоподобнымъ. Бѣдный Ксенофонтъ! Тамъ, гдѣ относительно него всѣ съ равнымъ правомъ могутъ склониться въ совершенно противныя стороны, они склоняются не въ его пользу. Вѣдь, въ указанной формѣ рассказа можно съ такимъ же основаніемъ признать и скромность со стороны Ксенофонта, который не считалъ удобнымъ вездѣ въ рассказѣ ставить на видъ свое я,—что дѣйствительно нѣкоторые и усматриваютъ²⁾. Не говоримъ о томъ, что подобная форма была не нова, а встрѣчалась раньше въ поэзіи и прозѣ³⁾. Если признать справедливымъ взглядъ, высказываемый въ настоящее время многими изслѣдователями, опирающимися на извѣстномъ

¹⁾ Anab. II, 6, 28.

²⁾ Веберъ, Всеобщая исторія, т. 2. стр. 762; *Rehdantz*, Xenoph. Anab. s. LV.

³⁾ Ср. *Kröger*, De Xenoph. vita quaestiones criticae, Halle, 1822, p. 14; De authentia et integritate Anabasso Xenophontese, Berlin, 1834, p. 19; *Schoell*, Geschichte d. griech. Literatur, Berlin, 1828, B. I, s. 339, Anmerk. 2; *Rehdantz*, Xenoph. Anab., s. LV, Anmerk. 12; *Roquette*, De Xenoph. vita, p. 65. 66.

мѣстѣ Hellen. III, 1, 2¹⁾, что раньше „Анабазиса“ Ксенофонта существовало сочиненіе подѣ такимъ же заглавіемъ сиракузянинаThemistogena, какой трудъ Ксенофонтъ передѣдалъ и восполнилъ²⁾; то указанная форма разсказа, принятая Ксенофонтѣмъ въ своемъ „Анабазисѣ“, будетъ вполне понятна. Но едва-ли этотъ взглядъ можно принять, и именно по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, личность Themistogena никѣмъ, кромѣ Свида; въ числѣ писателей не упоминается³⁾ и прибавка Свида, что Themistogenъ написалъ, кромѣ „Анабазиса“ „и нѣчто другое о своемъ отечествѣ“ весьма неопредѣленна⁴⁾. Во-вторыхъ, принимая этотъ взглядъ, приходится предположить, что третья книга Ἑλληνικά написана раньше, чѣмъ Ксенофонтъ передѣлалъ первоначальное сочиненіе (Themistogena), такъ какъ съ той минуты его авторскія права не представляютъ уже никакого сомнѣнія и напускная скрытность его становится смѣшною“. Но сами защитники разсматриваемаго взгляда ясно выдаютъ искусственность и произвольность подобнаго предположенія, когда одни (Магаффи) склонны считать вступленіе въ третью книгу Ἑλληνικά

1) Ὡς μὲν οὖν Κύρος στρατεύμα τε συνέλεξε καὶ τοῦτ' ἔχων ἀνέβη ἐπὶ τὸν ἀδελφόν, καὶ ὡς ἡ μάχη ἐγένετο, καὶ ὡς ἀπέθανε, καὶ ὡς ἐκ τούτου ἀπεσώθησαν οἱ Ἕλληνες ἐπὶ θάλατταν, Themistogénēi τῷ Συρακούσιῳ γέγραπται.

2) Взглядъ этотъ проводитъ Шенкль (Xenoph. Studien, I, s. 636), Магаффи (Historia, 2, 254. 255), Нитше и др.

3) Сuida говоритъ: Themistogénēs Συρακούσιος ἱστορικός. Κύρου Ἀνάβασις, ἣτις ἐν τοῖς Ξενοφώντος φέρεται καὶ ἄλλα τιὰ περὶ τῆς ἑαυτοῦ πατρίδος.

4) Ср. Pauly Real-Encyklop. VI, 2. 1796; I. Hartmann, Analecta Xenophontea, p. 31. Гартманъ говоритъ: Equidem multo lubentius credam Suidam, quo nemo est grammaticorum ineptior, de Themistogene aliquid annotare voluisse, praeter id quod omnibus notum esset, sed quum ex nullo scriptore quidquam cognitum haberet, de suo id commentum esse, quod cuivis in mentem venire posset. Quid enim facilius est quam, quum de historico aliquo, cujus nil nisi nomen noris, aliquid dicendum est, eum nonnulla de patriae suae historia conscripsisse, conficere.

завключеніемъ болѣе ранней второй книги этого сочиненія, другіе (Нитше) относятъ написаніе третьей книги 'Ελληνική къ такому раннему времени, какъ 384 г., третьи (Шенкль) самое происхожденіе „Анабазиса“ (или, по крайней мѣрѣ, изданіе его) вынуждены относить ко времени послѣ 371 г. По слѣднее рѣшительно не согласно съ тѣми мѣстами „Анабазиса“, гдѣ Ксенофонтъ описываетъ свою жизнь въ Скиллути¹⁾. Вѣроятнѣе думать, что имя Θемистогена простой псевдонимъ, подъ которымъ Ксенофонтъ издалъ свой „Анабазисъ“²⁾. Это предположеніе находитъ для себя твердую опору въ свидѣтельствѣ Плутарха, который сообщаетъ, что Ксенофонтъ самъ о себѣ составилъ исторію, описавши, какъ онъ предводительствовалъ и имѣлъ при этомъ успѣхъ, при чемъ представилъ дѣло такъ, какъ будто обо всемъ этомъ написалъ не онъ, а Θемистогенъ³⁾. Тутъ же Плутархъ дѣлаетъ краткое разъясненіе, почему именно Ксенофонтъ такимъ образомъ поступилъ: ἵνα πιστότερος ᾦ—говоритъ онъ—διηγοούμενος ἑαυτὸν ὡς ἄλλου. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что, издавая свой „Анабазисъ“ подъ чужимъ именемъ, Ксенофонтъ имѣлъ въ виду сдѣлать свой рассказъ болѣе объективнымъ, устранить могущія, естественно, возникнуть подозрѣнія относительно партійности, пристрастности его рассказа⁴⁾. Не лишено также вѣроятія

¹⁾ Anab. V, 3, 7 κ. δαλ. Объ употребленіи этихъ формъ imperfec. (протизъ Шенкля) см. *Rehdantz*, Xenoph. Anab. Einleitung, s. LIV, Anmerk 120; *Roquette*, De X. vita, p. 63.

²⁾ *Schoell*, Geschichte, I, s. 339. 340. Anmerk 2; *Bähr* въ Pauly Real-Encyklör. VI, 2, s. 2793, sp. 1796; *Nieduhr* въ *Reinisches Museum*, I, s. 169. *Веберъ*, Всеобщая исторія, т. I, стр. 762; *Bergk*, Griech. Literaturgeschichte, IV, 298; *Hartmann*, Analecta Xenoph. p. 32; *Roquette*, De Xenoph. vita, p. 65. 66; *Rehdantz*, Xenoph. Anab. s. LV.

³⁾ Plut. De gloria Athen. c. 1; Ξενοφῶν μὲν γὰρ αὐτὸς ἑαυτοῦ γέγονεν ἱστορία, γράφας ἃ ἐστρατηγήσε καὶ κατέρβωσε καὶ θεμιστογένην (λέγει) περὶ τούτων συντάχθαι τὸν Στρατηγισίον.

⁴⁾ Ср. *Schoell*, Geschichte, s. 339. 340. Anmerk 2.

предположеніе, что Ксенофонтъ желалъ этимъ избѣгнуть зависти со стороны современниковъ и ненависти со стороны фамилій тѣхъ дщъ, которыя представлены въ его сочиненіи въ дурномъ свѣтѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ данныя въ пользу того, что хотя Ксенофонтъ обнаруживаетъ (особенно въ повдѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ) пристрастіе къ Спартѣ и ея дѣятелямъ, но онъ „способенъ былъ“ и къ объективному изображенію историческихъ событій, не является простымъ хвалителемъ себя самого и усерднымъ панегиристомъ своихъ друзей. Уже однѣ двѣ первыя книги *Ἑλληνικά* могутъ, въ данномъ случаѣ, показывать несостоятельность взгляда Юэля. Если даже допустить, что Ксенофонтъ, какъ историкъ, мало объективенъ, во всякомъ случаѣ быть мало объективнымъ, обнаруживать пристрастіе въ своихъ сужденіяхъ, далеко не то же, что „творить“, „измышлять“ и выдавать свои фикціи за нѣчто дѣйствительно происходившее. Какъ историкъ, Ксенофонтъ не можетъ, конечно, сравниться съ своими знаменитыми предшественниками—Геродотомъ и Фукидидомъ, однако на ряду съ ними занимаетъ почтенное мѣсто. Особенность его сочиненій та, что его болѣе интересуетъ частное, чѣмъ общее, болѣе занимаютъ самые факты, чѣмъ освѣщеніе послѣднихъ, прониновеніе въ ихъ внутреннюю связь. Когда рѣчь идетъ объ объективности Ксенофонта, то, вопреки Юэлю, нужно признать, что Ксенофонту далеко труднѣе было сохранить ее въ своемъ „Анабазисѣ“, имѣющемъ автобіографическій характеръ, чѣмъ въ „Меморабіліяхъ“, гдѣ Ксенофонтъ говоритъ о другой личности, хотя, правда, личности глубоко его занимавшей.

Посмотримъ, далѣе, насколько убѣдительны аргументы К. Юэля, въ подтвержденіе его взгляда, заимствуемые изъ

¹⁾ *Rehdantz, Xenoph. Anabasis, s. LVI, Anmerk. 121.*

характера бесѣдъ Сократа, заключающихся въ „Меморабиліяхъ“.

К. Іоэль всячески, какъ мы видѣли, желалъ доказать позднее происхожденіе „Меморабилій“, чтобы сдѣлать очевиднымъ, что Ксенофонтъ, при написаніи разсматриваемаго сочиненія, необходимо забылъ, перепуталъ бесѣды Сократа и потому не передалъ ихъ вѣрно. Но не было, кажется, нужды отодвигать въ этихъ соображеніяхъ происхожденіе „Меморабилій“ въ возможно болѣе позднимъ годамъ жизни Ксенофонта, потому что и крайній пятилѣтній, или шестилѣтній періодъ, протекшій между смертью Сократа и появленіемъ „Меморабилій“, былъ вполнѣ достаточенъ, чтобы Ксенофонтъ не могъ вѣрно *исключительно по памяти* воспроизвести бесѣды Сократа,—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ воспроизводитъ. Безъ сомнѣнія, многія бесѣды Сократа неизгладимо запечатлѣлись въ душѣ юнаго ученика; онъ могъ впоследствии воспроизводить ихъ, при удобныхъ обстоятельствахъ ¹⁾. Но, при передачѣ бесѣдъ Сократа, Ксенофонтъ, по всей вѣроятности, на одну свою память не полагался. Слова его въ Мемогав. I, 3, 1, что онъ будетъ писать о Сократѣ, что припомнить ²⁾, нельзя понимать буквально, а они означаютъ то, что его сообщенія о Сократѣ будутъ кратки, отрывочны, далеко не будутъ исчерпывать всего, что говорилъ Сократъ. Будучи отъ природы человѣкомъ, одареннымъ историческими способностями, Ксенофонтъ, возможно предположить, съ самаго же начала записывалъ тѣ разговоры Сократа, которые произвели на него особенно сильное, живое впечатлѣніе. На обычай записывать бесѣды Сократа находимъ указаніе въ діалогѣ Платона „Теэтетъ“ ³⁾; изъ введеній къ діалогамъ „Федонъ“ и „Симпо-

¹⁾ Ср. А. Döring, Die Lehre d. Sokrates, als sociales Reform-system, München, 1895, s. 77.

²⁾ Τούτων δὲ γράφω, ὅσα αὐτὸν διαμνημονεύσω.

³⁾ Theæt. 142 D—143 A.

сiонъ² можно заключать, что выдающіяся бесѣды Сократа считались въ его кружкѣ своего рода событіями, о которыхъ каждый желалъ получить свѣдѣнія¹). Многія сообщенія о Сократѣ, особенно о его осужденіи и послѣднихъ дняхъ его жизни, Ксенофонтъ несомнѣнно получилъ отъ другихъ лицъ, ибо самъ онъ не былъ въ Афинахъ, при осужденіи Сократа; въ Мемораб. IV, 8, 4 онъ прямо дѣлаетъ ссылку на другаго свидѣтеля, именно Гермогена. Изъ словъ Ксенофонта въ Мемораб., I, 2, 31: „я самъ я этого никогда не слышалъ отъ Сократа и не знаю, чтобы кто другой говорилъ, что слышалъ“, нужно заключить, что Ксенофонтъ не довольствовался своими собственными воспоминаніями объ учителѣ, а обращался и къ другимъ лицамъ, которыя могли сообщить ему что-нибудь достовѣрное о Сократѣ²). Въ „Меморабіліяхъ“ дѣло вовсе не представляется такъ, будто всѣ бесѣды Сократа, передаваемые здѣсь, Ксенофонтъ самъ слышалъ, самъ при нихъ присутствовалъ. Форма ἤκουσα встрѣчается только въ двухъ мѣстахъ „Меморабілій“³), въ одномъ мѣстѣ—форма παρεγένονην⁴). Другія вводныя формулы къ передачѣ разговоровъ Сократа—это εἶφη, ἔλεγε, ἤρετο, ἐπισκόπει ᾧδε, наиболѣе же часто—οἶδα δὲ ποτε αὐτὸν διαλεχθέντα; въ двухъ мѣстахъ встрѣчается форма λέγεται⁵). Такимъ образомъ, совершенно несправедливо думать, что Ксенофонтъ, при написаніи „Меморабілій“, исклю-

¹) Döring, s. 76; А. Галаровъ, Платонъ, какъ историческій свидѣтель, Киевъ, 1891, стр. 103, прим. 101.—Бергъ сомнѣвается въ запискахъ Ксенофонта бесѣды Сократа, но никакъ не основанъ въ пользу этого не представляеть (IV, s. 303). Самъ онъ считаетъ правдивымъ то мѣсто діалога „Теагетъ“, гдѣ говорится, что Евклидъ, выслушавши бесѣду Сократа, тотчасъ же, по приходѣ домой, записалъ ее (Theaet. 143. A.).

²) Клеттѣ высказываетъ предположеніе, что, во время своего пребыванія въ Скиадиѣ, Ксенофонтъ могъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о Сократѣ отъ Федона, основателя школы въ Элизѣ (Elis). Sokrates nach Xenoph. Memorabilien, s. 12.

³) Мемораб. II, 4, 1 и II, 5, 1.

⁴) Мемораб. IV, 3, 2.

⁵) Мемораб. I, 2, 20 и I, 2, 40.

чительно полага́лся на то, что сохранила его память о его учителѣ: онъ имѣлъ при этомъ нѣкоторыя собственныя записи разговоровъ Сократа и часто руководился сообщеніями другихъ лицъ, знавшихъ Сократа.

Если, затѣмъ, вчитаемся въ собесѣдованія Сократа, передаваемыя въ „Меморabiliaхъ“, то нужно признать, что они вовсе не такъ скучны, однообразны и безсодержательны, какъ представляетъ ихъ Іоэль, повторяя въ этомъ случаѣ мнѣніе Шлейермахера. Есть, правда, въ „Меморabiliaхъ“ довольно тривиальныя и утомительныя разсужденія о томъ, что оружейный мастеръ долженъ готовить панцырь, вполне пропорціональный тѣлу того, кто его носитъ¹⁾, что развитіе тѣлесныхъ силъ даетъ человѣку много выгодъ и преимуществъ предъ тѣми, у которыхъ развитіе тѣла недостаточно²⁾, что друзья приобрѣтаются благожелательнымъ и обходительнымъ отношеніемъ къ людямъ³⁾. Но всѣ подобныя предметы разсужденій занимаютъ въ „Меморabiliaхъ“ сравнительно побочное, второстепенное мѣсто. Главный же интересъ сосредоточивается на разясненіи необходимости знанія, сущности добродѣтели, опредѣленіи различныхъ добродѣтелей, „на діалектическихъ разсужденіяхъ, побуждавшихъ собесѣдниковъ дать себѣ отчетъ въ содержаніи своихъ представленій и цѣли своихъ дѣйствій (Целлеръ)“. Лучшими разговорами нужно признать разговоры съ Евтидемомъ, находящіеся въ Мемораб. IV, 2, и IV, 6, діалектическій характеръ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей. Вопреки Іоэлю нужно, далѣе, сказать, что Ксенофонтъ нигдѣ не говоритъ, будто результаты собесѣдованій Сократа были изумительны, — въ нѣсколько, будто, мгновений люди, подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, совершенно перерождались. Въ большинствѣ случаевъ Ксенофонтъ умалчиваетъ о дѣйствіи разговоровъ Сокра-

1) Мемораб. III, 10, 9 и дал.

2) Мемораб. III, 12.

3) Мемораб. II, 6, 9 и дал.

та на его собесѣдниковъ, а вставляетъ только не одинъ разъ отъ себя такого рода замѣчанія. „Мнѣ кажется, что, говоря это, онъ (т. е. Сократъ) дѣлалъ не только то, что ученики удерживались отъ нечестія, неправды и порока, когда ихъ видѣли другіе люди, но и когда они были одни (*ἐν ἐρημίᾳ εἶεν*), такъ какъ знали, что никогда они не могутъ дѣлать ничего такого, въ чемъ бы сокрылись отъ боговъ“¹⁾; или: „когда я слышалъ это, мнѣ казалось, что и самъ онъ (т. е. Сократъ) счастливъ и слушателей ведетъ къ добру и красотѣ (*καλοκάγαθίαν*)“²⁾; или: „я полагаю, что, разсуждая такимъ образомъ, онъ отклонялъ своихъ учениковъ и отъ хвастовства“³⁾. Если же въ нѣкоторыхъ разговорахъ указывается, что собесѣдники послушались обыкновенныхъ мудрыхъ житейскихъ совѣтовъ Сократа, вслѣдствіе чего во многомъ выиграли на практикѣ⁴⁾, или говорится, что собесѣдникъ Сократа давалъ обѣщаніе исправиться⁵⁾; то въ такомъ дѣйствиіи бесѣдъ Сократа нѣтъ, кажется, ничего удивительнаго. Въ одномъ мѣстѣ Ксенофонтъ, какъ бы мимоходомъ, замѣчаетъ, что разговоры Сократа явно многихъ раздражали, такъ что, подвергшись разъ испытанію со стороны Сократа, они больше къ нему уже не возвращались⁶⁾. Эти люди, значитъ, по прежнему самоуслаждались своимъ знаніемъ и своею добродѣтелью, и явная несообразность думать, будто въ „Меморабиліяхъ“ Сократъ изображается въ такихъ чертахъ, что, даже по истеченіи одного года его дѣятельности, въ Аѳинахъ не могъ остаться ни одинъ порокъ неисправленнымъ.

Противники Ксенофонта справедливо ставятъ на видъ то странное, повидимому, обстоятельство, что Ксенофонтъ,

¹⁾ Мемораб. I, 4, 19.

²⁾ Мемораб. I, 6, 14.

³⁾ Мемораб. I, 7, 5; ср. IV, 3, 18; IV, 4, 25.

⁴⁾ Мемораб. II, 7; II, 9.

⁵⁾ Мемораб. III, 3, 15.

⁶⁾ Мемораб. IV, 2 40.

усердный ученикъ Сократа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, сообщаетъ въ „Меморабіліяхъ“ только одинъ разговоръ, гдѣ онъ выступаетъ въ роли собесѣдника Сократа и при томъ разговоръ малозначительный¹⁾. Быть можетъ, это обстоятельство побудило А. Деринга, усерднаго защитника нашего писателя, высказать предположеніе, что Эвтидемъ, о которомъ говорится въ лучшихъ мѣстахъ „Меморабілій“, именно въ IV, 2. 3. 5 и 6, есть никто иной, какъ самъ же Ксенофонтъ²⁾. Предположеніе Деринга ново и оригинально, но не можетъ быть, по нашему мнѣнію, принято. Во-первыхъ, самъ Ксенофонтъ называетъ этого Эвтидема,—въ отличіе, очевидно, отъ платоновскаго Эвтидема, братомъ коего былъ Діонисидоръ³⁾, —Эвтидемомъ Красивымъ, который одно лицо съ тѣмъ Эвтидемомъ, къ которому, по свидѣтельству Ксенофонта, чувствовалъ непреодолимую любовь Критій⁴⁾. Во-вторыхъ, Ксенофонтъ, передавая въ Мемораб. IV, 3 бесѣду Сократа съ Эвтидемомъ, опредѣленно говоритъ, что онъ „присутствовалъ при слѣдующей бесѣдѣ его (т. е. Сократа) съ Эвтидемомъ“, какія слова ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть перетолковываемы. Въ-третьихъ, мы не имѣемъ права относить къ Ксенофонту тѣ черты, которыми характеризуется въ „Меморабіліяхъ“ Эвтидемъ. Очень возможно, судя по дальнѣйшимъ фактамъ изъ жизни Ксенофонта, что уже въ ранніе годы онъ обнаруживалъ большое рвеніе къ общественной дѣятельности. Но біографическія данныя о Ксенофонтѣ не уполномочиваютъ насъ предполагать, что въ молодости онъ усердно занимался собираніемъ сочиненій знаменитѣйшихъ поэтовъ, а—тѣмъ болѣе, что онъ долго сторонился Сократа, боясь, какъ бы не обличили его

¹⁾ Memorab. I, 3, 8—14.

²⁾ Döring, Die Lehre d. Sokrates als sociales Reform-system, s. 276—280; ср. Archiv f. Geschichte d. Philosophie, Bd IV, 1. s. 55 ff.

³⁾ Ср. Memorab. III, 1, 1.

⁴⁾ Memorab. I, 2, 29.

въ преклоненіи предъ мудростью послѣдняго (IV, 2, 1. 3. 6)¹⁾. Такимъ образомъ, мы находимъ въ „Меморабіліяхъ“ одинъ только разговоръ, въ которомъ Ксенофонтъ выступаетъ собесѣдникомъ Сократа. Но въ этомъ обстоятельстве нужно, по нашему мнѣнію, видѣть скорѣе подтвержденіе, чѣмъ опроверженіе историческаго характера разсматриваемаго сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Ксенофонтъ творилъ, измышлялъ бесѣды Сократа, какъ утверждаетъ Іоэль, то не стоило бы, вѣдь, для него большаго труда создавать и такіе разговоры, въ которыхъ самъ онъ игралъ активную роль. Подобное творчество, если принять во вниманіе близкое отношеніе автора къ Сократу, даже требовалось для приданія своимъ вымысламъ большей естественности. Однако Ксенофонтъ не поступаетъ такъ, а поступаетъ совершенно иначе, что можно объяснить только тѣмъ, что и на самомъ дѣлѣ онъ игралъ въ большинствѣ случаевъ, при бесѣдахъ Сократа, при которыхъ присутствовалъ, роль молчаливаго, или побочнаго слушателя; будучи простымъ творцемъ разговоровъ Сократа, онъ не рѣшился бы такъ отодвинуть себя совершенно на задній планъ. Тутъ же необходимо поставить на видъ, что если бы Ксенофонтъ творилъ, измышлялъ разговоры Сократа, то нельзя было бы ему отказать въ способности такого творчества, гдѣ бы нарисована была намъ вся сцена дѣйствія, выведено было нѣсколько собесѣдниковъ, разговоръ передавался во всѣхъ его подробностяхъ²⁾. Ксенофонтъ въ „Меморабіліяхъ“ этого не дѣлаетъ,—въ ущербъ художественной правдѣ, но не правдѣ

¹⁾ Дарнигъ тѣмъ же не мѣне смѣло говоритъ: Im dem Bilde des jungen Euthydemos kein Zug (ist), der nicht auf Xenophon übertragbar wäre. Die Schönheit, der Drang zur politischen Bethaligung, der unverstandige Bildungseifer, die naive Ungeschicklichkeit in allem Logischen... Alles passt auf Xenophon. (Die Lehre, s. 279).

²⁾ Не хотимъ, конечно, этимъ сказать, что сократовскіе разговоры, не имѣющіе историческаго характера, должны отличаться непременно этими свойствами.

исторической: онъ сообщаетъ только главную часть разговора Сократа, въ которой ясно выразилась тема собесѣдованія и которая относилась къ лицу, нуждающемуся въ сократовскомъ испытаніи.

Нельзя, наконецъ, винить Ксенофонта въ томъ, что онъ не сообщилъ намъ нѣкоторыхъ выдающихся фактовъ изъ жизни своего учителя, о которыхъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, а тѣмъ болѣе—заключать отсюда, что онъ этихъ фактовъ не зналъ: Ксенофонтъ, при написаніи „Меморабилій“, преслѣдовалъ, конечно, извѣстную цѣль и сообразно съ нею собиралъ казавшійся ему необходимымъ матеріалъ. Самъ Ювалъ говоритъ, что въ „Меморабиліяхъ“ есть краткое замѣчаніе объ участіи Сократа въ битвѣ при Потидеѣ, Деліонѣ и Амфиполѣ¹⁾ и упоминается эпизодъ объ аргинузскомъ дѣлѣ²⁾. Къ удивленію, нашъ критикъ не замѣтилъ, что въ „Меморабиліяхъ“ находится очень ясное указаніе и на дѣло Леонта, подвергавшее было жизнь Сократа большой опасности. Въ Мемораб. IV, 4, 2 Ксенофонтъ говоритъ о Сократѣ: „будущи эпистатомъ въ народномъ собраніи, онъ не дозволилъ народу противозаконнаго голосованія, но, держась законовъ, воспротивился столь сильной народной страсти, противъ которой едва-ли, думаю, кто-нибудь другой рѣшился бы пойти“. Здѣсь, очевидно, повторяется то, о чемъ болѣе подробно говорилось въ I, 1, 18. Точно также—продолжаетъ Ксенофонтъ въ IV, 4, 3—онъ не послушался противозаконныхъ приказаній тридцати тирановъ, „потому что, когда они запрещали ему бесѣды съ юношами и приказали ему и нѣкоторымъ другимъ гражданамъ доставить одного человѣка (ἀγαγεῖν τινα) на смерть, онъ одинъ не повиновался, ибо ему привазывали противно законамъ“. Подъ этимъ „однимъ человѣкомъ“ разумѣется не кто иной, какъ богатый гражданинъ Леонтъ, доброволь-

¹⁾ Мемораб. IV, 4, 1.

²⁾ Мемораб. I, 1, 18.

но избравшій ссылку на островъ Саламинъ, чтобы огромное его богатство не вооружило противъ него жадныхъ и корыстолюбивыхъ тирановъ¹⁾. Что касается изреченія дельфійскаго оракула, назвавшаго Сократа мудрѣйшимъ изъ людей, то на это изреченіе въ „Меморабіліяхъ“ дѣйствительно нѣтъ указанія, но на необходимость самопознанія и испытанія другихъ людей, къ чему не мало побудило Сократа изреченіе бога, здѣсь указывается часто²⁾.

Желая всячески поколебать историческій характеръ „Меморабілій“, нашъ критикъ пользуется, какъ мы видѣли, слѣдующимъ доводомъ. Сочиненіе „Икономикъ“, несомнѣнно принадлежащее Ксенофону, не имѣетъ вовсе историческаго характера, что можно подтвердить многими данными; но такъ какъ „Икономикъ“ находится въ тѣснѣйшей, неразрывной связи съ „Меморабіліями“, то и на послѣдній трудъ Ксенофонта необходимо распространить тоже сужденіе, т. е. что онъ также не имѣетъ историческаго характера.

Вопросъ объ отношеніи „Икономика“ къ „Меморабіліямъ“—вопросъ весьма спорный. По всему видно, что Юэль пользуется, какъ вполне достовѣрнымъ, тѣмъ рѣшеніемъ даннаго вопроса, которое въ послѣднее время предложилъ Е. Шенкль, а раньше его отчасти проводилъ Дельбриккъ³⁾. По мнѣнію Шенкля, „Меморабіліи“ первоначально составляли одно цѣлое, написанное въ одно время съ другими двумя сочиненіями Ксенофонта: „Икономикомъ“ и „Симпосіономъ“. Отъ этого цѣлага прежде всего былъ оторванъ „Симпосіонъ“, который начали разсматривать, какъ самостоятельное сочиненіе, противопоставляя его „Симпосіону“ Платона; затѣмъ, былъ отдѣленъ и „Икономикъ“, и случилось это въ то время, когда, для удобства читателей, стали соединять вмѣстѣ различ-

¹⁾ Plat. Apolog. 32 C; ср. Xenoph. Hellenic. II, 3, 29.

²⁾ Напр. Memorab. IV, 2, 24 и дал.

³⁾ Xenophon. S. 59, ср. 40.

ные экономическіе трактаты ¹⁾. Тѣснѣйшая, органическая связь „Икономика“ съ „Меморабиліями“, дѣлающая его прямымъ продолженіемъ ихъ, видна изъ слѣдующаго. Последнюю главу „Меморабилій“, т. е. IV, 8, образующую заключеніе сочиненія, нельзя, по многимъ основаніямъ, признать подлинною; она написана тѣмъ же интерполляторомъ, которому принадлежитъ и составленіе псевдо-ксенофоновской „Апологіи Сократа“ ²⁾. Но если эта глава не подлинна, то, очевидно, нельзя заканчивать „Меморабиліи“ IV, 7 главою, ибо въ такомъ случаѣ трудъ Ксенофонта о Сократѣ былъ бы совершенно неоконченнымъ. Необходимо признать дальнѣйшее продолженіе труда, который интерполляторъ искажилъ своею вставкою, и такимъ непосредственнымъ его продолженіемъ служатъ именно „Икономика“ и „Симпосіонъ“. Это видно изъ начальныхъ ихъ словъ: ἤκουσα δὲ ποτε αὐτοῦ καὶ περὶ οἰκονομίας τοιαύτη διαλεγόμενον и ἀλλ' ἐροῖ δοχεῖ. Приведенныя вводныя формулы странны и непонятны, если „Икономика“ и „Симпосіонъ“ составляютъ совершенно самостоятельныя сочиненія, а не являются только частями „Меморабилій“ ³⁾. Мы имѣемъ и прямое свидѣтельство въ пользу того, что „Икономика“ въ древности не считался самостоятельнымъ, отдѣльнымъ трудомъ, именно

¹⁾ Schenkl, Xenoph. Studien, H. 2 (Sitzungsberichte d. Wien. Akademie d. Wissenschaften, Bd. 80), s. 151. 152.

²⁾ Schenkl, s. 137—144.—Подлинность послѣдней главы „Меморабилій“ отрицаетъ Р. Ланге (De Xenophontis quae dicitur Apologia et extremo commentariorum capite, Halle, 1873), защищаетъ Е. Поhle (Die angeblich Xenoph. Apologie in ihren Verh. zum letzten Capitel d. Memorab. Altenburg, 1874) и А. Гугъ (Ienäer Literaturzeitung, 1874. n. 37, s. 579 fl.). Ланге проводитъ взглядъ, что рассматриваемая глава отчасти заимствована изъ неподлинной „Апологіи“, Pohle же, съ которымъ согласенъ и Гугъ, защищая подлинность Мемораб. IV, 8, приходитъ къ противоположному заключенію, что писатель „Апологіи“ пользовался рассматриваемою главою „Меморабилій“.—Принадлежность Ксенофону „Апологіи“ отрицаютъ въ настоящее время почти всѣ исследователи (Шенкль, Басперсъ, Гугъ, Ланге, Pohle), кромѣ ученаго Кобе.

³⁾ Schenkl, Xenoph. Studien, II, s. 144—145.

свидѣтельство Галена, который называетъ его „послѣднею книгою воспоминаній о Сократѣ“¹⁾.

Едва-ли, думаемъ, кто нибудь признаетъ убѣдительными тѣ аргументы, которыми Шенкль, въ своихъ видахъ, доказываетъ неподлинность послѣдней главы „Меморабилій“. Приведемъ важнѣйшіе изъ этихъ аргументовъ, гдѣ нѣмецкій ученый доктринально предписываетъ, что Ксенофонтъ долженъ былъ писать и какъ именно писать. „Если кто нибудь, говоритъ Шенкль, дочитавши наше сочиненіе (т. е. Меморабиліи) до послѣдней главы (т. е. IV, 8), спроситъ себя, какого онъ теперь ожидаетъ заключенія (книга, вѣдь, приведена здѣсь, т. е. на IV, 7, по своему содержанію, къ концу), то онъ можетъ съ полнымъ правомъ высказать предположеніе, что Ксенофонтъ кратко повторитъ содержаніе сочиненія и отсюда еще разъ сдѣлаетъ выводъ, какъ неосновательны были обвиненія, возведенныя на Сократа. Въмѣсто этого мы находимъ нѣкоторое изложеніе судебного процесса и обстоятельствъ смерти учителя, какое изложеніе, по своему содержанію и ходу мысли, далеко не представляетъ стройнаго цѣлаго. Если Ксенофонтъ дѣйствительно желалъ опровергнуть то возраженіе, будто Сократъ оказался лжецомъ, такъ какъ, не смотря на свое увѣреніе, что демонъ указываетъ ему, что должно и чего не должно дѣлать, онъ все-таки былъ приговоренъ судьями къ смерти; то онъ долженъ былъ сдѣлать это во введеніи къ своему сочиненію (I, 1, 4 и дал.), гдѣ онъ подробно говоритъ о демоніонѣ Сократа, а не разсуж-

¹⁾ Schenkl, Xenoph. Studien, II, s. 145. — Въ полномъ видѣ это свидѣтельство Галена читается такъ: Καὶ τοὶ τινὲς εἰς τοσοῦτον ἤκουσι σοφίας ὥστε τοῦ Ξενοφῶντος Οἰκονομικοῦ μνημονεῖν αἰόμενοι μαρτυρεῖν αὐτοῖς ἔθος εἶναι τοῖς παλαιοῖς ἐν ἀρχῇ λόγου χρῆσθαι τῷ δὲ συνδέσμῳ διὰ τοῦτο φασὶν ἀρχεσθαι τὸν Ξενοφῶντα τοῦ συγγράμματος οὕτως· Ἦκουσα... διαλεγόμενου, μὴ γινώσκοντες ὅτι τὸ βιβλίον τοῦτο τῶν Σωκρατικῶν Ἀπομνημονευμάτων ἐστὶ τὸ ἔσχατον.

дать объ этомъ мимоходомъ въ данномъ мѣстѣ. И какъ замѣчательно, что Ксенофонтъ многое здѣсь сообщаетъ о послѣднихъ дняхъ жизни Сократа, тогда какъ раньше онъ вовсе не входилъ въ подробности судебного процесса и свое сочиненіе начинаетъ словами: „я не разъ удивлялся, какими доводами обвинители Сократа убѣдили аѳинянь, что онъ заслуживаетъ отъ государства смерти“... Если, далѣе, авторъ желалъ доказать, что Сократъ столько же своею защитою, сколько и своею смертію заслужилъ великую славу, то эту свою мысль онъ долженъ былъ нѣсколько развить. Ему необходимо было показать, какъ именно Сократъ говорилъ на судѣ. А между тѣмъ, если о смерти (Сократа) кое-что, по крайней мѣрѣ, сообщается, то съ этимъ (т. е. его рѣчью) покончено, такъ сказать, однимъ взмахомъ и при томъ здѣсь употребляются такія превосходныя степени: *τὴν τε δίκην πάντων ἀνθρώπων ἀληθέστατα καὶ ἐλευθεριώτατα καὶ δίκαιότατα εἰπόν*, что весьма характерно въ отношеніи къ стремленію интерполлятора все преувеличивать. Такое весьма краткое изложеніе, понятное только для читателей, знакомыхъ со всѣми подробностями, совершенно не соотвѣтствуетъ тенденціи нашего сочиненія ¹⁾... Какъ неискусно далѣе—продолжаетъ Шенкль—связывается разговоръ съ Гермогеномъ съ предшествующимъ посредствомъ словъ: *λέξω δὲ καί*... Этотъ разговоръ представляетъ собою опроверженіе того упрека (Сократу), который намѣченъ въ началѣ рассматриваемой главы, и потому, какъ справедливо понялъ внимательный Шнейдеръ, долженъ былъ слѣдовать за этимъ упрекомъ. Но такъ какъ интерполляторъ всячески хотѣлъ втиснуть свои красивыя тирады, то онъ помѣстилъ этотъ разговоръ ниже, неискусно связавши его съ предшествующимъ ²⁾. Слѣды интерполляторской руки въ *Memorab IV, 8* Шенкль видитъ и въ томъ, что въ *IV, 8,*

¹⁾ Schenkl, II, s. 137. 138.

²⁾ Schenkl, II, s. 139.

4 называется по имени одинъ изъ обвинителей Сократа, именно Мелить, тогда какъ раньше обвинители назывались просто *οἱ γραψάμενοι*, что въ томъ же мѣстѣ говорится: „я слышала отъ Гермогена“, а между тѣмъ Ксенофонтъ, покинувши Аѳины, чтобы принять участіе въ походѣ Кира, не возвращался больше въ отечество; онъ долженъ былъ, слѣдовательно, встрѣтиться съ Гермогеномъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но это очень невѣроятно, а на письменное сообщеніе слово *ἤκουσα* указывать не можетъ ¹⁾.

Едва ли, повторимъ, кто-нибудь признаетъ основательными эти аргументы, которыми Шенкль доказываетъ неподлинность *Memorab. IV, 8*. Быть можетъ, было бы и лучше, если бы послѣдняя глава „Меморабилій“ написана была именно такъ, какъ желаетъ нѣмецкій критикъ-филологъ, но изъ того, что она написана иначе, вовсе не слѣдуетъ ея непринадлежность Ксенофону. Въ послѣдней главѣ „Меморабилій“ не сдѣлано, говорятъ, того заключенія, которое слѣдовало сдѣлать, упрекъ Сократу не опровергнуто такъ, какъ слѣдовало его опровергнуть, одна мысль не связана съ другою надлежащимъ образомъ, поставлено не то слово, которое слѣдовало поставить,—вѣдь, всѣ подобнаго рода доводы суть простыя слова, никого не могущія убѣждать. Для безпристрастнаго читателя разсматриваемаго сочиненія вполне ясно, что *Memorab. IV, 8, 11* служитъ прекраснымъ эпилогомъ книги. Ксенофонтъ какъ бы резюмируетъ все раньше сказанное, когда говоритъ здѣсь: „изъ тѣхъ, которые знаютъ, каковъ былъ Сократъ, всѣ, преданные добродѣтели, и теперь еще чувствуютъ крайнюю тоску по немъ, какъ человѣкъ весьма полезномъ въ стремленіи къ добродѣтели. Для меня онъ былъ такимъ, какимъ я его описалъ,—настолько благочестивымъ, что ничего не дѣлалъ безъ совѣта боговъ, настолько справед-

¹⁾ Schenkl. II, s. 140.

ливимъ, что ни въ чемъ никому не повредилъ⁴ и дал. Такимъ же эпилогомъ, хотя и не прямымъ, служить и IV, 8, 1—10, гдѣ Ксенофонтъ говоритъ кратко о судѣ надъ Сократомъ и его послѣднихъ дняхъ, при чемъ встрѣчаются выраженія, характеризующія вообще жизнь и дѣятельность Сократа, какъ напр: „въ это время (т. е. послѣ приговора) для всѣхъ учениковъ его было ясно, что онъ жилъ не иначе, чѣмъ въ прежнее время, а между тѣмъ прежде онъ возбуждалъ всеобщее удивленіе своимъ спокойствіемъ и свѣтлостію душевною“.

Если нѣтъ достаточныхъ основаній отвергать подлинность послѣдней главы „Меморабилій“, значитъ рассматриваемое сочиненіе имѣетъ свое собственное заключеніе, является цѣлостнымъ, совершенно законченнымъ трудомъ и нѣтъ никакого основанія подыскивать другія сочиненія, восполняющія его. По мнѣнію Шенкля, такими непосредственно связанными съ „Меморабиліями“, составляющими дальнѣйшее ихъ продолженіе, сочиненіями являются „Икономикъ и „Сямпосіонъ“, что, будто, яснѣйшимъ образомъ видно изъ начальныхъ словъ послѣднихъ: ἤκουσα δὲ.. и ἀλλ' ἐμοὶ δοχεῖ. Но странно, что тотъ ученый, который заподозрилъ принадлежность Ксенофонту большинства вводныхъ и заключительныхъ формулъ къ разговорамъ, содержащимся въ „Меморабиліяхъ¹⁾, придаетъ

¹⁾ Шенкль напр., вмѣстѣ съ Диндорфомъ, заподозриваетъ подлинность заключительныхъ словъ послѣдней главы первой книги „Меморабилій“ (II, в 118), подлинности вводныхъ словъ третьей книги (в. 123). Во введеніи къ четвертой книгѣ страшизмъ качается, говоритъ онъ, стоящій вначалѣ союзъ δέ, вмѣсто котораго, нѣтъ въ виду предшествующія разсужденія, скорѣе можно бы ожидать союза οὐ (в. 124). Весь первый параграфъ начальной главы четвертой книги представляетъ пустую болтовню, которая не можетъ быть приписана Ксенофонту (Ibid). Введеніе къ Мемораб. IV, 4 также неподлинно, какъ это, говоритъ Шенкль, раньше убѣдительно доказалъ Гель (Geel). „Какъ неискusstво построение этого чрезвѣчайно длиннаго періода, въ которомъ множество отдѣльныхъ членовъ такъ нагромождено, что нельзя распутать нити этого искусственнаго клубка“ (в 149 130).

такое важное значеніе этимъ словамъ. Скорѣе можно бы ожидать, что и начало „Икономика“ и „Симпосіона“ онъ признаетъ дѣломъ позднѣйшей руки неизвѣстнаго интерполлятора. Безъ сомнѣнія, начало „Икономика“ и „Симпосіона“—необычное начало, но параллели для него, явно говорящія противъ Шенкля, встрѣчаются. Такъ, свое сочиненіе „Лакедемонское государство“, самостоятельность котораго никѣмъ не подвергается сомнѣнію, Ксенофонтъ начинаетъ словами: ἀλλ' ἐγὼ ἐννοήσας ποτέ. По свидѣтельству Діогена Лаэртія (VIII, 85), Филолай начиналъ свое сочиненіе такъ: φύσις δ' ἐν τῷ κόσμῳ ἀρμόχθη; Ипполитъ въ „Философуменахъ“ сообщаетъ, что начало сочиненія Гераклита было таково: τοῦ δὲ λόγου τοῦδ' ἐόντος αἰεὶ ἀζύνητοι γίνονται ἄνθρωποι¹⁾. Хотя Беккъ и Шустеръ подвергаютъ сильному сомнѣнію, что приведенныя выраженія составляли начало сочиненій Филолая и Гераклита²⁾, но, по крайней мѣрѣ, относительно послѣдняго сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ и по свидѣтельству Аристотеля³⁾ и Секста Эмпирика⁴⁾ начало сочиненія этого философа было именно раньше приведенное.

Не имѣетъ значенія и ссылка Шенкля на слова Галена. Прямой буквальный смыслъ этихъ словъ тотъ, что „Икономикъ“ образуетъ послѣднюю, т. е. пятую книгу „Меморабилій“. Такъ понимаетъ слова Галена и Шенкль, и, примыкая къ мнѣнію Гееля (Geel), говоритъ, что это показаніе совершенно недостоверно⁵⁾. А если такъ, то свидѣтельство Галена теряетъ для Шенкля всякое значеніе и не дозвѣно, по-

¹⁾ Hippol. Philosoph. IX, 9.

²⁾ Boeck, Philolaus, s. 45 ff.; Schuster, Heraclit. Act. soc. phil. 1873, s. 51.

³⁾ Rhetor. III, 5, p. 1407 b. 14.

⁴⁾ Adv. Mathem. VII, 132.

⁵⁾ Schenkl, Xenoph. Studien, II, s. 146.—Разборъ взгляда, что „Икономикъ“ образуетъ пятую книгу „Меморабилій“ см. у Гармана Analecta Xenophontea, p. 171—178.

чему онъ на него ссылался. Можно придать словамъ Галена и другой смыслъ, принять который Шенкль, конечно, не согласится, ибо онъ не подтверждаетъ его взгляда. Подъ *Ἀπομυμνηστέα* Галенъ разумѣетъ не „Меморабиліи“ только, а вообще сочиненія Ксенофонта, посвященныя Сократу, т. е. сократовскую трилогию—„Меморабиліи“, „Икономикъ“ и „Симпосіонъ“. Въ томъ сборникѣ сочиненій Ксенофонта, которымъ пользовался Галенъ, „Икономикъ“ въ сократовской трилогіи занималъ послѣднее мѣсто, а потому Галенъ и называетъ его послѣднею книгою *Ἀπομυμνηστέων*. Не выдаемъ этого свего предположенія за вполне достовѣрное, но при немъ слова Галена получаютъ очень ясный смыслъ.

Такимъ образомъ, нельзя доказать того положенія, что „Икономикъ“ (и „Симпосіонъ“) не есть самостоятельное сочиненіе, а образуетъ только дальнѣйшее продолженіе „Меморабилій“. Удивительно, какъ ни Шенкль, ни за нимъ Іоэль не обратили вниманія, что „Меморабиліи“ состоятъ изъ краткихъ, небольшихъ по объему разговоровъ, а „Икономикъ“ (и „Симпосіонъ“) представляетъ одинъ очень пространный діалогъ. Развѣ возможно, чтобы одно и тоже сочиненіе,—если допустить, что „Икономикъ“ есть продолженіе „Меморабилій“,—было написано столь различно по формѣ? А если „Икономикъ“ и „Меморабиліи“ суть самостоятельныя произведенія, то отъ характера одного нельзя заключать къ характеру другаго. К. Іоэль хорошо доказалъ и мы готовы повторить его аргументы, что „Икономикъ“ не можетъ претендовать на историчность, но отсюда не вытекаетъ неисторическій характеръ „Меморабилій“. Это два сочиненія не только самостоятельныя, но и существенно другъ от друга отличныя. Нигдѣ въ „Меморабиліяхъ“ Сократъ не говоритъ такъ пространно и съ такимъ увлеченіемъ о занятіи земледѣліемъ, какъ это онъ дѣлаетъ въ „Икономикѣ“; нигдѣ здѣсь не находится анахронизмовъ, подобныхъ встрѣчающимся въ „Икономикѣ“; вездѣ главная роль принадлежитъ здѣсь Сократу, а въ „Икономикѣ“ она переносится на Исомаха,

лицо совершенно неизвѣстное. Влагая въ уста Сократа такія рѣчи, гдѣ оныя подробно трактуютъ, какъ персидскій царь заботится о земледѣліи и военномъ искусствѣ ¹⁾, или гдѣ говоритъ о смерти Кира въ битвѣ при Кунаксѣ ²⁾, Ксенофонтъ, конечно, не могъ не сознавать, что подобныя рѣчи въ устахъ Сократа совершенно неестественны. Слѣдовательно, самъ Ксенофонтъ выдаетъ намъ неисторическій характеръ своего „Икономика“ ³⁾. Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія, что въ „Икономикѣ“ Сократъ иногда высказываетъ такія мысли и сужденія, которыя не вполне согласны съ ученіемъ, приписываемымъ ему въ „Меморабиліяхъ“. Такъ, въ „Икономикѣ“ говорится, что человѣку богатому (какъ Критовулъ) необходимо приносить и много жертвъ богамъ, а иначе боги будутъ имъ недовольны ⁴⁾; въ „Меморабиліяхъ“ же читаемъ: „богамъ, говорилъ онъ (т. е. Сократъ), не подобало бы охотиѣ принимать большія жертвы, чѣмъ малыя, потому что въ такомъ случаѣ часто были бы болѣе пріятны жертвы людей порочныхъ, чѣмъ честныхъ... Боги, думалъ онъ, наиболѣе радуются почтенію, воздаваемому имъ людьми благочестивыми“ ⁵⁾. Въ „Меморабиліяхъ“ говорится, что Сократъ молился богамъ просто о подавніи блага, потому что всякое частное благо можетъ, при случаѣ, стать зломъ ⁶⁾; въ „Икономикѣ“ же онъ считаетъ необходимымъ всячески умиловать боговъ для успѣшнаго веденія дѣлъ хозяйства ⁷⁾, и идеальный хозяинъ Исомахъ молится богамъ о полученіи здоровья, крѣпости тѣла, о снисканіи уваженія въ городѣ, преданности друзей, счастья въ войнѣ ⁸⁾.

¹⁾ Oecon. IV, 4—14

²⁾ Oecon. IV, 19.

³⁾ Нигде виднаго указанія на неисторическій характеръ „Икономика“ въ такихъ мѣстахъ, какъ с. II; с. XVI 8. 15 Рамке говоритъ: *ut pateat in Oeconomico certe Xenophontem ne occultare quidem voluisse, Socratem disserentem ipsius usum esse thesauris, multo labore et periculo paratis* (De Xenoph. vita et scriptis, p. 10).

⁴⁾ Oecon. II, 5.

⁵⁾ Memorab. I, 3, 3.

⁶⁾ Memorab. I, 3, 2.

⁷⁾ Oecon. V, 20.

⁸⁾ Oecon. XI, 8.

Не даромъ на основаніи этихъ и другихъ подобныхъ различій полагаютъ, что въ „Меморабиліяхъ“ Ксенофонтъ выступаетъ простымъ ученикомъ, а въ „Икономикѣ“—независимымъ мыслителемъ, высказывающимъ иногда взгляды, несогласные со взглядами учителя.

Обыкновенный, установившійся взглядъ на „Меморабиліи“, высказываемый какъ защитниками, такъ и противниками Ксенофонта, тотъ, что „Меморабиліи“ представляютъ собою не что иное, какъ защиту Сократа отъ тѣхъ обвиненій, какія были на него возведены¹⁾. Этотъ взглядъ имѣетъ самыя твердыя основанія, такъ какъ опирается на непосредственномъ характерѣ всего сочиненія, особенно же первыхъ двухъ главъ. Апологетическій характеръ послѣднихъ признаетъ, впрочемъ, и нашъ критикъ, но тутъ же говоритъ, что въ цѣломъ „Меморабиліи“ только тогда могли бы быть признаны апологіей, „если бы методъ, замѣчающійся въ первыхъ двухъ главахъ этого сочиненія, былъ распространенъ на все сочиненіе,—чтобы, такимъ образомъ, отдѣльныя части „Меморабилій“ предварялись и опредѣлялись изложеніемъ частныхъ пунктовъ обвиненія Сократа,—чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ“. Поставляя на видъ такія строгія требованія, К. Іоэль забываетъ ту простую истину, что всякая апологія можетъ быть ведена двоякимъ путемъ: прямымъ, непосредственно ведущимъ къ намѣченной цѣли, и непрямымъ, гдѣ опровергаемые тезисы только подразумеваются. Начиная съ третьей главы первой книги „Меморабилій“ дѣйствительно нигдѣ нѣтъ прямыхъ указаній на обвиненія, возведенныя на Сократа, но эти обвиненія вездѣ имѣются въ виду, ими опредѣляется выборъ матеріала,—пере-

¹⁾ *Schleiermacher*, *Über d. Werth d. Sokrates, als Philosophen*, s. 295 (*S—er's Werke*, Bd. II, Berlin, 1832); *Ritter*, *Geschichte d. Philosophie*, Th. 2, s. 44. (Hamburg, 1830); *A Krohn*, *Sokrates und Xenophon*, s. 89; *Ribbing*, *Über das Verhältniss*, s. 21; *Bergmann*, *Geschichte der Philosophie*, 1892. Bd. I, s. 51—52; *Zeller*, *Geschichte der griech. Philosophie*, II, 1, s. 96; и др.

дача именно тѣхъ, а не другихъ бесѣдъ Сократа. Такъ, обвиненіе Сократа въ развращеніи юношества ¹⁾ скрыто предполагается въ цѣломъ рядѣ разговоровъ, наглядно показывающихъ, каково было дѣйствительное вліяніе Сократа на его учениковъ ²⁾; передача разговора Сократа съ Аристодемомъ объ отношеніи Божества къ человѣку (I, 4) скрыто мотивируется обвиненіемъ Сократа въ безбожіи ³⁾; разговоръ съ Лампрокломъ о признательности къ родителямъ (II, 2) имѣеть своею цѣлью показать несостоятельность обвиненія, будто Сократъ училъ оскорблять родителей ⁴⁾. Третью главу первой книги „Меморабилій“ Ксенофонтъ начинаетъ словами: „теперь напишу, насколько припомню, какъ, на мой взглядъ, онъ (т. е. Сократъ) былъ полезенъ обращающимся съ нимъ, въ одномъ случаѣ показывая самимъ дѣломъ, въ другомъ—разсужденіями, каковъ онъ былъ“. Слова эти относятся не къ одной третьей главѣ первой книги „Меморабилій“, а ко всему дальнѣйшему ихъ содержанію: Сократъ былъ полезенъ людямъ, съ которыми входилъ въ общеніе, а не развращалъ ихъ, какъ утверждаютъ его враги,—вотъ тема дальнѣйшихъ разговоровъ Сократа, сообщаемыхъ Ксенофонтомъ. Тема, какъ видно, широкая, потому что польза дѣятельности Сократа могла быть опредѣляема съ различныхъ сторонъ, и хотя Ксенофонтъ иногда искусственно подбираетъ матеріалъ къ обоснованію этой темы, но самую тему онъ не теряетъ изъ виду, а иногда даже прямо приводитъ ее на память читателю. Такъ, третью книгу „Меморабилій“ Ксенофонтъ начинаетъ словами: „теперь я буду передавать о томъ, какъ онъ (т. е. Сократъ) былъ полезенъ людямъ, стремящимся къ прекрасному, дѣлая ихъ внимательными къ тому, къ чему они стремились“; чет-

¹⁾ Memorab. I, 1, 1.; I, 2.

²⁾ Memorab. IV, 1—7.

³⁾ Ср. Memorab. I, 1, 1. 20.

⁴⁾ Ср. I, 2, 49.

вертая книга „Меморабилій“ предваряется словами: „Сократъ настолько былъ полезенъ во всякомъ дѣлѣ и всякими способами, что для человѣка наблюдательнаго и сколько нибудь здравомыслящаго ясно было, что, гдѣ бы то и въ чемъ бы то ни было, полезнѣе бесѣды и сообщества съ Сократомъ ничего нельзя было представить“; передача разговора Сократа, заключающаго въ III, 10, предшествуется вводною формулою: „если когда онъ вступалъ въ бесѣду съ кѣмъ нибудь, знающимъ ремесло и пользующимся имъ въ виду заработка, то и такимъ людямъ онъ былъ полезенъ ¹⁾“. Указанная основная тема ясно иногда ставится на видъ и въ заключеніи передачи разговоровъ Сократа ²⁾. И въ самомъ концѣ своихъ „Воспоминаній“, бросая, такъ сказать, общій взглядъ на дѣятельность своего учителя, Ксенофонтъ говоритъ, что Сократъ былъ человѣкомъ „самымъ полезнымъ“ для людей, стремящихся къ добродѣтели.

К: Иоэль въ частности указываетъ на два отдѣла „Меморабилій“, которые будто бы никакого апологетическаго значенія не имѣютъ, именно II, 7—10 и III, 8—11. Но не понятно, почему именно на эти отдѣлы ссылается нашъ критикъ. Съ такимъ же, кажется, правомъ можно бы указать и на другіе разговоры ³⁾. Вводныя слова, которыми начинается бесѣда съ Аристархомъ о помощи къ крайности (II, 7) и которыя могутъ быть относимы и къ слѣдующимъ тремъ разговорамъ, совершенно напоминаютъ, по своему содержанію, вступленіе къ бесѣдамъ, передаваемымъ въ II, 4—6. Въ указанныхъ Иоэлемъ отдѣлахъ вовсе не опускается изъ виду основная тема, поставленная Ксенофонтомъ, т. е. что Сократъ былъ полезенъ людямъ, а не развращалъ ихъ,—хотя, быть

¹⁾ Ср. IV, 5, 1; II, 1, 1.

²⁾ Мемораб, I, 4, 19; I, 7, 5; IV, 4, 25.

³⁾ Напр. I, 7 или II, 3—6.

можетъ, этотъ тезисъ доказываега здѣсь и менѣе убѣдительно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Нашега критика должно быть смущаетъ, что разговоры, заключающіеся въ III, 8—9, довольно общи, отвлеченны ¹⁾. Но, вѣдь, такіе-же разговоры встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ „Меморабилій“ ²⁾, и самъ Ксенофонтъ говоритъ, что онъ покажетъ, какъ Сократъ былъ полезенъ не только своимъ примѣромъ, но и *своими разсужденіями*. Ставить въ затрудненіе Іоэли разговоръ Сократа съ Θεодо-тою, чуждый, повидимому, всякаго апологетическаго значенія. Но и въ этомъ разговорѣ имѣется въ виду таже польза дѣятельности Сократа, хотя, правда, понятіе *ἐπιτραχία* здѣсь слишкомъ расширяется.

Такимъ образомъ апологетическій характеръ „Меморабилій“ не можетъ быть отвергаемъ. Иной вопросъ, насколько „Меморабилій“, преслѣдуя апологетическую цѣль и достигая ее то прямымъ, то, чаще, непрямымъ путемъ, представляютъ собою апологію стройную, допускающую правильное расчлененіе.

Если въ отношеніи къ раздѣленію „Меморабилій“ поставить такое требованіе, какое выставляетъ Іоэль, именно, чтобы одна часть дѣленія безусловно ни въ чемъ не переходила въ другую, чтобы мысль, находямая въ одной части, не встрѣчалась въ другой,—тогда по необходимости придется совершенно отказаться отъ всякаго расчлененія разсматриваемаго сочиненія. Но подобное требованіе нужно признать слишкомъ строгимъ, и потому въ данномъ случаѣ не приложимымъ, если принять во вниманіе общій характеръ „Меморабилій“, представляющихъ собою рядъ простыхъ воспоминаній о Сократѣ, хотя и собранныхъ съ извѣстною цѣлью. По нашему мнѣнію, дѣленіе „Меморабилій“ на двѣ части,

¹⁾ Ср. Isel. Der echte und f. Xenoph. Sokrates, s. 43.

²⁾ Ср. Memorab. IV, 6.

предложенное Дерингомъ, можетъ быть, не смотря на возраженія Иоэля, вполне принято: въ первой части, состоящей изъ двухъ главъ, находится прямая защита Сократа, а во второй части, образуемой остальными главами сочиненія, защита ведется непрямымъ путемъ ¹⁾. Непропорціональности въ такомъ дѣленіи нѣтъ, ибо первая часть есть общая, вторая—частная, или первая имѣетъ нѣкоторымъ образомъ принципіальный, вторая—прикладной характеръ; во второй части иллюстрируется или поясняется преимущественно на примѣрахъ сказанное въ первой части. Вѣрно въ раздѣленіи Деринга и то, что первая часть „Меморабилій“, сообразно двойному характеру обвиненій, возведенныхъ на Сократа, раздѣляется на два отдѣла, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ одной главы. Но вопросъ весьма трудный и спорный, какъ расчленить вторую часть „Меморабилій“, и на такое расчлененіе потрачено изслѣдователями немало труда. Должна быть, кажется, оставлена всякая попытка указать здѣсь тѣснѣйшую, органическую связь одной главы съ другою, ибо такой связи во второй части „Меморабилій“ или вовсе нѣтъ, или существуетъ связь слишкомъ общая ²⁾, управляемая простою ассоціаціею ³⁾. Въ данномъ случаѣ задача можетъ состоять только въ томъ, чтобы объединить разговоры, содержащіеся во второй части „Меморабилій“, въ болѣе или менѣе обширныя группы. Мы и сдѣлаемъ попытку такого объединенія, подвергнувши критическому разбору расчлененіе, предложенное Дерингомъ. Свое прежнее раздѣленіе второй части „Меморабилій“ ⁴⁾, которое имѣетъ въ виду Иоэль ⁵⁾, Дерингъ, въ недавно вышедшемъ своемъ со-

¹⁾ О позднѣйшей прибавкѣ, которую Дерингъ вводитъ во второй части „Меморабилій“, см. ниже. Прибавка эта не измѣняетъ общаго дѣленія „Меморабилій“, предложеннаго Дерингомъ.

²⁾ Memorab. II, 2 и II, 3.

³⁾ Memorab. I, 5 и I, 6. Ср. Klett, Sokrates, s. 28.

⁴⁾ Archiv f. Geschichte d. Philosophie, Bd. IV, H. 1. s. 34—60.

⁵⁾ Joel, s. 39. 40 ff.

чиненіи о Сократѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ существенно измѣнилъ¹⁾. Мы, конечно, будемъ имѣть въ виду его послѣднее расчлененіе.

На Мемогав. I, 3—5, 1, Дерингъ смотритъ какъ на введеніе ко второй части „Меморабилій“. Онъ расчленяетъ это введеніе такимъ образомъ: 1) переходная формула къ положительной защитѣ Сократа (I, 3, 1); 2) благотѣльное вліяніе Сократа примѣромъ (I, 3, 2—14); 3) переходъ къ разъясненію благотѣльнаго вліянія Сократа разсужденіями (I, 4, 1); 4) благотѣльное дѣйствіе Сократовскаго способа разсужденія при выработкѣ религіозныхъ убѣжденій (I, 4, 2—19); 5) переходъ къ разъясненію другихъ родовъ благотѣльнаго вліянія Сократа посредствомъ разсужденій (I, 5, 1²⁾. Расчлененіе это съ виду стройное, но, при внимательномъ разсмотрѣніи его, оно оказывается весьма искусственнымъ. Обратимъ вниманіе хотя бы на слѣдующее. Въ Мемогав. I, 5, 1 Ксенофонтъ говоритъ: „но если и (εἰ δὲ δῆ καὶ) самообладаніе составляетъ для человѣка прекрасное пріобрѣтеніе, то посмотримъ, побуждалъ ли онъ (т. е. Сократъ) къ нему, говоря относительно его слѣдующее“. Слова эти, дѣйствительно, показываютъ, что Ксенофонтъ желаетъ перейти къ разсмотрѣнію новой стороны ученія Сократа, сравнительно съ тою, которая имѣлась въ виду раньше. Но въ нихъ говорится не о *различныхъ родахъ* благотѣльнаго вліянія Сократа, а объ *одномъ* только благотѣльномъ дѣйствіи его бесѣдъ, именно вліяніи ихъ на развитіе въ человѣкѣ добродѣтели самообладанія. Правда, Дерингъ указываетъ, что въ данномъ мѣстѣ Ксенофонтъ неточно выражаетъ свою мысль, что здѣсь не исчерпано все богатство темъ, затрогиваемыхъ въ дальнѣйшихъ разговорахъ. Но такія слова означаютъ только,

¹⁾ Раньше напр. Дерингъ иначе смотрѣлъ на Мемогав. I, 4, начиная эту главу особую группу сократическихъ разговоровъ (Archiv. Bd. 5, s. 50).

²⁾ Döring. Die Lehre, s. 126. 127.

что самъ Дерингъ сознаетъ ошибочность своего расчлененія, но не желаетъ его исправить. И выраженіе: λέγων εἰς αὐτὴν τοιαύτα относится, какъ всякому очевидно, не вообще къ слѣдующимъ разговорамъ, а только къ рѣчи Сократа, непосредственно дальше приводимой. Можно ли, спросимъ затѣмъ, утверждать, что въ Мемораб. I, 3, 2—14 говорится о благотвѣльномъ вліяніи Сократа примѣромъ—ἔργῳ? Тутъ на самомъ дѣлѣ показывается не только то, какъ Сократъ поступалъ въ отношеніи къ богамъ, но и какъ онъ *разсуждалъ* о Божествѣ¹⁾; приводятся также его разсужденія объ умѣренности въ пищѣ и питіи²⁾, а дальше тутъ же встрѣчаемся съ настоящимъ *разговоромъ* Сократа объ истинномъ характерѣ эротическихъ наслажденій³⁾.

Самую вторую часть „Меморабилій“ Дерингъ начинаетъ съ I, 5, 2. Первую группу разговоровъ образуютъ, по нему, разговоры о самообладаніи. Къ ней нужно отнести: I, 5 (начиная, конечно, съ I, 5, 2), I, 6 и II, 1. Построая такъ эту группу, Дерингъ встрѣчается съ большими затрудненіями, но смѣло разрѣшаетъ ихъ такимъ образомъ. Разговоръ о хвастовствѣ, содержащійся въ послѣдней главѣ первой книги „Меморабилій“, стоитъ, по нему, не на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ первоначально находился; первоначальное назначеніе его было служить нѣкоторымъ введеніемъ къ разговорамъ, заключающимся въ первыхъ семи главахъ третьей книги „Меморабилій“, т. е. онъ стоялъ предъ Мемораб. III, 1⁴⁾. Параграфы 11—15 шестой главы первой книги „Меморабилій“, гдѣ вовсе нѣтъ рѣчи о самообладаніи, образуютъ эпизодическое отступленіе, вызванное тѣмъ, что всѣ три разговора Сократа съ софистомъ Антифонтомъ нераздѣльно связались въ

¹⁾ Memorab. I, 3, 2—4.

²⁾ Memorab. I, 3, 4—8.

³⁾ Memorab. I, 3, 9—14.

⁴⁾ Döring. Die Lehre, s. 128. 149 ff. ср. Archiv f. Geschichte, Bd. IV, s. 47 f. 51 f.

памяти Ксенофонта, и цѣль этихъ разговоровъ собственно одна ¹⁾. Всѣ главы второй книги „Меморабилій“, начиная со второй главы, Дерингъ считаетъ прибавкою, сдѣланною самимъ Ксенофонтомъ, при второй редакціи „Меморабилій“ (Zusätze der zweiten Redaction), потому что здѣсь мы встрѣчаемся совершенно неожиданно, послѣ предшествующихъ разговоровъ, съ положительнымъ опроверженіемъ обвиненій Сократа въ развращеніи юношества ²⁾. Вотъ сколько измѣненій должны претерпѣть „Меморабиліи“, чтобы расчлененіе Деринга оказалось справедливымъ! Нѣмецкій критикъ не затрудняется дѣлать въ разсматриваемомъ сочиненіи всякія желательныя ему перетасовки и урѣзыванія. Онъ находитъ убѣдительнымъ даже такое свое соображеніе: какой-то неизвѣстный позднѣйшій редакторъ „Меморабилій“ перенесъ I, 7 изъ третьей книги Меморабилій въ первую книгу, чтобы сдѣлать такимъ образомъ объемъ обѣихъ книгъ болѣе пропорціональнымъ ³⁾. Можно спросить, почему этому неизвѣстному редактору не пришла мысль передвинуть въ первую книгу „Меморабилій“ III, 13—14, какія главы, по мнѣнію самого Деринга, занимаютъ довольно независимое положеніе, и съ бблшимъ, повидимому, правомъ могли бы быть помѣщены тамъ, гдѣ трактуется о самообладаніи (между I, 6 и II, 1).

Оканчивая первую группу разговоровъ Memorab. II, 1 и считая всѣ дальнѣйшія главы второй книги „Меморабилій“ „прибавкою второй редакціи“, Дерингъ подраздѣляетъ разговоры, содержащіяся въ третьей книгѣ „Меморабилій“ (куда, какъ сказано, принадлежитъ и I, 7) на четыре группы. Достаточно, кажется, только назвать эти группы, чтобы стало очевиднымъ, что нашъ критикъ не имѣетъ здѣсь никакого

¹⁾ Ibid. s. 133

²⁾ Ibid. s. 103—109, 290 f 316 ff. Мѣсто Memorab. I, 2, 9—61, судя по точности и опредѣленности собраннаго здѣсь матеріала, не могло быть, говоритъ Дерингъ, написано въ одно время съ I, 1—2, 8.

³⁾ Archiv für Geschichte d. Philosophie, Bd. V. 67 ff.

твердаго принципа дѣленія, и что только первая изъ намѣчаемыхъ имъ группъ образована естественно. Группы эти слѣдующія: 1) разговоры Сократа о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ людямъ, несущимъ извѣстныя государственныя должности (I, 7; III, 1—7); 2) какъ Сократъ поступалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его желали поставить въ затрудненіе всякими недоумѣнными вопросами (III, 8. 9); 3) Сократъ приносилъ пользу людямъ различныхъ званій, указывая имъ истинную цѣль ихъ дѣятельности (III, 10. 11) и 4) отдѣльныя разныя черты благотѣльнаго вліянія разсужденій Сократа (III, 12—14)¹⁾. Только первая изъ этихъ группъ образована, говоримъ, естественно, хотя и обозначается у Деринга неточно, ибо здѣсь даются совѣты троякаго рода людямъ: людямъ несущимъ извѣстныя государственныя должности (III, 2. 3), людямъ, стремящимся только достигнуть такихъ должностей (III, 1) и, наконецъ, людямъ способнымъ къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, но не рѣшающимся на это (III, 7). Названіе второй изъ указанныхъ группъ довольно странное: Сократу приходилось разговаривать съ различными недоумѣнными вопросами и въ другихъ случаяхъ, и, пожалуй, при своемъ свободномъ обращеніи съ матеріаломъ „Меморабилій“, Дерингъ могъ присоединить къ этой группѣ и I, 6, гдѣ Сократъ отвѣчаетъ на вопросы софиста Антифонта, имѣющіе цѣлью поставить его въ затрудненіе и отнять у него учениковъ. Третья группа не стоитъ вовсе въ какой нибудь связи съ предшествующею, а четвертая группа, по мнѣнію самого Деринга, представляетъ сведеніе разнороднаго матеріала, такъ что можетъ быть подведена подъ рубрику: *varia*.

Не прибѣгая ни къ какимъ произвольнымъ приемамъ, которыми пользуется Дерингъ, можно, по нашему мнѣнію, весьма естественно раздѣлить всѣ разговоры, содержащіеся въ Мемораб. I, 3—III, 14 на двѣ группы, — довольно общир-

¹⁾ Döring, Die Lehre d. Sokrates, s. 128. 129.

Философія Сократа.

ныя, но совершенно пропорціональныя по своему объему, именно I, 3—II, 10 и III, 1—14. Въ первой группѣ имѣются въ виду добродѣтели общія, которыя должны принадлежать всѣмъ людямъ. Здѣсь рѣчь идетъ о благочестіи (I, 3, 1—4; I, 4), самообладаніи (I, 5; I, 6, 1—10; II, 1), необходимости единенія между людьми близкими, родственниками (II, 2 и II, 3), о дружбѣ (II, 4—6), при чемъ даются совѣты друзьямъ касательно ихъ взаимныхъ отношеній (II, 7—10). Перерывы въ разсужденіяхъ, эпизодическія отступленія встрѣчаются и тѣснѣйшая связь одной главы съ другою не можетъ быть доказана; но въ общемъ разговоры передаются по извѣстному плану. Во второй намѣченной группѣ имѣются въ виду добродѣтели частныя, особенныя, именно добродѣтели людей государственныхъ (III, 1—7), художниковъ, ремесленниковъ (III, 10); сюда же, по простой ассоціаціи, включаются и совѣты Сократа людямъ, находящимся въ особенныхъ жизненныхъ положеніяхъ (III, 11—14). На Мемораб. III, 8—9 можно смотрѣть, какъ на принципиальное нѣкоторымъ образомъ разъясненіе понятія τὰ καλὰ (ἀγαθὰ) и связаннаго съ нимъ понятія τὰ χρήσιμα, около которыхъ вращаются всѣ разговоры третьей книги „Меморабилій“. Самъ Ксенофонтъ начинаетъ третью книгу своего сочиненія словами: „теперь я буду говорить о томъ, что онъ (т. е. Сократъ) былъ полезенъ τοὺς ὀφειζόμενος τῶν καλῶν“.

Шестую и послѣднюю группу сократическихъ разговоровъ образуютъ, по мнѣнію Деринга, разговоры, содержащіяся въ четвертой книгѣ „Меморабилій“ (выключая послѣднюю—восьмую главу, составляющую заключеніе книги). Этой группѣ Дерингъ усволяетъ названіе: „воспитательныя приемы Сократа“ и подраздѣляетъ ее частіе такимъ образомъ: 1) первая ступень педагогій Сократа: выборъ людей способныхъ (IV, 1, 1—2); 2) вторая ступень педагогій Сократа: протретическое вліяніе на учениковъ (IV, 1, 3—5 и IV, 2); 3) основной планъ педагогій Сократа (IV, 3, 1); 4) руководство къ благочестію (IV, 3, 2—18); 5) руководство къ справедливости

(IV, 4); 6) руководство къ практической дѣловитости (IV, 5); 7) руководство къ развитію діалектической способности (IV, 6); 8) руководство къ развитію практической самостоятельности (IV, 7) ¹⁾. Нужно сказать, что не одинъ Дерингъ смотритъ на указанныя главы „Меморабилій“, какъ на разъясненіе характера и приемовъ педагогической дѣятельности Сократа: такой же взглядъ проводятъ и другіе изслѣдователи, напр. Брайтенбахъ и Клеттъ. Послѣдній говоритъ, что въ четвертой книгѣ „Меморабилій“ рѣчь идетъ о систематической педагогикѣ Сократа и о тѣхъ основоположеніяхъ, которыми онъ при этомъ руководился; въ Мемораб. IV, 2, 3, 5 и 6 очерчивается, нѣкоторымъ образомъ, курсъ философскаго воспитанія, веденнаго Сократомъ ²⁾.

Что сказать объ этомъ взглядѣ на четвертую книгу „Меморабилій“?

Воспитательные приемы Сократа рельефнѣе дѣйствительно выставляются въ четвертой книгѣ „Меморабилій“, чѣмъ въ предшествующихъ трехъ; но они вовсе не составляютъ специфической особенности книги, потому что общая задача „Меморабилій“—это показать, какъ Сократъ старался исправлять и улучшать людей, какія онъ для этого употреблялъ средства; рѣчь о „педагогической дѣятельности“ Сократа идетъ и въ предшествующихъ трехъ книгахъ „Меморабилій“. Очевидно Деринга и другихъ изслѣдователей соблазняетъ такое начало большинства разговоровъ четвертой книги сочиненія Ксенофонта: „теперь я поважаю, какъ онъ относился къ людямъ, которые думали, что получили прекрасное образованіе и гордились мудростью“ (IV, 2); или: „теперь я буду говорить, какъ онъ (т. е. Сократъ) *дѣлалъ* своихъ собесѣдниковъ людьми болѣе практичными“ (IV, 5); или „попытаюсь сказать и о томъ, какъ онъ *дѣлалъ* своихъ собесѣд-

¹⁾ Döring, Die Lehre d. Sokrates, s. 203 ff

²⁾ Klett, s. 43; Breitenbach, s. 9, 10.

никовъ болѣе искусными діалектиками (*διαλεκτικώτεροι* IV, 6 ср. IV, 3, 1, гдѣ, по Дерингу, намѣчается планъ сократовскаго воспитанія). Но, во-первыхъ, такое начало имѣють не всѣ разговоры разсматриваемой книги „Меморабилій“ (IV, 1; IV, 4); во вторыхъ, если вчитаться въ эти разговоры, то окажется, что центръ тяжести въ нихъ лежитъ не въ томъ, какъ училъ Сократъ, а въ томъ, чему онъ училъ. Видѣть въ четвертой книгѣ „Меморабилій“ изображеніе систематической воспитательной дѣятельности Сократа можно развѣ только потому, что здѣсь почти къ ряду передаются четыре разговора съ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Однако не одинъ Евтидемъ является собесѣдникомъ, на которомъ Сократъ изощряетъ свои „педагогическіе приемы“. Въ IV, 4 передается пространный разговоръ Сократа съ софистомъ Гипсіемъ о справедливости. Одинъ этотъ разговоръ, имѣющій начало совершенно отличное отъ предшествующихъ и слѣдующихъ разговоровъ, колеблетъ разбираемое нами расчлененіе, потому что онъ вовсе не можетъ быть признанъ отрывкомъ изъ *Jugendpädagogik* Сократа. Это хорошо сознають и защитники разбираемаго взгляда, и потому Брайфенбахъ склоненъ считать данный разговоръ позднѣе вставленнымъ Ксенофонтомъ; Дерингъ, хотя удивляется, какимъ образомъ этотъ разговоръ помѣщенъ здѣсь, но объясняетъ это тѣмъ, что разговоръ былъ веденъ Сократомъ въ присутствіи учениковъ и носить, по мысли Ксенофонта, элементарный характеръ; Клеттъ настаиваетъ на связи этого разговора съ предшествующими разговорами и на его философскомъ значеніи¹⁾.

Держась порядка отдѣльныхъ главъ, можно содержаніе разсматриваемой книги „Меморабилій“ представить кратко такъ: 1) о необходимости знанія или мудрости (IV, 1); 2) о сущности истиннаго знанія или мудрости (IV, 2); 3) о мудрости или благоразуміи (*σωφροσύνη*) въ отношеніи къ бо-

¹⁾ Breitenbach, Xenoph. Memorab.: s. 9. 10 Anmerk.; Börsing, Die Lehre d. Sokrates, s. 239; Klett, Sokrates nach Xenoph. Memorabilien, s. 49.

ламъ (IV, 3); 4) о мудрости или благоразуміи въ отношеніи къ людямъ (IV, 4); 5) о мудрости или благоразуміи въ отношеніи къ себѣ самимъ и, частнѣе, въ отношеніи къ пользованію удовольствіями (IV, 5—*ἐυχράτεια*); 6) о добродѣтели, какъ мудрости или знаніи (IV, 6); 7) о предѣлахъ мудрости или знанія (IV, 7). На первомъ планѣ вездѣ, какъ видно, выступаетъ понятіе мудрости или знанія *Добродѣтель есть знаніе или мудрость*,—такъ можно резюмировать содержаніе рассматриваемой книги. Если въ первой, намѣченной нами раньше, группѣ сократическихъ разговоровъ имѣлись въ виду добродѣтели общія, принадлежащія всѣмъ людямъ, а во второй—добродѣтели частныя, индивидуальныя, или добродѣтели извѣстнаго призванія и жизненнаго положенія; то въ третьей группѣ разговоровъ, образусмой *Μεμοραβ. IV, 1—7*, рассматривается вообще существо добродѣтели,—какъ добродѣтели общей, такъ и добродѣтели индивидуальной (ср. IV, 6). Этой группѣ можно усвоить названіе: „о добродѣтели, какъ знаніи или мудрости“.

Таково, какъ намъ кажется, самое простое и естественное расчлененіе второй части „Меморабилій“. Если нельзя признать рассматриваемое сочиненіе Ксенофонта аналогіею совершенно стройною, гдѣ отдѣльныя главы тѣснѣйшимъ образомъ, органически были бы связаны между собою; то, съ другой стороны, это сочиненіе и не простой конгломератъ воспоминаній о Сократѣ, написанныхъ безъ всякаго плана и порядка.

Отвергнувши неосновательно апологетическую цѣль „Меморабилій“ и существованіе въ нихъ опредѣленнаго плана, нашъ критикъ далѣе утверждаетъ, что „Меморабиліи“ написаны Ксенофонтомъ не съ цѣлью защиты Сократа, а въ цѣляхъ простой конкуренціи другимъ соображаніямъ, писавшимъ о своемъ учителѣ. Съ кѣмъ же, спрашивается, имѣетъ его конкуренція?

Въ настоящее время нѣкоторыми учеными проводится

взглядъ, что „Меморабилии“ носятъ на себѣ циническую окраску, или заключаютъ въ себѣ явные циническіе элементы. Взглядъ этотъ впервые, насколько намъ извѣстно, провель Виллямовичъ — Меллендорфъ въ своей статьѣ о Федонѣ, основателѣ школы въ Элисѣ (Elis). Онъ не только отвергаетъ историческій характеръ „Меморабилій“, но говоритъ, что Ксенофонтъ въ этомъ сочиненіи находится подъ неотразимымъ вліяніемъ Антисѣена, возрѣнія котораго имъ усвоены¹⁾. Взглядъ Виллямовича-Меллендорфа, высказанный имъ довольно случайно, нашелъ обоснованіе въ сочиненіи Диммера *Academica*. По мнѣнію Диммера, телеологія „Меморабилій“ можетъ быть объяснена только вліяніемъ на Ксенофонта ученія Антисѣена, который самъ находился подъ вліяніемъ возрѣній Діогена Аполлонійскаго, Анаксагора и др.; слѣды вліянія цинизма замѣтны и на другихъ сторонахъ ученія ксенофоновскаго Сократа. Взглядъ Диммера раздѣляетъ извѣстный изслѣдователь по исторіи древней философіи, профессоръ П. Наторпъ, который говоритъ, что фактъ зависимости Ксенофонта и въ телеологіи, и въ этикѣ отъ Антисѣена, можетъ считаться, послѣ изслѣдованія Диммера, не подлежащимъ сомнѣнію²⁾.

Нашъ критикъ, повидимому, долженъ быть рѣшительнымъ противникомъ только что указаннаго взгляда на „Меморабилии“, или, по крайней мѣрѣ, долженъ значительно ограничить этотъ взглядъ, такъ какъ онъ опредѣленно говоритъ, что Ксенофонтъ противопоставляетъ свою сократовскую діалогіку протрептической діалогікѣ другихъ сократиковъ, и, главнымъ образомъ, діалогікѣ Антисѣена³⁾. И дѣйствительно, К. Иоэль

¹⁾ *Hermes*, 1879, Bd. XIV, H. 2, s. 192, 193. Xenophon—говоритъ Виллямовичъ-Меллендорфъ—bietet von allen Sokratikern am meisten Berührungspunkte mit Antisthenes.

²⁾ *Archiv f. Geschichte d. Philosophie*. Bd. III, 3, s. 343, Anmerk.

³⁾ *Ioel*, s. 53, 55.

ставитъ на видъ, что его взглядъ на „Меморабилии“ расходится съ новѣйшимъ циническимъ толкованіемъ этого сочиненія Ксенофонта ¹⁾). На самомъ же дѣлѣ оказывается, что въ циническомъ комментированіи „Меморабилій“ Іоэль превосходитъ самого Димmlера: вездѣ въ разсматриваемомъ сочиненіи онъ видитъ зависимость Ксенофонта отъ Антисеена, — и въ терминологіи, и въ стилѣ, и въ выборѣ и распорядкѣ темъ. Такъ, Іоэль говоритъ, что опредѣленіе діалектики, заключающееся въ Метод. IV, 5, 12, заимствовано, должно быть, изъ лучшей цинической традиціи; на Антисеена оно указываетъ уже потому, что, по своему существу, есть опредѣленіе чисто вербальное, и взято, по всей вѣроятности, изъ сочиненія Антисеена *περί διαλέκτου*. Точно также похвала сократовской добродѣтели, содержащаяся въ IV, 8, 11, отражаетъ на себѣ въ сильной степени циническое вліяніе, ибо слова, что Сократъ ни въ чемъ не нуждался и считалъ добродѣтель, опирающуюся на знаніи, самодовлѣющею силою, получаютъ свой ясный смыслъ только при сравненіи ихъ съ выраженіемъ Антисеена, сообщаемымъ Діогеномъ Лаэртціемъ (VI, 1, 11): „добродѣтель достаточна для счастливой жизни, ни въ чемъ она не нуждается, кромѣ сократовской силы (*μηδενός προσδεομένην* ὅτι μὴ Σωκρατικῆς ἰσχύος). На Антисеена указываетъ и противопоставленіе въ I, 1, 16 понятій *καλοκάγαθος* и *ἀνδραποδώδης*. Нѣкоторое сходство съ названіями сочиненій Антисеена можно усматривать въ перечисленіи въ I, 1, 16 предметовъ сократическихъ разговоровъ. Именно, Сократъ, по Ксенофону, разсуждалъ о томъ, „что благочестиво и что нечестиво, что прекрасно и что постыдно, что справедливо и что несправедливо, что благоразуміе и что безуміе, что храбрость и трусость, что государство и государственный дѣятель“. Антисеенъ же, по свидѣтельству Діогена Лаэртція (VI, 1, 15), писалъ сочиненія: „О несправедливости и нечестіи“, „О законѣ или о

¹⁾ Іоел, а. 53.

прекрасномъ и справедливомъ“, „Протрептикъ о справедливости и храбрости“, „О законѣ или государствѣ“, „Менексенъ, или объ управленіи“, „О государствѣ“ и т. п. Заключительныя слова Мемогаб. IV, 6 указываютъ на сочиненія Антисѣена объ Одиссеѣ, такъ какъ сомнительно, чтобы для Сократа „риторъ Одиссей“ былъ личностью идеальною, ученикъ же Горгія дѣйствительно видѣлъ въ Гомерѣ, и особенно въ его мудромъ Одиссеѣ, примѣръ для подражанія; въ гомеровскихъ фрагментахъ Антисѣена ¹⁾ опредѣленно говорится, что Одиссей является у Гомера мудрымъ потому, что онъ умѣлъ говорить съ людьми общедоступно. Мы имѣемъ, далѣе, замѣчательное свидѣтельство въ пользу антисѣеновскаго характера Мемогаб. IV, 6, 1. Въ „Dissertationes“ Арріана-Эвектета читаемъ: „кто писалъ, что началомъ воспитанія служитъ изслѣдованіе именъ (ἢ τῶν ὀνομάτων ἐπιλέψις) ²⁾. Тутъ же дается и отвѣтъ, что объ этомъ разсуждалъ Антисѣенъ,—очевидно въ своемъ сочиненіи „О воспитаніи, или объ именахъ“. Далѣе въ цитированномъ мѣстѣ Dissertationes читаемъ: „а Сократъ развѣ не говорилъ? О комъ же (какъ не о Сократѣ) Ксенофонтъ пишетъ, что онъ начиналъ съ изслѣдованія именъ,—что оупачаетъ каждое изъ нихъ“. Слова Ксенофонта, говоритъ Юэль, замѣчательнымъ образомъ здѣсь приравниваются съ словами Антисѣена. Правда, Ксенофонтъ говоритъ объ изслѣдованіи не τῶν ὀνομάτων, а τῶν ὄντων; по развѣ не характеристично для помпаниста и этимолога Антисѣена, что существо ὄντα онъ видитъ въ ὀνοματά. Быть можетъ, далѣе, Ксенофонтъ ставитъ иногда въ „Меморабилияхъ“ справедливостъ на первомъ мѣстѣ также въ зависимости отъ Антисѣена, у котораго эта добродѣтель занимаетъ центральное положеніе. Съ увѣренностью—только циническимъ вліяніемъ можно объяснить рѣзкое противоположеніе въ „Меморабилияхъ“ (Ш, 9)

¹⁾ Фрагменты сии изданы Вилкельмамомъ (Zurich, 1842).

²⁾ Arrian. Epictet. Dissert. l. 17

людей мудрыхъ и немудрыхъ, а равно—замѣну понятія ἐπιστήμη понятіемъ σοφία и часто употребляющееся выраженіе καλὰ τε καὶ ἀθά 1). Лицо, очень часто выводимое въ „Меморабилияхъ“, именно Эвтидемъ, не имѣетъ въ себѣ ни одной исторической черты; это—типическая фигура, заимствованная Ксенофонтомъ, вѣроятно, у Антисѣена, который часто въ своихъ діалогахъ выводилъ собесѣдникомъ Сократа этого „вѣчнаго въ сократовскомъ кружкѣ юношу“ (ewige Jüngling) 2). Зависимость Ксенофонта отъ циниковъ опредѣленно выражается въ томъ, что единственный свидѣтель, на котораго Ксенофонтъ одинъ разъ ссылается, какъ на источникъ своихъ сообщеній о Сократѣ, именно Гермогенъ, стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Антисѣену. Винкельманъ справедливо предполагаетъ, что въ ксенофоновскомъ „Сямпосіонѣ“ Антисѣенъ выводится заступающимъ за бѣднаго Гермогена (IV, 35), и что подъ именемъ послѣдняго Платонъ въ „Краниллѣ“ осмѣиваетъ не иного кого, какъ Антисѣена. Предположеніе Винкельмана вполне подтверждается сличеніемъ Συμπ. IV, 35 съ Μεμογ. II, 5 и II, 10 3). Наконецъ, хотя Ксенофонтъ явно несимпатично относится къ эленктикѣ, или, какъ называли ее циники, къ протрептикѣ, однако и тутъ обнаруживается вліяніе на него Антисѣена. Нашъ критикъ подвергаетъ весьма подробному анализу вторую главу четвертой книги „Меморабилій“ и отмѣчаетъ въ ней циническія черты, именно частую замѣну сократовскаго метода опредѣленій антисѣеновскимъ методомъ различенія; релятивистическое понятіе о справедливости, чисто циническій взглядъ на богатство и бѣдность и т. п. 4).

Трудно, безъ сомнѣнія, понять, какимъ образомъ Ксенофонтъ въ своихъ „Меморабилияхъ“ конкурируетъ съ Ан-

1) Ioel, Der echte und der Xenoph. Sokrates, s. 352—355, 364.

2) Ioel, s. 373—377.

3) Ibid. s. 382—383.

4) Ibid. s. 383—424.

тисееномъ и въ тоже время находится въ такой полной зависимости отъ него. Приходится составить о писательской дѣятельности Ксенофонта и вообще о его умственныхъ дарованіяхъ самое невыгодное представленіе, что не смущаетъ, впрочемъ, Юэля и подобныхъ ему критиковъ. Возможно, конечно, произвольно усвоить взгляды своего противника, но, вѣдь, въ данномъ случаѣ дѣло идетъ вовсе не о случайномъ, а о систематическомъ вліяніи. Къ какимъ искусственнымъ предположеніямъ и сопоставленіямъ прибѣгаетъ нашъ критикъ, это уже отчасти видно изъ приведенной его аргументаціи. Антисеенъ—фигура темная, мало намъ извѣстная, и потому нѣмецкіе ученые любятъ усматривать его вездѣ, гдѣ они съ опредѣленностью не могутъ указать на другое лицо¹⁾. Антисеенъ сталъ для нихъ своего рода *asylum ignorantiae*. Они видятъ его чуть ли не во всѣхъ произведеніяхъ Платона, —не только въ „Теэтетѣ“, „Филебѣ“, „Софистѣ“, гдѣ полемика противъ него съ большою вѣроятностью можетъ быть усматриваема, но и въ платоновскомъ „Евтидемѣ“, „Гиппіасѣ большемъ“, „Кратиллѣ“, „Протагорѣ“, „Федонѣ“, „Государствѣ“²⁾. Рѣшительно не понятно, почему положенія, которыя находятъ у Антисеена, выдающагося ученика Сократа, и которыя въ то же время, по свидѣтельству Ксенофонта, принадлежатъ Сократу, нужно считать не сократовскими, а антисееновскими. „Для всякой здоровой критики должно быть совершенно ясно, что если между ученіемъ Сократа въ „Воспоминаніяхъ“ Ксенофонта и ученіемъ Антисеена существуютъ совпаденія, то причину ихъ слѣдуетъ искать въ Сократѣ, а не въ Антисеенѣ. Последнее было бы допустимо тогда лишь, если бы можно было доказать, что Сократъ не могъ проводить

¹⁾ Особенно это нужно сказать о Диммерѣ (*Antisthenica*, Berlin, 1882).

²⁾ См. А. Н. Гилларовъ, Платонъ, какъ историческій свидѣтель, стр. 285—337. Самъ проф. Гилларовъ видитъ указаніе на Антисеена въ „Софистѣ“, „Теэтетѣ“ и „Филебѣ“, отчасти въ „Федрѣ“, „Тимей“ и „Шарменидѣ“.

тѣхъ возрѣній, которыхъ представителемъ былъ Антисѣенъ. Но для такого доказательства нѣтъ никакихъ данныхъ¹⁾. Почему, въ самомъ дѣлѣ, Сократъ не могъ опредѣлять, что такое діалектика, опираясь на этимологическомъ значеніи самаго слова „діалектика“, а это опредѣленіе принадлежитъ Антисѣену? Или почему онъ не могъ противопоставлять понятій *καλοκἀγαθός* и *ἀνδραποδιώτης*, *σοφοί* и *μη σοφοί* и часто пользоваться выраженіемъ *καλά τε καὶ ἀγαθά*? Похвала сократовской добродѣтели, содержащаяся въ Мемогав. IV, 8, 11, ясна сама по себѣ и нѣтъ нужды, для пониманія ея, прибѣгать къ сравненію словъ Ксенофонга съ изреченіемъ Антисѣена, характеризующимъ его взглядъ на добродѣтель, какъ на самодовлѣющую силу. Говорятъ, что перечисленіе у Ксенофонга темъ сократовскихъ собесѣдованій напоминаетъ названіе сочиненій Антисѣена, и значитъ и тутъ обнаруживается циническое вліяніе. Но не вѣрнѣ ли предположить, что въ томъ и другомъ случаѣ оказывается дѣйствіе общій источникъ, именно ученіе Сократа. Надежнѣйшее подкрѣпленіе своего взгляда нашъ критикъ думаетъ найги въ приведенномъ раньше мѣстѣ *Dissertationes* Арріана—Эпиктета. Но, вѣдь, здѣсь вовсе не указывается, что Ксенофонтъ, характеризуя діалектику Сократа, пользовался сочиненіемъ Антисѣена, но только слова Ксенофонга о діалектикѣ Сократа сопоставляются со взглядомъ Антисѣена на „начало воспитанія“, при чемъ у Ксенофонга говорится объ изслѣдованіи *τῶν ὄντων*, а у Антисѣена—изслѣдованіи *τῶν ὄνομάτων*. Нельзя, кажется, придумать болѣе произвольнаго предположенія, чѣмъ то, что Гермогенъ былъ другомъ Антисѣена, Гермогена же Ксенофонтъ обрисовываетъ весьма симпатичными чертами, и слѣдовательно отъ Гермогена, единственнаго своего свидѣтеля, Ксенофонтъ могъ познакомиться съ ученіемъ Сократа въ цинической окраскѣ. Всѣ разсужде-

¹⁾ А. Н. Гиллровъ, Платонъ, какъ историческій свидѣтель. стр. 103, прим. 103; Ср. Böring, Die Lehre, s. 70.

нiя нашего критика о зависимости Ксенофонта отъ Анти-сена покоятся на той болѣ широкой основѣ, что „Меморабилиа“ написаны Ксенофонтомъ въ послѣднiе годы его жизни, что Ксенофонтъ мало интересовался и мало зналъ ученiе Сократа, а потому по необходимости обращался въ сочи-ненiямъ другихъ сократиковъ. Но несостоятельность этихъ предположенiй мы уже имѣли случай раньше показать.

Признавал, что Ксенофонтъ въ одно время и конкурируетъ съ Антисеномъ и стоитъ въ полной зависимости отъ него, нашъ критикъ этимъ самымъ ясно показываетъ слабость своего взгляда. Открыть циническiе элементы въ „Меморабилияхъ“, какъ мы сказали, не возможно. Теперь необходимо поставить на видъ, что и о конкуренци, — съ Антисеномъ ли, или другими сократиками, — въ „Меморабилияхъ“ нигдѣ нѣтъ рѣчи.

Первое мѣсто, на которое ссылается Иоэль въ подтвержденiе своего взгляда, что „Меморабилиа“ произведенiе, вызванное конкуренциею, слѣдующее: „другiе, присутствовавшiе, когда онъ бесѣдовалъ такимъ образомъ съ разными лицами, передали (ἀγγούοντο) объ этомъ; я же находился, когда онъ говорилъ вотъ о чемъ съ Евтидемомъ“. Совершенно несправедливо обострять противоположенiе (ἄλλοι μὲν... ἐγὼ δὲ), заключающееся въ приведенныхъ словахъ, и придавать послѣднимъ такой смыслъ: *не только другiе присутствовали, но и я самъ присутствовалъ при одной изъ бесѣдъ Сократа объ этомъ* (т. е. о благоразумiи въ отношенiи къ богамъ), какую бесѣду и передамъ. На самомъ дѣлѣ мысль Ксенофонта здѣсь та, что, въ виду большей убѣдительности, правдивости своего разсказа, онъ сообщаетъ бесѣду лично имъ слышанную, хотя ему извѣстно, что подобныя бесѣды Сократа существуютъ въ обращенiи и передаются лицами, присутствовавшими при *самыхъ* бесѣдахъ¹⁾. Труднѣе объяснить второе мѣсто, на которое

¹⁾ Самообразно, хотя и не безъ натяжки, объясняетъ данное мѣсто Дерригъ.

ссылается К. Юэль. Мѣсто это читается такъ: „если нѣкоторые думаютъ (о Сократѣ),—какъ нѣкоторые пишутъ и говорятъ, по простой догадкѣ о немъ (εἰ δὲ τινες Σωκράτην νομίζουσιν, ὡς ἔνιοι γράφουσι τε καὶ λέγουσι περὶ αὐτοῦ τεχναϊρόμ.νοι)¹⁾—что Сократъ былъ весьма способенъ побуждать (πρὸς τρέψασθαι) людей къ добродѣтели, довести (προαγαγεῖν) же до нея не могъ, то пусть обратятъ вниманіе не только на то, какъ онъ, ради внушенія, обличалъ въ вопросительной формѣ людей, думавшихъ, что они все знаютъ, но и какъ онъ ежедневно рассуждалъ со своими учениками, и тогда пусть судятъ, въ состояніи ли онъ былъ дѣлать своихъ слушателей лучше“. Нашъ критикъ различаетъ въ приведенномъ мѣстѣ два класса людей: съ одной стороны νομίζοντας, съ другой—τεχναϊρόμενοι (лучше бы сказать γράφοντας καὶ λέγοντας). Первые, по нему, враги или полувраги Сократа, вторые же вовсе не могутъ быть считаемы его врагами; они только выводятъ Сократа собесѣдникомъ въ написанныхъ ими разговорахъ, имѣющихъ исключительно протрептическій характеръ, а отсюда перваго рода люди дѣлаютъ неблагоприятное для Сократа заключеніе,—что онъ не въ состояніи былъ приводить людей къ добродѣтели. Со вторымъ классомъ людей, изображавшихъ Сократа исключительно протрептикомъ, и конкурируетъ Ксенофонтъ. Это пониманіе Юэля вовсе не оправдывается текстомъ даннаго мѣста. Было бы нѣкоторое основаніе для подобнаго комментирования, если бы слово τεχναϊρόμενοι относить къ νομίζουσι и чтенію ὡς... λέγουσι предпочесть чтенію οἷς... λέγουσι²⁾. Пришлось бы тогда данное мѣсто переводить такъ: „если нѣкоторые думаютъ (о Сократѣ),—заклячая по догадкѣ на основа-

Онъ говоритъ, что, употребляя ἰσχυρῶς διηγοῦντο, Ксенофонтъ желаетъ сказать, что, во время его обращенія съ Сократомъ, въ кружкѣ учениковъ послѣднлаго часто передавались личными слушателями Сократа его разговоры о благоразуміи въ отношеніи къ богамъ (Döring, Die Lehre d. Sokrates, s. 223 - 224.

¹⁾ Раньше слово τεχναϊρόμενοι мы перевели неточно.

²⁾ Такое измѣненіе текста предлагаетъ Врайтенбахъ (Xenoph. M. s. 62)

ни того, что пишутъ и говорятъ о немъ,—что Сократъ“ и дал. Но къ чему прибѣгать къ подобнымъ насилуваніямъ текста, когда въ этомъ нѣтъ никакой нужды? Самое простое и естественное пониманіе даннаго мѣста будетъ такое. Ксенофонтъ сообщаетъ, что нѣкоторые думаютъ, будто Сократъ могъ только побуждать къ добродѣтели, но не въ состояніи былъ привести къ ней. Откуда-же извѣстно, что нѣкоторые такъ думаютъ? Ксенофонтъ въ вводномъ предложеніи и замѣчаетъ: *ὡς ἔνιοι γράφοσι τε καὶ λέγουσι*, т. е. объ этомъ можно заключать на основаніи того, какъ нѣкоторые пишутъ и говорятъ о Сократѣ,—пишутъ и говорятъ о немъ, не зная его дѣятельности, опираясь въ своихъ сужденіяхъ на простой догадкѣ. Слѣдовательно и *τίνας* и *ἔνιοι*—это классъ людей, одинаково враждебныхъ Сократу, одинаково не понимавшихъ его дѣятельности, его вліянія на человѣческую волю. Можетъ быть классъ *τίνας* и шире, чѣмъ классъ *ἔνιοι*, но тотъ и другой классъ—враги или полувраги Сократа. Держась своей общей апологетической точки зрѣнія, Ксенофонтъ и желаетъ показать несправедливость подобнаго взгляда на Сократа. Нашъ критикъ говоритъ, что слово *πρότρεψασθαι* употреблено въ Меногах. I, 4, 1 въ технически опредѣленномъ смыслѣ,—въ какомъ оно стоитъ въ діалогѣ „Клитофонъ“. Но если бы это было справедливо, т. е. Ксенофонтъ дѣйствительно противопоставлялъ свои „Воспоминанія“ протретиической діалогикѣ, то онъ не употреблялъ бы въ „Меморабиліяхъ“ довольно часто слово *πρότρεπαι* (III, 3, 8; III, 5, 3), а замѣнялъ бы его выраженіемъ *προάγειν* или *πρόβαιεν* (I, 2, 17; I, 5, 1)¹⁾.

¹⁾ А Кроузъ утверждаетъ, что слово *πρότρεπαι* нигдѣ не встрѣчается въ „Анабазисѣ“, а тамъ употребляются слова *παραιναῖν*, *παρορμᾶν*, *παρὰχρησῶσθαι*. Отсюда, съ обмѣннымъ своимъ произволомъ, Кроузъ заключаетъ, что всѣ мѣста „Меморабилій“, гдѣ встрѣчается слово *πρότρεπαι*, въ значеніи „указывать“, неподлинны, написаны подъ стоническимъ вліяніемъ (Socrates and Xenophon. s. 4).

По мнѣнію К. Іоэля, конкурировать съ другими сократиками значило ео ipso творить, измышлять, создавать фиктивные сократовскіе разговоры. Въ своей статьѣ „Сократовскій λόγος“ Іоэль такимъ образомъ разъясняетъ сущность конкуренціи сократиковъ. Начиная съ общихъ руководственныхъ соображеній, онъ говоритъ, что конкуренція составляла основной принципъ греческой культуры¹⁾. „Греческая политика есть конкуренція государствъ, греческая религія—конкуренція боговъ, греческая забота о развитіи тѣла—это не простая гимнастика, а состязаніе (kein Turnen, sondern ein Wettkampf), греческая ἀρετή—не социальная добродѣтель, а добродѣтель, отмѣченная печатью конкуренціи. Житель Атики—честолюбивѣйшій изъ эллиновъ, и онъ услаждается столько же боемъ пѣтуховъ, сколько и борьбою ораторовъ, столько же состязаніемъ поэтовъ въ области трагедіи, разъясняющей, что такое, по самой своей сущности, ἀγων, сколько и бурными судебными процессами, и философская эридика достигаетъ здѣсь совершенно непонятнаго для насъ расцвѣта. Было бы страннымъ, если бы принципъ конкуренціи не обнаружился въ отношеніи къ сократовскому λόγосу, такъ тѣсно связанному съ жизнью. Несомнѣнно, что открылась особенная отрасль (сократовской) литературы, гдѣ появившееся сочиненіе одного автора побуждало другого автора къ написанію сходнаго по предмету, лучшаго сочиненія... Сократики, занимаясь одною и тою же матеріею, старались превзойти другъ друга и признакомъ этой конкуренціи служатъ повторяющіяся одинаковыя заглавія ихъ сочиненій, напр. „Алкивиадъ“ (у Эсхина, Антисѣена, Pseudo—Platon'a), „Аслазія“ (у Эсхина, Антисѣена), „Симпосіонъ“ (у Платона, Ксенофонта), περί ἀνδρείας (у Антисѣена, „Симона“), или, по крайней мѣрѣ, повторяющіяся въ ихъ сочиненіяхъ одинаковыя сцены дѣй-

¹⁾ Другимъ основнымъ принципомъ греческой культуры Іоэль считаетъ πάμπας (Archiv. Bd. IX, 1, s. 51—54.

ствій“, напр. въ платоновомъ „Протагорѣ“ и въ „Калліасѣ“ Эсхина. (Athen. V, 220)“. Въ чемъ же собственно проявлялась конкуренція сократиковъ? Конкурировали-ли они въ интересѣ всастановленія исторической правды? Если бы такой смыслъ имѣла ихъ конкуренція, то „оставалось бы непонятнымъ, почему сократики вмѣсто того, чтобы держаться пережитаго ими самими, избираютъ матеріи, которыя далеко выходятъ за предѣлы времени, когда они принадлежали къ ученикамъ Сократа. Да и какимъ образомъ сократики могли конкурировать между собою въ исторической вѣрности? Неужели они были такъ мелочны, или, говоря по современному, такъ критичны, что въ продолженіе полустолѣтія, по смерти Сократа, только и дѣлали, что занимались фактическими исправленіями другъ друга, которыя, судя по дошедшимъ къ намъ ихъ сочиненіямъ, вышли у нихъ или очень неудачными, или очень прикровенными... Неужели сократики были такъ согласны между собою, или такъ умственно бѣдны, что въ продолженіе времени, обнимающаго болѣе, чѣмъ людское поколѣніе, они не могли сказать ничего другаго, кромѣ общихъ имъ воспоминаній о Сократѣ. Если одинъ передавалъ тотъ, другой—иной сократовскій разговоръ, то существовала ли въ этомъ случаѣ жизненная конкуренція (*lebendige Konkurrenz*)? А если они различно воспроизводили одинъ и тотъ же сократовскій разговоръ, или, вообще, сократовскій методъ, теорію; то развѣ, при отсутствіи сочиненій Сократа, былъ контроль, послѣдняя инстанція, на которую можно бы сослаться, чтобы объективно рѣшить, кто передалъ разговоръ Сократа вѣрно? Нѣтъ, какъ историки, сократики не могли конкурировать между собою; а конкурировали они какъ писатели и философы. Стремленіе заявить себя самымъ лучшимъ сократикомъ необходимо вело къ свободнѣйшему развитію собственной силы“¹⁾.

¹⁾ Archiv f Geschichte der Philosophie, 1896 r., Bd. IX, 1, s. 54, 55.

Если бы эти разсужденія и были справедливы, они въ данномъ случаѣ не имѣютъ значенія, такъ какъ въ „Меморабиліяхъ“, какъ доказано, нигдѣ нѣтъ намека на конкуренцію. Но и сами приведенныя разсужденія далеко не во всемъ выдерживаютъ критику. Безъ сомнѣнія, ни Платонъ, ни Антисоенъ, ни Аристиппъ не были историками Сократа. Несовершенными сократиками Антисоенъ и Аристиппъ называются не потому, что они воспроизвели исторически вѣрно только одну сторону ученія Сократа, а—по той причинѣ, что, поставивши цѣлью дальше развить и обосновать ученіе своего учителя, они сдѣлали это неудачно, самымъ одностороннимъ образомъ связали сократизмъ съ предшествующими философскими ученіями. Λόγος сократовскій, безъ сомнѣнія, свободно варіировался. Появились многочисленные λόγοι σοκρατικοί, приписываемые то Кевису, то Симміасу, то Симону башмачнику¹⁾, подлинность какихъ сочиненій подвергалась со

¹⁾ Диогенъ Лаэртій называетъ три діалога Кевиса (Πίναξ, Εβδόμη κ Φρόνιχος¹), двадцать три діалога Симміаса и 33 діалога Симона (Diog. L. II, 14, 16, 17). О Симонѣ замѣчаетъ: οὗτος, φασι, πρῶτος διαλέχθη τοὺς λόγους τοὺς Σωκρατικούς (II, 14. p. 160). Сохранившееся сочиненіе Кевиса Πίναξ часто издавалось вмѣстѣ съ „Енхиридіономъ“ Эпиктета. Раннія изданія: *Epicteti enchiridion et Cebetis tabula*, graece et latine, 1776; *Epicteti stoici philosophi enchiridion, item Cebetis Thebani Tabula de vita humana prudenter instituenda*, interpret. Hierom. Wolfius, Coloniae, 1595; *Эпиктета стоическаго философа Энхиридіонъ и Апостолъ и Кевиса олыккаго картина, или изображеніе житія человека*, перев. Г. Полегкии, Спб. 1767, 2-е изд. Подлинность этого сочиненія отрицаютъ Целлеръ (*Die Philosophie d. Griechen* II, 1, s. 206, Anmerk 2), Ибергеръ (*Grundriss*, I, 245), защищаютъ же Беръ (*Pauly, Real-Encyklop.* Bd 2. Art. Cebes) и Швейгхаузеръ (*Schweighäuser, Epicteti Enchiridion et Cebetis tabula*, Leipzig, 1748). Судя по основной моральной точкѣ зрѣнія, какая проводится въ этомъ сочиненіи, оно, по всей вѣроятности, написано позднѣйшимъ стоикомъ (Ср. Ueberweg, s. 245; Zeller, s. 206).—Въ изданіи въпереме Стефаномъ (въ прибавленіи къ сочиненіямъ Диогена Лаэртія) трудъ Ἀνωνύμου τινὸς διαλέξεις Δωρικῆ διτ'έκτω (ср. Orelli Opusc. sentent. II. 210 ff; Mullach. *Fragm philosoph.* I, 544—552, гдѣ это сочиненіе называется Ἀνωνόμῃ οὐ τινὸς διαλέξεις ἠθικαὶ Δωρικῆ συγγεγραμμένα).

мнѣнію уже древними¹⁾. Однако Юэль опускаетъ изъ виду, что, по свидѣтельству древнихъ, λόγοι σοκρατικοί Эсхина весьма вѣрно передавали духъ сократовскихъ бесѣдъ, близки были къ исторической правдѣ²⁾, такъ что составила даже легенда, будто Эхинъ выдалъ подъ своимъ именемъ многіе діалоги, составленные самимъ Сократомъ³⁾. Раньше мы указали и на возможность записи сократовскихъ бесѣдъ. Объяснять появленіе богатой сократической литературы исключительно принципомъ конкуренціи сократиковъ, значить впадать въ явную крайность, низводить сократиковъ изъ философовъ въ мелочныхъ соперниковъ. Если Платонъ написалъ свой „Симпосіонъ“, какъ думаютъ нѣкоторые, послѣ „Симпосіона“ Ксенофонта⁴⁾; то, безъ сомнѣнія, онъ руководился не желаніемъ составить конкуренцію Ксенофону, а стремленіемъ развить тѣ мысли или взгляды, которые являются важнѣйшимъ элементомъ его философскаго міросозерцанія, не отдѣлимы отъ послѣдняго.

Тейхмюллеръ видитъ произведеніе Симона Ватничника (*Literarische Fehden in vierten Jahrh.*, Breslau, 1881, II, 105 ff.), *Берикъ* — сочиненіе кипрскаго софиста времени Платона (*Fünf Abhandlungen zur Geschichte d. griech. Philosophie und Astronomie*, Leipzig, 1888, s. 117 ff.), *Блассъ* приписываетъ составленіе этого сочиненія Симмасу (*Jahrb. für Philolog.* 1881, 739 ff.), а *Юэльъ* говоритъ, что авторъ Διαλέξεως близко стоитъ къ людямъ сократовскаго кружка и именно къ Антистену (*Der echte*, s. 398—401). Всѣ эти гипотезы едва ли выдерживаютъ критику; но всей вѣроятности Διαλέξεις написаны въ позднѣйшее время.

¹⁾ Сомнѣніе Панація, который, по свидѣн. Диогена Лаэртія, πάντων μέντοι τῶν Σωκρατικῶν διαλόγων... ἀληθεῖς εἶναι δοκεῖ τοῦς Πλάτωνος, Ξενοφῶντος, Ἀντιοθέου, Διοχίμου· διατάζει δὲ περὶ τῶν Φαιδῶνος καὶ Εὐχλείδου, τοῦς δὲ ἄλλοις ἀνατρεῖ πάντα (Diog. Laert. II, c. 7. 64. p. 123).

²⁾ Aristid. Orat. 45; Demetrius, De interpret. 297.

³⁾ Diog. L. II, 7, 60 p. 121; Athen. XIII, 611, d.

⁴⁾ Мнѣніе Гута (*Philolog.* VII, 638), *Реттима* (Xenoph. Gastmahl, Leipzig, 1881), *Рокета* (*De X. vita*, p. 76, 77), оспариваютъ это мнѣніе Германъ, Видельбадъ (*Исторія древней философіи*, стр. 155) и др.

Отвергая на основаніи разсмотрѣнныхъ аргументовъ исторической характеръ „Меморабилій“, считая это сочиненіе свободнымъ продуктомъ творчества, вызваннымъ конкуренціею съ другими сократиками, Іоэль тѣмъ не менѣе, къ удивленію нашему¹⁾, говоритъ, что истинно сократовскіе элементы въ „Меморабиліяхъ“ находятся, хотя, конечно, эти элементы, съ точки зрѣнія Іоэля, попали туда совершенно случайно, безсознательно, какъ бы противъ воли Ксенофонта. Вся задача состоитъ теперь въ томъ, какъ указать эти элементы, или какъ выдѣлить эту незначительную крупицу „сократовской истины“ отъ массы постороннихъ, не сократовскихъ элементовъ, въ которыхъ она заключена. Для такого выдѣленія Іоэль рекомендуетъ извѣстные приемы, которыми и самъ онъ вездѣ пользуется. Первый изъ этихъ приемовъ состоитъ въ сравненіи „Меморабилій“ съ несомнѣнно достоверными показаніями о Сократѣ Аристотеля; второй—заключается въ сличеніи „Меморабилій“ съ другими сочиненіями Ксенофонта²⁾. На первомъ приемѣ мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ критическая оцѣнка свидѣтельствъ Аристотеля о Сократѣ ожидаетъ насъ впереди, а рассмотримъ только второй приемъ, рекомендуемый критикомъ.

Въ „Меморабиліяхъ“ встрѣчаются такія мысли, которыя

¹⁾ На эту неожиданность указываетъ даже одинъ изъ защитниковъ Іоэля, именно Наторъ (Philosoph. Monatshefte, Bd XXX, N. 7, 8, s. 344)

²⁾ Нужно поставить въ несомнѣнную заслугу Іоэлю, что онъ рѣшительно отвергаетъ теорію позднѣйшихъ вставокъ, вольемей, различного редактированія „Меморабилій“, и все въ „Меморабиліяхъ“ выдѣлеть объяснить, не прибѣгая вовсе къ этой теоріи. Послѣднія находятъ теперь очень много защитниковъ, какъ въ Диндорфѣ, Шенкль, Гель, Бромъ (см. раньше), Гартманъ (Apolista Xenophontea, p 113 ff), Линке (De Xenophontis libris Socraticis Gumpert. Jena, 1890, s. 4), Гульбертъ и др. въ этой теоріи отчасти склоняется Деринъ, Бройтенбахъ (см. раньше), Клетъ (s. 26), Вимдельбандъ (Исторія древней философіи, стр. 110). Изъ раннихъ издателей „Меморабилій“ только Борнеманъ высказывалъ сомнѣніе въ подлинности Мемораб. IV, 8, 3—11, опираясь на сходство этого мѣста съ ксенофоновскою „Дилогіею Сократа“.

находимъ и въ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта. Какъ смотрѣть на нихъ? Принадлежать ли онѣ Сократу, или же нѣтъ? Нашъ критикъ отвѣчаетъ, что только тѣ изъ такого рода мыслей могутъ быть съ нѣкоторою вѣроятностью приписаны Сократу, которыя „необходимо, или легко и свободно укладываются въ рамки истинной сократики“. Сразу бросается въ глаза нетвердость, неустойчивость предлагаемаго приѣма. Каждый, вѣдь, можетъ опредѣлять по своему, что укладывается и что не укладывается въ рамки истиннаго сократовскаго ученія, или что укладывается легко, и что—съ трудомъ. Все здѣсь зависитъ отъ того, какой масштабъ будетъ избранъ для опредѣленія истинной сократики и какъ будутъ пользоваться этимъ масштабомъ; о необходимости не можетъ быть рѣчи, потому что открывается въ данномъ случаѣ полный просторъ индивидуальному произволу. Тѣ мысли, „Меморабилій“,—продолжаетъ К. Іоэль, — которыя имѣютъ „очевидную связь съ особеннымъ призваніемъ Ксенофонта, направленіемъ его духа и въ этой связи находятъ для себя самое лучшее и естественное объясненіе, эти мысли нужно съ вѣроятностью считать принадлежащими Ксенофонтѣ“. Безспорно, что К. Іоэль выражается здѣсь весьма осторожно. Однако можно спросить, неужели на направленіи духа Ксенофонта, его міровоззрѣніи нигдѣ и ни въ чемъ не сказалось вліяніе Сократа. Вѣдь, какое неизменное понятіе о Ксенофонтѣ ни составили многіе критики, они не должны забывать, что Ксенофонтъ былъ непосредственнымъ ученикомъ Сократа, слушавшимъ его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Мысль, находимая въ „Меморабиліяхъ“ и часто встрѣчающаяся въ другихъ произведеніяхъ Ксенофонта, не есть потому самому мысль Ксенофонта, а не Сократа. Ксенофонтъ могъ заимствовать ее отъ своего учителя и, какъ достояніе послѣдняго, она могла слиться съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ.

Указывая мысли, встрѣчающіяся въ „Меморабиліяхъ“ и другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта, нужно имѣть въ виду мысли

дѣйствительно общія, а не призрачно только общія. Нѣмецкая критика часто именно принимаетъ призракъ за дѣйствительность и на этомъ основаніи высказываетъ свои рѣзкія сужденія о „Меморабиліяхъ“. Мы разъясимъ это только на одномъ, наиболѣе наглядномъ, примѣрѣ. К. Іоэль говоритъ, что о мантикѣ рѣчь идетъ въ „Меморабиліяхъ“ и въ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта. Но такъ какъ это ученіе не мирится со взглядомъ Сократа на знаніе, то оно должно быть приписано Ксенофону, а не Сократу,—тѣмъ болѣе, что Ксенофонтъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ является необыкновенно усерднымъ защитникомъ мантики. „Не Сократъ, ревнитель знанія, говоритъ Іоэль, такъ вводитъ значеніе мантики, какъ это дѣлается въ „Меморабиліяхъ“, а Ксенофонтъ,—Ксенофонтъ οἰκόμενος, половедецъ, Ксенофонтъ строгій почитатель мантики, Ксенофонтъ апологетъ, который желаетъ защитить Сократа отъ обвиненія въ безбожіи“¹⁾. Но вѣрно ли это? О такой ли дѣйствительно мантикѣ рѣчь идетъ въ „Меморабиліяхъ“, какая почти вездѣ имѣется въ виду въ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта?

О взглядѣ Сократа на мантику можно судить по сравнительно многимъ мѣстамъ „Меморабилій“, но важнѣйшимъ изъ нихъ является слѣдующее, довольно пространное, которое приведемъ въ цѣлости. „Не было не извѣстно, что онъ (т. е. Сократъ) пользовался мантикою; ходила только молва, будто Сократъ говоритъ, что ему даетъ указанія демонъ, откуда собственно, какъ мнѣ кажется, и возникло обвиненіе, что онъ вводитъ новыя божества. Но онъ не вводилъ ничего новаго въ сравненіи съ тѣми, которые, признавая мантику, обращались къ птицамъ, человѣческому голосу (φῆμας), предзнаменованіямъ (συμβόλαις) и жертвамъ. Ибо какъ эти люди признаютъ, что не птицы и не явленія вообще даютъ знать, что полезно обращающимся къ мантикѣ, а что боги

¹⁾ Der echte und d. Xenoph Sokrates, s. 78..

такими путями указывают это, также точно думалъ и Сократъ. Но большинство выражаются такъ, будто птицы или вообще явленія отклоняють или побуждаютъ ихъ (въ извѣстному дѣйствию), а Сократъ, какъ думалъ, такъ и выражался: демонъ, говорилъ онъ, даетъ ему указанія. И, сообразно съ указаніемъ демона, онъ многимъ ученикамъ совѣтовалъ одно дѣлать, другое же—не дѣлать. И слушающіе его получали пользу, а не слушающіе раскаявались. Да и кто въ самомъ дѣлѣ (καίτοι τις) не согласится, что Сократъ не желалъ казаться ученикамъ ни полумнымъ, ни хвастуномъ. А его навѣрное считали бы тѣмъ и другимъ, если бы, давая совѣты въ видѣ указаній божества, онъ послѣ оказался лжецомъ. Очевидно, Сократъ не говорилъ бы напередъ, если бы не вѣрилъ въ истину своихъ словъ. А въ этомъ случаѣ кто станетъ вѣрить чемунибудь другому, какъ не божеству? Какимъ же образомъ, вѣруя въ боговъ, Сократъ думалъ, что боги не существуютъ? Но и вотъ какъ онъ поступалъ (ἀλλὰ μὴν ἐποίησεν καὶ τότε) въ отношеніи къ людямъ близкимъ: въ обыденныхъ вещахъ онъ совѣтовалъ дѣйствовать такъ, какъ кто считаетъ наилучшимъ дѣйствовать; въ тѣхъ же случаяхъ, когда не извѣстно, каковы будутъ результаты дѣйствій, онъ совѣтовалъ обратиться къ мантикѣ (μαντευσόμενος), нужно ли дѣйствовать. Онъ говорилъ, что нуждаются также въ мантикѣ намѣревающіеся хорошо устроить домъ (семью) и городъ (общество); между тѣмъ какъ плотничество, кузнечество, земледѣліе, начальствованіе, а равно умѣнье оцѣнить подобныя вещи, да еще—счетоводство, домоводство, командованіе солдатами,—все это, думалъ онъ, предметъ изученія и можетъ быть усвоено разумомъ человѣческимъ. Но самое существенное (τὰ δὲ μέγιστα) во всемъ этомъ боги, говорилъ онъ, оставили за собою, такъ что ничего изъ этого не извѣстно людямъ. Ибо тому, кто устроилъ хорошій садъ, не извѣстно, кто будетъ собирать плоды; устроившему хорошо домъ, не извѣстно, кто будетъ въ немъ жить; стратегу остается неизвѣстнымъ, счастливо ли

будетъ его командованіе; отъ политика скрыто, счастливо ли будетъ его управленіе; женившемуся на красавицѣ, чтобы быть счастливымъ, остается неизвѣстнымъ, не придется ли изъ за нея терпѣть горе; получившему въ государствѣ вліятельныхъ родственниковъ, не извѣстно, не будетъ ли онъ удаленъ ими же изъ государства. Относительно людей, которые думаютъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего зависящаго отъ дѣйствія боговъ (μηδὲν... εἶναι θαυμάσιον), а все это дѣло человеческого разума, онъ выражался, что они безумствуютъ. Безумствуютъ и обращающіеся къ мантикѣ относительно того, что боги дали возможность различать людямъ путемъ знанія... что можно понять чрезъ счисленіе, мѣру, или вѣсъ. Онъ думалъ, что вопрошающіе объ этомъ боговъ поступаютъ нечестиво. Нужно, говорилъ онъ, изучать то, что боги дали возможность дѣлать на основаніи изученія, а что для людей не разгадано—тамъ вопрошать боговъ чрезъ мантику, ибо боги открываютъ свою волю тѣмъ, къ кому они милостивы¹⁾).

Совершенно несправедливо утверждать, что въ приведенномъ мѣстѣ „Меморабіи“ рѣчь идетъ только о демонѣ Сократа²⁾. Противъ такого пониманія, кромѣ другихъ ясныхъ выраженій, говорятъ начальныя слова приведенной тирады: „не было не извѣстно, что онъ (т. е. Сократъ) пользовался мантикою“. Сгавить эти слова въ причинную связь съ непосредственно слѣдующими: διατεθρόλητο γὰρ, ὡς φαίη нельзя потому, что получалась бы довольно несообразная связь мыслей: „не было не извѣстно, что Сократъ пользовался мантикою, ибо ходила молва, будто Сократъ говорить, что ему даетъ указаніе демонъ, откуда и возникло обвиненіе, что онъ вводитъ новыя божества“. Можно, впрочемъ, и при указанномъ пере-

¹⁾ Мемораб. I, 1, 2—9.

²⁾ Къ такому взгляду склоняется напр. Клертъ (Sokrates nach Xenoph. Мемораб. в. 4—6).

водѣ придать ясный смыслъ начальнымъ словамъ разсматриваемаго мѣста, если понимать ихъ такъ, что молва считала демона Сократа мантикою, но только неправильно толковала послѣднюю, откуда и возникло обвиненіе противъ Сократа; поэтому Ксенофонтъ дальше разъясняетъ исключительно сущность сократовской мантики, т. е. сущность его демона. Но такое пониманіе предполагаетъ введеніе новыхъ посылокъ въ разсужденіе, которыя въ текстѣ не даны. Гораздо проще и естественнѣе мысль Ксенофонта передать такъ: „Сократъ пользовался мантикою: это не было не извѣстно; но что подало поводъ обвинять его во введеніи новыхъ божествъ, это — его демонъ, о которомъ ходила молва, но который неправильно понимали“. Такимъ образомъ въ приведенномъ мѣстѣ говорится съ одной стороны о мантикѣ Сократа, съ другой — о его демонѣ. Прежде всего нельзя не обратить вниманія, какія границы ставить Сократъ для правильнаго упогребленія мантики. Къ послѣдней нужно, по нему, прибѣгать только тамъ, гдѣ знаніе является для насъ рѣшительно недостаточнымъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ такими вопросами, на которые, опираясь на науку, нельзя дать отвѣта, каковы вопросы о послѣдствіяхъ или результатахъ того или другого предпринятаго нами дѣла. Наоборотъ, безумно и даже оскорбительно для божества пользоваться мантикою въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ знаніе является надежнымъ нашимъ руководителемъ. Сократъ, слѣдовательно, со всею силою ставитъ на видъ важность и значеніе науки, но въ тоже время сознаетъ, что есть область для насъ неразгаданная, не поддающаяся никакому точному анализу мысли, гдѣ поэтому уже нельзя руководиться знаніемъ, а необходимо прибѣгнуть къ мантикѣ, предполагающей участіе сверхнатуральнаго агента. Какіе роды обмененной мантики признавалъ Сократъ, Ксенофонтъ не указываетъ, но объ этомъ можно заключать изъ Методов. I, 1, 6. Здѣсь говорится, что людей близкихъ Сократъ въ необходимыхъ, по его мнѣнію, случаяхъ *ματισορμένους* ἔπειθεν. Прямою парал-

делью къ этому мѣсту служить Анаб. III, 1, 5, гдѣ передается, что Сократъ совѣтовалъ Ксенофонту обратиться съ вопросомъ къ дельфійскому оракулу, слѣдуетъ ли ему принять участіе въ походѣ Кира младшаго; къ разъясненію этого мѣста могутъ служить и слова Метогаб. I, 4, 15,—что боги на вопросы аѳинянъ διὰ μαντικῆς φράζονται, т. е. отвѣчаютъ публично аѳинскому народу чрезъ оракула. Опираясь на указанныхъ мѣстахъ и имѣя въ виду прямой смыслъ словъ μαντεοσομένους ἔπειθεν, можно заключать, что Сократъ въ необходимыхъ случаяхъ отсылалъ людей близкихъ или учениковъ за совѣтомъ къ оракулу. Это, по всей вѣроятности, и разумѣетъ Ксенофонтъ,—припоминая, быть можетъ, при этомъ не неизвѣстный аѳинянамъ фактъ отправленія Сократомъ его самого за совѣтомъ въ Дельфы,—когда говорить: „не было не извѣстно, что онъ пользовался мантикою“. Что Сократъ съ уваженіемъ относился къ оракулу, на это есть указанія и въ другихъ мѣстахъ „Меморабилій“ (IV, 3, 16). Но нигдѣ здѣсь не сообщается, что онъ признавалъ мантику чисто внѣшнюю (Zeichenmantik, употребляя выраженіе Юэля), основанную на гадавіи по внутренностямъ животныхъ, птицамъ и другимъ внѣшнимъ предзнаменованіямъ. Сократъ считалъ законною только мантику, такъ сказать, человѣческую, приближающуюся къ его внутреннему оракулу¹⁾. Мало того, въ „Меморабиліяхъ“ нигдѣ не говорится, что самъ Сократъ обращался къ оракулу²⁾. Гдѣ Сократъ говоритъ о самомъ

¹⁾ Иного взгляда на мантику Сократа держится Врайтенбахъ (Xenoph. Mithogab. s. 224) и др. Нашему пониманію сократовской мантики не противорѣчатъ слова платоновской „Апологии Сократа: ἐμοὶ δὲ τοῦτο... προσέταχται ὅτι τοῦ θεοῦ πράττειν καὶ ἐκ μαντικῶν καὶ ἐξ ἐνοπιῶν καὶ παντὶ τρόπῳ ἢ περὶ τίς ποτε καὶ ἄλλη θεία μοῖρα ἀνθρώπων καὶ ὁτιοῦν προσέταξε ποιεῖν (Apol. 33. C), ибо здѣсь, какъ видно изъ хода рѣчи, разумѣется все широкое, разнообразное (παντὶ τρόπῳ) областью духа человеческого, въ которой можетъ усматриваться дѣйствіе и откровеніе Божества.

²⁾ Смыслъ словъ καὶ μαντικῆ χράμενος οὐκ ἀφηνῆς ἦν ми разъяснили нѣсколько раньше.

себѣ, тамъ онъ ссылается на внутренній голосъ своего собственнаго демона (IV, 8, 1. 5. 6; ср. IV, 3, 12). Онъ былъ убѣжденъ, что есть область непостижимаго, неразгаданнаго человѣческой мыслию, гдѣ дѣйствуетъ и открываетъ человѣку въ его внутреннемъ чувствѣ свою волю Божество; кто не чувствуетъ въ себѣ самомъ этого внутренняго оракула, или не довѣряетъ ему (ср. М. I, 1, 4. 5), какъ чувствовалъ его и довѣрялъ ему самъ Сократъ, тотъ долженъ обратиться къ оракулу внѣшнему, чрезъ который Божество открываетъ людямъ свою волю.

Таковъ, по указанію „Меморабилій“, былъ взглядъ Сократа на мантику. Если кто и не согласится съ нашимъ пониманіемъ, во всякомъ случаѣ мы твердо держимся положенія, что въ „Меморабиліяхъ“ нигдѣ нѣтъ рѣчи о мантикѣ знаковъ,—мантикѣ чисто внѣшней, которая имѣется въ виду въ другихъ сочиненіяхъ Ксенофонта¹⁾. Этотъ фактъ неупоминанія въ „Меморабиліяхъ“ о „мантикѣ знаковъ“ для Іоэля остается необъяснимымъ: непонятно, какимъ образомъ Ксенофонтъ могъ устоять отъ столь сильнаго искушенія навязать Сократу свои воззрѣнія. Для насъ же этотъ фактъ служить лучшимъ доказательствомъ историчности „Меморабилій“: въ послѣднихъ Ксенофонтъ передаетъ ученіе Сократа, въ другихъ же своихъ сочиненіяхъ, онъ, находясь подъ вліяніемъ учителя, въ тоже время выступаетъ и самостоятельнымъ мыслителемъ.

Ученіе Сократа въ „Меморабиліяхъ“ о мантикѣ есть, по нашему мнѣнію, нѣчто специфически отличающее разсматриваемое сочиненіе Ксенофонта отъ другихъ его сочиненій. Самъ Іоэль склоненъ считать такіе специфическіе элементы „Меморабилій“ не принадлежащими Ксенофонту. Однако, съ его точки зрѣнія, не принадлежащее Ксенофонту не есть потому самому собственность Сократа, а оно можетъ принадле-

¹⁾ Сурор. I, 6, 2. 44; II, 4, 19. Оесоп. 5, 19. Анаб. VI, 1, 23. 24; VI, 5, 2, 12; VI, 4, 13 до 5, 3; и ии. др.

жать Антисоену. Нашъ критикъ слѣдовательно сталкивается, при выдѣленіи незначительной крупицы сократовской истины въ „Меморабиліяхъ“, съ новою трудностью, — отличить сократовское отъ антисоеновскаго. Мы уже видѣли, какъ произвольно, бездоказательно онъ проводитъ такое различіе.

Мы подвергли критическому разбору взглядъ К. Іоэля на „Меморабиліи“ Ксенофонта. Этотъ взглядъ является лучшимъ выраженіемъ отрицательнаго отношенія современной германской критики къ Ксенофону, какъ свидѣтелю о Сократѣ. Если поэтому намъ удалось показать несостоятельность его, то тѣмъ самымъ обнаружена неудовлетворительность возраженій и другихъ критиковъ противъ историческаго характера „Меморабилій“, какія возраженія Іоэль часто повторяетъ, только обостряя ихъ и болѣе подробно аргументируя.

Нельзя сомнѣваться, что Ксенофонтъ въ разсматриваемомъ сочиненіи желалъ представить намъ личность и ученіе Сократа, насколько болѣе возможно, въ вѣрныхъ, правдивыхъ, соответствующихъ дѣйствительности, чертахъ. Онъ пишетъ свои „Меморабиліи“ подъ свѣжимъ еще сравнительно впечатлѣніемъ потери любимаго учителя и пишетъ ихъ подъ влияніемъ высокаго чувства долга ученика — защитить своего учителя отъ тѣхъ обвиненій, какия были на него возведены и жертвою которыхъ онъ палъ. Обвиненія были фактомъ реальнымъ, а не вымышленнымъ, и считаются потому съ ними нужно было ссылкой на такіе же реальные факты, а не на какия нибудь свои самоизмышленныя фикціи, которыя, конечно, никого и ни въ чемъ не могли убѣдить. Эту реальность, общеизвѣстность, документальность приводимыхъ фактовъ Ксенофонтъ иногда ясно ставитъ на видъ. Всякому, говоритъ онъ, было извѣстно, что Сократъ держался порядка, справедливости не въ примѣръ прочимъ (IV, 4, 1); всякому было извѣстно, какъ онъ поступилъ, когда былъ въ народномъ собраніи

эпистатомъ и когда собраніе требовало казни девяти страте- говъ, сотоварищей Фразилла и Эрасинида (I, 1, 17. 18); не было не извѣстно, что Сократъ пользовался мантикою (I, 1, 2); и т. п. Къ изображенію личности Сократа и его ученія Ксенофонтъ, какъ видно, относится весьма добросовѣстно: онъ не полагается на свои собственные въ этомъ случаѣ свѣдѣ- нія, а обращается и къ другимъ лицамъ, знавшимъ Сократа (I, 2, 31); тамъ, гдѣ онъ явно не могъ быть слушателемъ бесѣды Сократа, онъ ссылается, хотя и неопредѣленно (за исключеніемъ IV, 8, 4) на другихъ лицъ (I, 2, 30; I, 2, 40), ко- торыя, предполагается, и отвѣтственны за истинность сообщае- маго. Нѣкоторые разговоры Сократа, передаваемые Ксено- фонтомъ, носятъ на себѣ всѣ черты жизненности, правдиво- сти, наглядности, напр. разговоръ Сократа съ Критіемъ и затѣмъ—съ Критіемъ и Харикломъ (I, 2, 29—37). Всѣ черты историчности носятъ на себѣ сообщаемый разговоръ Сократа съ Θεодотою. Хотя послѣдній и можетъ имѣть, какъ мы ска- зали, апологетическое значеніе, но далеко не все въ немъ слу- жить этой цѣли. Ксенофонтъ передалъ этотъ разговоръ больше потому, что онъ весьма характеренъ, хорошо, по всей вѣро- ятности, былъ извѣстенъ въ сократовскомъ кружкѣ.

Но защищая противъ Іоэля и другихъ критиковъ истори- ческій характеръ „Меморабилій“, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что ученіе Сократа Ксенофонтъ передалъ намъ вполне вѣрно, чисто, непримѣсно, такъ что одни „Меморабиліи“ могутъ служить сами по себѣ вполне надежнымъ источни- комъ для знакомства съ ученіемъ Сократа. Ксенофонтъ *желалъ* передать ученіе своего учителя возможно болѣе вѣрно, не писалъ, какъ думаетъ Іоэль и другіе, явно фиктивныхъ со- кратическихъ разговоровъ. Но иное дѣло желаніе, а иное— осуществленіе желанія. Уже давно указываютъ и указываютъ совершенно справедливо, что Ксенофонтъ не философъ, а че- ловѣкъ здраваго практическаго смысла; самъ онъ отмѣчаетъ свое нерасположеніе къ философскимъ тонкостямъ и занятіямъ, не

приносящимъ непосредственной пользы¹⁾. Естественно поэтому ожидать, что въ философіи Сократа Ксенофонтъ обратилъ вниманіе преимущественно на практическую ея сторону, выдвинулъ въ ней то, что болѣе его интересовало, и *volens-potens* придавъ многимъ разговорамъ практическую окраску. Хотя апологетическій характеръ „Меморабилій“ ясно говоритъ въ пользу ихъ историчности, но, съ другой стороны, апологетическая цѣль, преслѣдуемая въ „Меморабиліяхъ“, побуждала Ксенофонта подбирать матеріалъ и освѣщать его извѣстнымъ образомъ; о многомъ весьма важномъ могло быть упомянуто вскользь, мимоходомъ, потому что это не имѣло прямого отношенія къ поставленной цѣли²⁾. Какъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Ксенофонтъ болѣе склоненъ обращать вниманіе на частное, отдѣльное, такъ и въ „Меморабиліяхъ“, возможно предполагать, за стороною детальною, за мелкими иногда подробностями, теряется изъ виду общее, существенное. Вчитываясь въ „Меморабиліи“, нельзя не замѣтить, что Ксенофонтъ даетъ намъ иногда меньше, чѣмъ самъ обѣщаетъ, замѣняя, напр., иной разъ фактическое опроверженіе обвиненій противъ Сократа собственными разсужденіями (I, 2, 10. 11), или дѣлая такія введенія къ разговорамъ Сократа, которыя не оправдываются вполнѣ самимъ приводимыми разговорами (III, 8, 2—7; ср. III, 8, 1). Аргументы ксенофоновскаго Сократа иногда весьма неубѣдительны (IV, 7, 7), и естественно предполагать, что сократовская аргументація здѣсь претерпѣла значительное измѣненіе и сокращеніе. Что Сократъ развивалъ въ живой бесѣдѣ, то Ксенофонтъ, въ виду большей лег-

¹⁾ De Venat. XIII, 2—4.

²⁾ Ср. Brandiss, Geschichte d. griech-rom. Philosophie, II, 1. s. 20; Ritter, Geschichte d. Philosophie, II, s. 43; Zeller, Die Philosophie d. Griechen, II, 1, s. 87. 88; Ueberweg, Grundriss, I, s. 109. 110; Grote, Histoire de la Grèce, v. XII. p. 237; Bergk, Griech. Literaturgeschichte, Bd. IV, s. 303; Bergmann, Geschichte d. Philosophie, Berlin, 1892, I, s. 52; Döring, Die Lehre d. Sokrates, s. III, IV, 78, 79, 574, 575; Krohn, Sokrates und Xenophon, s. 84 и др.

кости передачи мыслей Сократа, представилъ иногда какъ одну связную, довольно пространную рѣчь, какъ одинъ монологъ Сократа (I, 5; I, 7). Выдержки изъ авторовъ, на которыя ссылался Сократъ, Ксенофонтъ могъ расширить, распространить, какъ это, напр., видно изъ помѣщеннаго разсказа Продика „Геркулесъ на распутіи“ (II, 1, 21—33).

Недостаточность ксенофоновскаго изображенія Сократа часто доказываютъ тѣмъ, будто въ „Меморабиліяхъ“ встрѣчаются явныя противорѣчія, Сократу приписываются такіе взгляды, которые взаимно другъ друга уничтожаютъ. На этомъ пунктѣ считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться.

Уже г. Великановъ въ своемъ сочиненіи о Сократѣ¹⁾, оцѣнивая кратко во введеніи источники, на основаніи которыхъ можно познакомиться съ содержаніемъ и духомъ ученія Сократа, говоритъ, что Платона мы должны предпочесть Ксенофонту, потому что Ксенофонтъ во многомъ противорѣчитъ самому себѣ. „Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Сократъ не совѣтовалъ заниматься изученіемъ природы физической, ибо познаніе ея недостижимо для человѣка (I, 1, 11); но потомъ прибавляетъ совершенно противное этой мысли (IV, 7, 2), и сверхъ того увѣряетъ еще въ томъ, что самъ Сократъ углублялся въ причины естественныхъ явленій, желая все размѣстить по родамъ и видамъ. Можно ли вѣрить столь разнорѣчивымъ показаніямъ?... Подобное разногласіе Ксенофонта съ самимъ собою встрѣчается и въ изложеніи Сократова ученія объ умѣренности. Съ одной стороны, Сократъ довольство малымъ признаетъ чѣмъ-то божественнымъ и господство надъ нуждами почитаетъ благомъ существа разумнаго, между тѣмъ какъ съ другой—онъ предписываетъ усиливать эти нужды голодомъ, жаждою и другими лишеніями, чтобы потомъ, удовлетворяя ихъ, вкусить величайшее на-

¹⁾ Великановъ, О реформѣ, какую произвелъ Сократъ въ философіи, ея причинахъ и слѣдствіяхъ, Одесса, 1842.

слаждене, разумѣтся чувственное (I, 6, 9, ср. IV, 5, 2 и дал.; I, 3, 5. 15, ср. IV, 5, 9). Совершенно противное этому читаемъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ плодомъ умѣренности является наслаждене духовное (IV, 5, 10)^а 1).

Еще рѣшительнѣе отмѣчаетъ противорѣчія въ „Меморабиліяхъ“ профессоръ Гиляровъ въ своемъ трудѣ „Платонъ, какъ историческій свидѣтель“. „Исключительная цѣль—говорить онъ—всѣхъ вообще бесѣдъ Сократа, по Ксенофонтѣ, въ томъ, чтобы сдѣлать людей благочестивыми, скромными, практичными, другъ другу нравственно полезными. Но какъ съ немудрствующимъ благочестіемъ Сократа примирить сравненіе неразумныхъ родителей съ сумасшедшими, которыхъ законъ дозволяетъ связывать, и похоронъ родственниковъ съ обрѣзываніемъ ногтей, волосъ и мозолей? съ его благоговѣніемъ предъ закономъ и обычаемъ порицаніе установленныхъ въ Аѣинахъ выборовъ по жребію, заявленіе, что начальники и цари не тѣ, у кого жезлы, и не тѣ, которые избраны къмъ попало, а умѣющіе управлять, его совѣты свободнымъ людямъ заниматься промысломъ, который принято было возлагать на рабовъ? съ его исключительною заботливостію о добродѣтели разговоръ съ Θεодотою, которой онъ даетъ такіе совѣты, до какихъ, по ѣдкому замѣчанію Аѣишея, не додумались сами публичныя женщины? съ его узкою практичностью разсужденіе о міровомъ разумѣ и божественной природѣ души? Всѣ эти черты, при всемъ тускломъ освѣщеніи, въ которое ставитъ ихъ Ксенофонтъ, свидѣлствуютъ несомнѣнно, что Сократъ былъ болѣе, чѣмъ образецъ ходячей добродѣтели. И можно ли повѣрить, что такой проныцательный и преданный званію мыслитель, „все время занимающійся изслѣдованіемъ того, что такое каждая вещь“, какимъ Сократъ заявляетъ себя въ

^а) Великановъ, О реформѣ, стр. IX—XI.

однихъ разговорахъ у Ксенофонта, могъ проводить тѣ узкія и односторонніе до нелѣпости взгляды, съ которыми мы знакомимся изъ другихъ—будто геометрію слѣдуетъ изучать лишь настолько, чтобы умѣть, въ случаѣ надобности, правильно измѣрить землю, когда приходится принять или передать другому или раздѣлить участокъ земли, и намѣтить работу, астрономію настолько, чтобы быть въ состояніи при путешествіи, мореходствѣ и сторожбѣ различать времена ночи, мѣсяца и года, счисленіе точно также ради пользы, а не изъ безцѣльнаго усердія, и что легче всего научиться геометріи у землемѣровъ, астрономіи у охотниковъ, да кормчихъ,—въ особенности, если онъ, какъ заявляетъ самъ Ксенофонтъ, не былъ не свѣдуещъ въ этихъ наукахъ и даже ихъ разсматривалъ и разслѣдовалъ со своими слушателями. Правдоподобно ли точно также, что Сократъ, начитанный (по свидѣтельству самого Ксенофонта) въ твореніяхъ греческихъ мудрецовъ, хорошо знакомый со всякими космогоніями и умѣвшій разсуждать о разумѣ во вселенной и божественной природѣ души, могъ доказывать бессмысленную гордыню „механики“ Анаксагора такими поверхностными доводами, какіе приводитъ Ксенофонтъ противъ отождествленія солнца съ огнемъ,—что „на огонь люди легко смотрятъ, на солнце же не могутъ смотрѣть,—что, палимые солнцемъ, они получаютъ болѣе темный цвѣтъ, отъ огня же этого не бываетъ; что безъ солнечныхъ лучей ни одно изъ произведеній земли не можетъ хорошо расти, напротивъ, отъ нагрѣванія огнемъ всѣ они погибаютъ“ и проч. Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ безспорно есть правда, только далеко не все правда. Несобразности можно найти у всякаго философа, но такія, которыя уничтожаютъ самый характеръ міровоззрѣнія, свойственны лишь поверхностному уму, какимъ Сократъ, по своему историческому положенію, не могъ быть... У Ксенофонта одинъ и тотъ же Сократъ все время проводитъ въ изслѣдо-

ваніи того, что такое каждая вещь, и отрицаетъ необходимость знанія всѣхъ вещей; ставитъ мѣрою всего хорошаго знаніе и подчиняетъ знаніе мелкой пользѣ; проявляетъ въ основныхъ вопросахъ необыкновенную проницательность и чрезмѣрное легкомысліе¹⁾.

Изъ западныхъ критиковъ послѣдняго времени, признающихъ историческій характеръ „Меморабилій“, особенно любитъ отмѣчать противорѣчія въ ксенофоновскомъ изображеніи Сократа профессоръ Клеттъ. Рѣшительно отвергая теорію позднѣйшихъ наслоевъ, интерполяцій въ „Меморабиліяхъ“²⁾, онъ ставитъ на мѣсто этой теоріи свою, можно сказать, теорію противорѣчій, повсюду встрѣчающихся въ разсматриваемомъ сочиненіи. Противорѣчія, впрочемъ, указываемыя Клеттомъ въ „Меморабиліяхъ“, носятъ, какъ и естественно ожидать, при ихъ многочисленности, слишкомъ частный характеръ. Такъ, Клеттъ говоритъ, что въ I, 1, 10. 11. Ксенофонтъ указываетъ на публичность дѣятельности Сократа и этою чертою его дѣятельности пользуется, при опроверженіи противниковъ, а въ I, 1, 17 онъ забываетъ, что раньше говорилось о фактахъ общеизвѣстныхъ изъ жизни Сократа и продолжаетъ: „впрочемъ, нисколько не удивительно, если судьи были превратнаго мнѣнія о Сократѣ по такимъ вопросамъ, относительно которыхъ не извѣстны были убѣжденія Сократа“³⁾. Или, въ I, 2, 18 сообщается, что Критій и Алкивиадъ, пока находились съ Сократомъ, „были здравыхъ мыслей, и при томъ не потому, чтобы боялись взысканій Сократа или его ударовъ, но потому, что такой образъ дѣйствій считали тогда наилучшимъ“; въ другомъ же мѣстѣ говорится, что Критій и въ присутствіи Сократа *φάυλα ἔπραττε* (I, 2, 29), что Критій и Алкивиадъ „все время обращались съ Сократомъ не потому, что любили Сократа (*ἀρέσχοντος*;

¹⁾ А. Н. Галляровъ, Платонъ, какъ историческій свидѣтель, стр. 99 — 101.

²⁾ Klett, s. 7.

³⁾ Ibid. s. 9, 10.

αυτοῖς Σωκράτους), но по той причинѣ, что съ самаго начала хотѣли первенствовать въ государствѣ" (I, 2, 39). Изъ болѣе важныхъ противорѣчій, находимыхъ Клеттомъ въ „Меморабиліяхъ“, можно отмѣтить слѣдующія: ксенофоновскій Сократъ отрицаетъ натурфилософію (I, 1, 16 и дал.) и въ то же время самъ занимается ею (I, 4, 8 и дал.)¹⁾; ксенофоновскій Сократъ не есть учитель добродѣтели (I, 2, 3), и однако же онъ называется учителемъ добродѣтели,—иногда не прямо, иногда—прямо, особенно въ четвертой книгѣ „Меморабилій“, гдѣ идетъ рѣчь именно о его учительской дѣятельности²⁾.

Всѣ три названные изслѣдователи согласно, какъ видно, указываютъ, что ксенофоновскій Сократъ проводитъ противорѣчивый взглядъ на знаніе; причемъ, профессоръ Гиляровъ имѣетъ преимущественно въ виду знаніе вообще, а остальные два критика—знаніе натурфилософское³⁾. Что воззрѣнія Сократа на геометрію и астрономію и способы ихъ изученія, какъ они излагаются въ IV, 7, 3 и дал., узки, односторонни, этого, конечно, нельзя отрицать; равнѣе мы отмѣтили также, что аргументы, которыми Сократъ въ „Меморабиліяхъ“ показываетъ несостоятельность ученія Анаксагора, не могутъ быть признаны убѣдительными. Но иное дѣло узкость, односторонность, неубѣдительность, а иное—противорѣчивость, тѣмъ болѣе—противорѣчивость, въ корнѣ подрывающая философское міровоззрѣніе. Мы желали бы, чтобы было указано хотя одно мѣсто „Меморабилій“, гдѣ бы Сократъ высоко цѣ-

¹⁾ Ibid. s. 24.

²⁾ Ibid. s. 9. 16 41. ff.

³⁾ Что воззрѣнія ксенофоновскаго Сократа на натурфилософію не согласуются съ его взглядомъ на знаніе, это раньше отмѣчали Шлейермахеръ (Ueber den Werth d. Sokrates, s. 305 - 307), Руммеръ (Geschichte d. Philosophie, II, s. 47. 48), Брандисъ (Geschichte d. griech. röm. Philosophie, II, 1. s. 34 ff.), Крише (Forschungen auf dem Gebiete der alten Philosophie, Göttingen, 1840, s. 105 ff.), Сисеръ (Ueber Aristophanes Wolken, Berlin, 1826, s. 11).

вилъ знаніе, какъ знаніе, т. е. знаніе, взятое само по себѣ, независимо отъ его результатовъ, говорилъ о необходимости знанія всѣхъ вещей. Такое мѣсто едвали можно здѣсь отыскать: вездѣ Ксенофоновскій Сократъ смотритъ на знаніе, какъ на силу практическую, дѣятельную, воспитательную; вездѣ знаніе и жизнь, теорія и практика поставляются имъ въ тѣснѣйшую связь, или, точнѣе говоря, вездѣ Сократъ въ „Меморабіліяхъ“ говоритъ о пользѣ знанія. Съ этой точки зрѣнія Ксенофонтъ разъясняетъ намъ, почему Сократъ не совѣтовалъ заниматься изслѣдованіемъ натурфилософскихъ вопросовъ: подобное занятіе не имѣетъ пракческаго значенія и примѣненія къ жизни. Тутъ же Ксенофонтъ говоритъ, что рѣшеніе натурфилософскихъ вопросовъ Сократъ считалъ недостижимымъ для человѣка, превосходящимъ предѣлы его ума, что ясно подтверждается тѣми противорѣчіями, въ какія запутались предшествоващіе философы, занимавшіеся рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ; боги положили не открывать, какъ произошелъ космосъ, по какимъ законамъ существуетъ каждое небесное явленіе (I, 1, 11—16; IV, 7, 6). Высоко, значитъ, цѣня знаніе, какъ силу дѣятельную, преобразующую жизнь, Сократъ, по Ксенофону, не цѣнилъ того знанія, которое не только не имѣетъ, по его мнѣнію, приложенія къ жизни, но вовсе не можетъ претендовать и на права знанія. Въ чемъ же тутъ противорѣчіе? Гдѣ разрушеніе Сократомъ собственнаго міровоззрѣнія? Что Сократъ самъ занимался натурфилософскими вопросами, этого въ „Меморабіліяхъ“ нигдѣ не говорится. Сообщается только, что, изучивши основательно геометрію и астрономію, онъ склонился, однако, къ тому взгляду, что и самъ разслѣдовалъ и съ своими учениками рассматривалъ *πάντα μέρη τοῦ ὀφθαλμοῦ* (IV, 7, 8; ср. IV, 7, 3. 5). Въ Мемораб. IV, 6, 1 читаемъ: „Сократъ думалъ, что знающіе, что такое каждая вещь, могутъ и другимъ объяснить, а незнающіе, говорилъ, неудивительно, что и сами сбиваются и другихъ сбиваютъ. Поэтому онъ постоянно рассматривалъ съ собесѣдни-

вами, что такое каждая вещь (τί ἕκαστον εἴη τῶν ὄντων)^α. Какъ видно изъ дальнѣйшаго, гдѣ рѣчь идетъ объ опредѣленіи понятій, вся сила въ выраженіи τί ἕκαστον εἴη τῶν ὄντων по- коится не на словахъ ἕκαστον τῶν ὄντων, а на словѣ τι, т. е, Сократъ прежде всего стремился къ установленію правильнаго понятія о предметѣ, выдѣленію существеннаго въ предметѣ отъ случайнаго. И подѣ словомъ ὄντων, судя по примѣрамъ сократовскихъ опредѣленій, которые приводятся въ IV, 6 (опредѣленіе благочестія, справедливости, мудрости, блага, красоты, мужества, царства и т. п.), разумѣется не вся широкая область бытія вообще, а разнообразная область жизни человѣческой, нравственной дѣятельности (ср. I, 1, 16). Разсужденія, которыя мы находимъ въ I, 4, 4 и дал. и въ IV, 3, 3 и дал., не могутъ быть названы разсужденіями натурфилософскими. Главная цѣль ихъ чисто моральная; здѣсь Сократъ пользуется самыми обыкновенными, общеизвѣстными наблюденіями надъ природою вообще и природою чловѣка въ особенности, чтобы привести своихъ собесѣдниковъ къ убѣжденію въ необходимости благочестія, почитанія того высочайшаго Существа, которое все устроило для пользы чловѣка. О натурфилософскихъ теоріяхъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ рѣчи.

Г. Гиляровъ утверждаетъ, что нѣкоторыя черты ксенофоновскаго Сократа, даже въ томъ тусклomъ освѣщеніи, въ какомъ онѣ ставятся въ „Меморабиліяхъ“, не мирятся съ общимъ взглядомъ Ксенофонта на Сократа, какъ чловѣка немудрствующаго благочестія, образецъ ходячей добродѣтели. Прежде чѣмъ разбирать это положеніе, считаемъ необходимымъ сдѣлать поправки въ пониманіи г. Гиляровымъ нѣкоторыхъ, относящихся сюда, мѣстъ „Меморабилій“.

Профессоръ Гиляровъ говоритъ, что Сократъ, какъ видно изъ „Меморабилій“, сравнивалъ „неразумныхъ родителей съ сумасшедшими, которыхъ законъ дозволяетъ связывать“^α. Но такая странная мысль нигдѣ въ „Меморабиліяхъ“ не влагается въ уста Сократа. По свидѣтельству Ксенофонта, обви-

нитель (т. е. Полиратъ) утверждалъ, что Сократъ училъ оскорблять родителей, такъ какъ, съ одной стороны, внушалъ собесѣдникамъ убѣжденіе, что дѣлаетъ ихъ умнѣе своихъ отцевъ, съ другой стороны, опираясь на томъ, что, по закону, если человѣкъ найдетъ своего отца безумнымъ, дозволяется его связать, онъ говорилъ, перетолковывая этотъ законъ, что вполне справедливо, чтобы вообще тотъ, кто невѣжественнѣе, былъ связанъ тѣмъ, кто умнѣе¹⁾. Это обвиненіе Ксенофонтъ опровергаетъ такимъ образомъ. Сократъ ясно различалъ безуміе (*μανία*) отъ незнанія или невѣжества (*ἀμαθία*): людей безумныхъ, говорилъ онъ, полезно связывать, какъ въ видахъ ихъ собственной пользы, такъ и пользы ихъ друзей; людей же незнающихъ нужно не связывать, а отсылать ихъ для наученія къ людямъ знающимъ. Если признать, что тотъ, кто невѣжественнѣе, можетъ быть связанъ тѣмъ, кто умнѣе, то нужно придти, рассуждалъ Сократъ, къ такому заключенію: человѣка, связывающаго другихъ за невѣдѣніе, слѣдуетъ самого связать тѣмъ лицамъ, которыя знаютъ нѣчто ему неизвѣстное, а эти послѣднія опять могутъ быть связаны другими людьми, возвышающимися надъ ними своимъ знаніемъ и т. д.,—что явно несообразно²⁾.

Сократъ, говорятъ далѣе, сравнивалъ похороны „родственниковъ съ обрѣзываніемъ ногтей, волосъ и мозолей“. Подобная мысль въ „Меморабіяхъ“ находится, но она вовсе не выражена въ такой рѣзкой формѣ, и, кромѣ того, опускаются изъ вниманія тѣ ближайшія разъясненія, которыми, далеко не въ тускломъ свѣтѣ, она обставлена. Сократъ училъ,

¹⁾ Memorab. I, 2, 49: Ἀλλὰ Σωκράτης γ', ἔφη ὁ κατήγορος, τοὺς πατέρας προηλακίζειν ἐδίδασκε, κεῖθων μὲν τοὺς συνόντας αὐτῷ σοφώτερος ποιεῖν τῶν πατέρων, φάσκων δὲ κατὰ νόμον ἐξεῖναι παρνοίας ἐλόντι καὶ τὸν πατέρα δεῖσαι, τεκμηρίω τούτῳ χρώμενος, ὡς τὸν ἀμαθέστερον ὑπὸ τοῦ σοφώτερου νόμιμον εἶη δεδέσθαι.

²⁾ Memorab. I, 2, 50.

что нельзя требовать уваженія со стороны родственниковъ на правахъ исключительно своего родства. На родственныя отношенія нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто, всецѣло опирающееся на простое физическомъ или тѣлесномъ единствѣ. Физическое, тѣлесное постольку имѣетъ цѣну, поскольку оно оживляется и одухотворяется душою, которая есть носительница разума, принципъ всякой цѣлесообразности. Этотъ взглядъ на тѣло люди сами проводятъ, хотя и безсознательно, когда, по выходѣ души изъ тѣла, сибшатъ, какъ можно скорѣе, удалить съ глазъ тѣло самаго близкаго человѣка, или когда, при всей любви къ себѣ, отнимаютъ отъ своего тѣла все негодное, бесполезное, каковы ногти, мозоли. Подобными примѣрами, говоритъ Ксенофонтъ, Сократъ пользовался не для того, чтобы училъ зарывать живымъ отца, ставшаго безсильнымъ, или совѣтовалъ уродовать себя отнятіемъ членовъ, сдѣлавшихся негодными: онъ приводитъ эти примѣры, чтобы наглядно показать, что душа, разумъ—вотъ что въ человѣкѣ составляетъ предметъ почтенія, неразумное же не имѣетъ цѣны (*ἄφρον ἄτιμόν ἐστὶ*). Этимъ самымъ, не разрушая родственныхъ отношеній, онъ показывалъ, что желающій пользоваться уваженіемъ со стороны отца, брата, или кого бы то ни было, не долженъ полагаться исключительно на свое родство, или физическое единство съ ними, а ему необходимо стремиться быть полезнымъ тому, отъ кого онъ ожидаетъ уваженія, необходимо развивать и усовершенствовать въ себѣ то, что является основою всякой цѣлесообразности, т. е. душу, разумъ¹⁾.

Нельзя затѣмъ довѣрять тому освѣщенію, какое даетъ Атеней разговору Сократа съ Θεодотою. Въ разговорѣ этомъ нѣтъ ничего явно циническаго, особенно, если стоять на точкѣ зрѣнія грековъ. За вольностями, которыя Сократъ допускаетъ въ бесѣдѣ съ Θεодотою, скрывается часто глубокий смыслъ, оставшійся непонятнымъ для аѳинской гетеры,

¹⁾ Memorab I, 2, 53—54.

принимающей слова Сократа за чистую монету. „Есть, говорить Сократъ Θεοδοτῆς, у меня также подруги, которыя не позволяютъ мнѣ отлучиться отъ нихъ ни днемъ, ни ночью, потому что учага у меня разнымъ любовнымъ вещамъ (φίλτρα) и заговорамъ (ἐπιφθάξς)“. Какой смыслъ имѣютъ эти слова, разъясняется дальше: „почему, въ самомъ дѣлѣ, говорить Сократъ Θεοδοτῆς, ты думаешь, меня никогда не покидаютъ этотъ Аполлоторъ и Антисеенъ? Почему приходятъ ко мнѣ изъ Θивъ Кевисъ и Симміасъ? Знай, что все это не обходится безъ любовныхъ чаръ, заговоровъ и вертошеекъ (ἰόγγων)“¹⁾. Слова эти остаются для Θεοδοты непонятными: она думаетъ, что Сократъ говорить объ обыкновенной любви.

Всѣ разсмотрѣнныя черты сократовскаго ученія, возстановленныя въ ихъ истинномъ свѣтѣ, а равно другія мысли ксенофоновскаго Сократа, приводимыя профессоромъ Гиляровымъ, вовсе не стоятъ въ дисгармоніи съ общимъ образомъ Сократа, начертываемымъ въ „Меморabiliaхъ“. Ксенофоновскій Сократъ не есть благочестивый, нѣмудрствующій Сократъ, а, напротивъ, онъ всегда разсуждаетъ, что благочестиво и что неблагочестиво, въ чемъ состоитъ справедливое и въ чемъ несправедливое, что такое государство, государственный дѣятель и т. п.²⁾ Странно было бы думать, что ксенофоновскій Сократъ раздѣляетъ всѣ взгляды, возрѣвнiя и понятія народныя. Сократъ—человѣкъ глубоко-религіозный, но это не исключаетъ того, что народныя религіозныя понятія онъ желалъ исправить, очистить, придать имъ болѣе вѣрный смыслъ. Припомнимъ его совѣты, въ какихъ случаяхъ нужно обращаться къ мантикѣ (I, 1, 9), его взглядъ на жертвы (I, 3, 3), его разсужденія о божественномъ Разумѣ (I, 4, 5 и дал.), про-

¹⁾ Мемораб. III, 11, 16. 17.—Птица τούξ (лат. torquilla) употреблялась при ворожбѣ, какъ средство для привлеченiя лицъ, изменившихъ въ любви; при ворожбѣ ее привязывали къ колесу и вертѣли.

²⁾ Мемораб. I, 1, 16.

ведение имъ различія между „прочими богами“ и „устроителемъ и властителемъ всей вселенной“ (IV, 3, 13). Сократъ, по Ксенофонтѣ, былъ прекрасный гражданинъ, всегда послушный законамъ, но это не значить, что онъ всѣмъ былъ доволенъ въ государственномъ устройствѣ Аѳенъ. Что „цари и правители не тѣ, которые имѣютъ скипетръ, избраны случайно по жребію, достигли власти насиліемъ или обманомъ, а тѣ, которые умѣютъ править“ (III, 9, 10), эта мысль во все не звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ въ устахъ ксенофоновскаго Сократа: она прямо вытекаетъ изъ его ученія о добродѣтели, какъ знанія, какое ученіе ясно приписывается Ксенофонтомъ „неумудряющему“ Сократу. Мысль эта въ нѣсколько иной формѣ встрѣчается довольно часто и въ другихъ мѣстахъ „Меморабилій“¹⁾. Сократъ вообще пользовался всякимъ случаемъ, чтобы людей способныхъ привлечь къ государственной дѣятельности, а людей неспособныхъ отклонить (III, 6 и III, 7). Онъ часто ставилъ на видъ, что происходитъ великій вредъ, если, на примѣръ, полководецъ берется за воинское дѣло, не зная его (III, 5, 21), если „нѣкоторые, желающіе быть сильными въ словѣ и въ политической дѣятельности, думаютъ, что они сдѣлаются способными къ этому тотчасъ сами собою (αὐτόματοι), безъ подготовки и упражненій (IV, 2, 6)“.

Частныя, мелкія противорѣчія, указываемыя Клеттомъ въ „Меморабиліяхъ“, дѣйствительно здѣсь находятся, но ихъ нужно вѣрнѣе назвать не противорѣчіями, а простыми неточностями выраженія. Такъ, когда Ксенофонтъ, указавши на публичность ученія Сократа и разъяснивши ближе ее на частныхъ вопросахъ, рѣшеніемъ которыхъ занимался Сократъ, неожиданно для насъ продолжаетъ: „впрочемъ, нисколько не удивительно, если судьи были превратнаго мнѣнія о Сократѣ по такимъ вопросамъ, относительно которыхъ были не извѣ-

¹⁾ Ibid. III, 5, 21; III, 1, 4; III, 4, 6, IV, 2, 2.

стны убѣжденія Сократа"; то, очевидно, онъ желаетъ здѣсь сказать, что ученіе Сократа, и при его публичности, могло быть многими не понято, какъ и всякое вообще ученіе, а многими, не имѣвшимъ общенія съ Сократомъ, могло быть и совершенно не извѣстно. Въ противоположность этому далѣе слѣдуетъ ссыла на *фактъ*, который *всѣмъ* былъ извѣстенъ и который нельзя было не понять, или какъ нибудь перетолковывать.—О Критіѣ и Алкивіадѣ Ксенофонтъ говоритъ, что они, пока находились съ Сократомъ, были здраваго образа мыслей, и при томъ не изъ страха предъ Сократомъ, а потому, что здравомысліе считали лучшимъ путемъ жизни. Однако, ближе опредѣляя это здравомысліе, Ксенофонтъ говоритъ, что оно носило внѣшній характеръ, не стало внутреннею преобразующею стихіею жизни Критія и Алкивіада; послѣдніе, по его словамъ, только сдерживали, благодаря вліянію на нихъ Сократа, свои дурныя влеченія (I, 2, 24). Прежняя ихъ натура,—натура буйная, себялюбивая, честолюбивая (I, 2, 25. 26), всегда готова была прорваться наружу, даже въ присутствіи Сократа, что и обнаружилось на Критіѣ (I, 2, 2 и дал.). Вліяніе Сократа на Критія и Алкивіада, пока они находились съ нимъ, было несомнѣнно благотворнымъ; но любви къ Сократу эти люди никогда не чувствовали, истиннаго общенія съ нимъ не искали, а всегда въ нихъ дѣйствовали своекорыстные мотивы, первоначально побудившіе ихъ обратиться къ Сократу.—Въ отношеніи къ Критію и Алкивіаду, какъ и въ отношеніи къ другимъ, Сократъ не выдавалъ себя учителемъ добродѣтели (I, 2, 3). Этимъ не исключается, что онъ являлся высокимъ изслѣдователемъ добродѣтели (I, 2, 18), могъ убѣждать согражданъ въ полезномъ (I, 2, 10), могъ не только побуждать къ добродѣтели, но и привести къ ней (I, 4, 1), былъ прекраснымъ воспитателемъ юношества (IV, 1 и др.) Слова: „не былъ учителемъ добродѣтели“ имѣютъ въ „Меморабіліяхъ“, въ своемъ родѣ, техничскій смыслъ: дѣятельность Сократа противопоставляется дѣятельности софистовъ, какъ платныхъ учителей, сообщавшихъ готовое знаніе, обучавшихъ

по опредѣленной программѣ,—какимъ учителемъ Сократъ никогда себя не считалъ (I, 2, 5—8). Наконецъ, нигдѣ ксенофоновскій Сократъ не выступаетъ защитникомъ чувственныхъ наслажденій, ибо воздержаніе или умѣренность является, по нему, величайшимъ благомъ, создающимъ истинную свободу, независимость духа (IV, 5, 3 и дал.). Въ Метод. IV, 5, 9 Сократъ доказываетъ преимущество воздержанія предъ невоздержаніемъ тѣмъ, что послѣднее, имѣя въ виду полученіе возможно большаго удовольствія, на самомъ дѣлѣ не приводитъ къ достиженію этой цѣли, воздержаніе же необходимо влечетъ за собою здоровое, нормальное, вполне цѣлесообразное удовольствіе.

Такимъ образомъ, признавая недостаточность ксенофоновскаго изображенія Сократа, мы не можемъ согласиться съ тѣми критиками, которые усматриваютъ въ „Меморабіліяхъ“ явныя противорѣчія; тѣмъ болѣе не видимъ здѣсь такихъ противорѣчій, которыя бы въ конецъ разрушали образъ ксенофоновскаго Сократа.

Выскажемъ теперь, въ заключеніе, въ формѣ краткихъ тезисовъ свой взглядъ на другіе источники къ изученію философіи Сократа ¹⁾.

Нельзя, по нашему мнѣнію, игнорировать показанія Аристотеля о Сократѣ ²⁾, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые защитники Ксенофонта на томъ основаніи, будто свидѣтельства Аристотеля стоятъ въ полномъ противорѣчій съ показаніями „Мемо-

¹⁾ Отступаемъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, отъ первоначальнаго своего плана сдѣлать обстоятельную оцѣнку свидѣтельствъ Платона и Аристотеля о Сократѣ.

²⁾ Важнѣйшія изъ этихъ свидѣтельствъ находятся въ слѣдующихъ сочиненіяхъ Аристотеля:

а) *Method.* I, 6. 987, b. 1; XIII, 4. 1078, b. 17; XIII, 9. 1086, b. 3.

б) *Eth. Nicom.* III, 7. 1113, b. 14; III, 11. 1116. b. 3; VI, 13. 1144, b. 17; VI, 3. 1145, b. 23.

рабилій“¹⁾. На самомъ дѣлѣ противорѣчіе между Аристотелемъ и Ксенофонтомъ оказывается призрачнымъ, измышленнымъ, если только свидѣтельства Аристотеля о Сократѣ будутъ поняты правильно. А правильное пониманіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы отличать въ нихъ *передачу*, или изложеніе ученія Сократа отъ *выводовъ*, какіе дѣлаются изъ послѣдняго. Можно бы представить довольно примѣровъ такихъ „аристотелевскихъ выводовъ“, но ограничимся здѣсь только однимъ, наиболее яснымъ. Въ Magn. Mor. I, 1. 1182, а, 15 говорится, что Сократъ „считалъ добродѣтели знаніями (τὰς ἀρετὰς ἐπιστήμας ἐποίει)“, но съ этимъ—продолжается— „не возможно согласиться. Ибо всѣ знанія принадлежатъ къ области логическаго (ἐπιστήμαι πᾶσαι μετὰ λόγου), логическое же имѣетъ мѣсто въ разумной части души; слѣдовательно, всѣ добродѣтели, по Сократу, образуются въ разумной части души. Такимъ образомъ, Сократу, считающему добродѣтели знаніями, приходится (συμβάίνει) устранить алогическую часть души, а вмѣстѣ съ нею—пожеланіе и нравственный характеръ (παῖδος καὶ ἤθους). Значитъ Сократъ въ данномъ случаѣ невѣрно понималъ существо добродѣтели. Впослѣдствіи Платонъ раздѣлилъ совершенно правильно душу на двѣ части: разумную и неразумную и каждой изъ нихъ приписалъ соотвѣтствующую добродѣтель“. Весь ходъ рѣчи въ рассматриваемомъ мѣстѣ и

с) Magn. Mor. I, 1. 1182, а, 15; I, 1. 1183, б, 8; I, 9. 1187, а, 7; I, 20. 1190, б, 28; I, 35. 1198, а, 10; II, 6. 1200, б, 25.

д) Eth. Eudem. I, 5. 1216, б, 2; III, 1. 1229, а, 14; III, 1. 1230, а, 7; VIII, 13. 1246, б, 33.

е) Polit. I, 13. 1260, а, 22.

ф) Rhetor. II, 20. 1393, б, 3.

г) De part. anim. I, 1. 642, а, 28.

б) De Soph. elench. 34. 183, б, 7.

¹⁾ Главнымъ защитникомъ этого взгляда является А. Кронъ (Socrates und Xenophon, с. 151—179). Къ мнѣнію Крона иногда примыкаетъ Вильдауеръ (Die Psychologie d. Willens bei Sokrates, 1877, с. 97; ср. 69 ff. 91. 98).

особенно слова *συμβαίνει αὐτῷ*¹⁾ ясно показывают, что отрицание Сократомъ ирраціональной части души—это уже собственный выводъ Аристотеля изъ ученія Сократа о добродѣтели, какъ знаніи²⁾. Насколько правиленъ, законенъ этотъ выводъ, въ данномъ случаѣ не важно, а имѣетъ для насъ значеніе то, что, при усматриваніи въ приведенномъ мѣстѣ этого вывода, исчезаетъ разногласіе между Аристотелемъ и Ксенофонтомъ, который ясно ставитъ на видъ ученіе Сократа о вліяніи страсти, неразумныхъ, патологическихъ влеченій.

Съ другой стороны, нельзя и слишкомъ высоко ставить свидѣтельства Аристотеля о Сократѣ³⁾, ибо они кратки, отрывочны; въ нихъ, какъ видно изъ только что сказаннаго, ученіе Сократа освѣщается съ точки зрѣнія аристотелевской философіи, и иногда прямо укладывается въ рамки этой философіи. Главное же, это—свидѣтельства не самостоятельныя, а взятая изъ другихъ источниковъ. Вопросъ весьма спорный,

¹⁾ Слова *συμβαίνει αὐτῷ* *Наторнъ* переводитъ правильно: *ergibt sich ihm* (т. е. Аристотелю) *die Consequenz* (*Philosoph. Monatshefte*, Bd. XXX, H. 7. 8, s. 360).

²⁾ В. Семъ-Илеръ въ объясненіе приведеннаго мѣста „Великой этики“ справедливо говоритъ: „*Sokrate, en ne reconnaissant que les vertus de l'intelligence, supprime, au point de vue d'Aristote, toutes les vertus morales*“ (*Morale d'Aristote*, Paris, 1856, v. III, p. 4).—Ср. также *Magn. Mor.* I, 9. 1187, а, 7, гдѣ слова *ὥστε δῆλον ὅτι οὐδὲ σπουδαῖοι* суть также выводъ Аристотеля изъ ученія Сократа (*Brandiss*, *Handbuch der griech. röm. Philosophie*, Bd II, s. 38. 39; *Zeller*, *Die Philosophie d. Griechen*, 2, 1, s. 119). Иначе толкуетъ эти слова *Гоэль* (*Der echte und d. Xenoph. Sokrates*, s. 227 ff.). См. также *Eth. Nic.* VI, 13 1144, b, 2: *Σωκράτης μὲν οὖν λόγους τὰς ἀρετὰς φερεῖ εἶναι—ἐπιστήμας γὰρ εἶναι πάσας*; выводъ Аристотеля ясенъ.

³⁾ Безусловно доверяютъ свидѣтельствамъ Аристотеля и Сократа *Б. Гоэль* (*Der echte*, s. 64 ff. 203 ff.), *Стеффенсъ* (*Zeitschrift f. Philosophie*, Bd. 68, s. 13—18). Ограничиваютъ значеніе этихъ свидѣтельствъ *Брандисъ* (*Handbuch*, II, 1, s. 18—23; *Rein. Museum*, I, 126 ff.), *Риттеръ* (*Geschichte d. Philosophie*, Bd. II, s. 43—45), *Целлеръ* (*Die Philosophie d. Griechen*, 2, 1, s. 119 ff.), изъ нашихъ исследователей—проф. *Гилларозъ* (*Платонъ, какъ истор. свидѣтель*, стран 124)

откуда именно Аристотель заимствовал свои показанія о Сократѣ. Наиболѣе основательнымъ нужно признать взглядъ, котораго, между прочимъ, держится большинство изслѣдователей, что главнымъ источникомъ для Аристотеля были въ этомъ случаѣ произведенія Платона¹⁾, такъ какъ можно провести часто очень строгую параллель между показаніями Аристотеля о Сократѣ и мѣстами нѣкоторыхъ сочиненій Платона, особенно его діалога „Протагоръ“²⁾

Опираясь преимущественно на „Меморабіліяхъ“ Ксенофонта и свидѣтельствахъ о Сократѣ Аристотеля, можно съ значительною вѣроятностію рѣшить старый и въ тоже время всегда новый вопросъ, какъ выдѣлить въ сочиненіяхъ Платона принадлежащее Сократу отъ составляющаго собственность самого Платона. Результатъ здѣсь тотъ, что всё такъ называемые сократическіе діалоги: „Критонъ“, „Апология Сократа“, „Лахесъ“, „Хармидъ“, „Евтифронъ“, „Евтидемъ“, „Иппіасъ Меньшій“—имѣютъ право на это названіе, т. е. въ нихъ дѣйствительно имѣется въ виду сократовское ученіе. Къ этимъ сочиненіямъ необходимо отнести и діалогъ „Протагоръ“, изъ котораго Аристотель преимущественно заимствовалъ свои показанія о Сократѣ. Сочиненія Платона „Критонъ“ и „Апология Сократа“ носятъ въ самихъ себѣ,—въ своемъ основномъ сюжетѣ и цѣли ручательство, что они произведенія сократическія³⁾. Нельзя при изложеніи философіи Сократа пользоваться „Федономъ“,

¹⁾ *Usberweg*, Untersuchungen über Echtheit und Zeitfolge Platon. Schriften, Wien, 1861, v. 173, *Natorp*, Über Sokrates (in Philosoph. Monatshefte, Bd. XXX, H. 7. 8. s. 347, 361 ff.); *Döring*, Die Lehre d. Sokrates, s. 556 ff.

²⁾ Ethik Nicom. VII, 3. 1145 b, 23 и Protag. 352 ff. Ethik Nicom. III, 11. 1116; b, 3 и Protag. 349. Eth. Eud. III, 1. 1230, a, 7 и Protag. 350 A.

³⁾ Историческій характеръ „Апология Сократа“ защищают *Шлейермахеръ* (Platon's Werke, Berlin, 1818, Bd. II, 1 h. 1. s. 184 ff.), *Штейнмартъ* (Platon's Werke, Bd. II, s. 235 ff.), *Целлеръ* (Geschichte d. Philosophie d. Griechen, II, 1, s. 163), *Гротъ* (Histoire de la Grèce, v. XII, p. 244—245, Note) и др.; отрицаютъ—*Георгій*, *Деринъ* (Die Lehre, s. 53. 544—546), *Гоэль* (Der echte, s. 476, ср. 255 Anmerk.), отчасти *Наморъ* (Philosoph, Monatshefte, Bd. XXX, H. 7, 8, s. 346, 349).

„Горгіасомъ“, „Меновомъ“¹⁾), такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ ученіями, принадлежность которыхъ Сократу не подтверждается ни Ксенофонтомъ, ни Аристотелемъ, ни несомнѣнно сократическими произведеніями Платона—„Критономъ“ и „Апологію Сократа“²⁾). Возраженіе Деринга³⁾ и другихъ критиковъ, что такъ какъ Аристотель заимствовалъ свои показанія о Сократѣ главнымъ образомъ изъ Платона, то его Сократъ не настоящій, а платоновскій, и потому, при выдѣленіи въ сочиненіяхъ Платона ученія сократовскаго отъ платоновскаго, нужно положить въ основу исключительно „Меморабиліи“ Ксенофонта,—это возраженіе не имѣетъ силы, ибо Аристотель стоялъ близко къ сократовской традиціи, и, опираясь на послѣднюю, и, быть можетъ, пользуясь и устными сообщеніями Платона, онъ могъ, конечно, совершенно вѣрно опредѣлить, въ какихъ діалогахъ Платона имѣется въ виду ученіе Сократа.

Сообщенія Аристотеля о Сократѣ, какъ опирающіяся на свидѣтельствахъ Платона, относятся къ послѣднимъ такъ, какъ копія—къ своему оригиналу, взятое отъ другихъ—къ первоисточнику. Что касается „Меморабилій“ Ксенофонта, то, при сравненіи ихъ съ сократическими діалогами Платона, нужно сказать, что въ нихъ дается часто только какъ бы канва сократовской философіи, начертывается въ своемъ родѣ сократическая схема, и эту сократическую схему Платонъ расширяетъ, углубляетъ, проясняетъ и дополняетъ. Платонъ, по нашему мнѣнію, главный свидѣтель о Сократѣ, а Ксенофонтъ и Аристотель—свидѣтели второстепенные. Вѣрно, что Платонъ идеализируетъ своего учителя. Но, вѣдь, не свободны отъ односторонности и другіе свидѣтели: Ксенофонтъ обращаетъ вни-

¹⁾ Противъ Грога, Фулье, проф. Гилрова и другихъ.

²⁾ Мы имѣемъ здѣсь въ виду собственно ученіе Сократа; біографическія свѣдѣнія о Сократѣ, характеристика его личности находятся въ различныхъ сочиненіяхъ Платона.

³⁾ Döring, Die Lehre, s. 553 ff; ср. 57, 58.

маніе преимущественно на практическую сторону ученія Сократа, Аристотель укладываетъ часто ученіе Сократа въ рамки собственной философіи. Такой характеръ источниковъ говоритъ только, что при изученіи философіи Сократа необходимо пользоваться всѣми тремя свидѣтелями, взаимно ихъ провѣряя и соглашая. И при подобномъ, впрочемъ, обращеніи съ источниками, мы, въ силу самаго ихъ характера, никогда не можемъ возстановить ученіе Сократа въ совершенно чистомъ видѣ.

ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ.

Софистами мы начинаемъ новый (второй) періодъ исторіи греческой философіи ¹⁾, потому что софисты обратились отъ изученія природы, занимавшаго предшествующихъ философовъ, къ изученію человѣка,—его познанія и воли, и слѣдовательно провели новый философскій принципъ—принципъ субъективности, хотя, правда, поняли послѣдній, какъ увидимъ, слишкомъ односторонне.

Слово *σοφιστής* означаетъ вообще мудреца, человѣка стремящагося къ достиженію истиннаго знанія. Въ такомъ широкомъ смыслѣ слово *σοφιστής* прилагается къ Солону ²⁾ и Пифагору ³⁾; Эсхинъ называетъ Сократа софистомъ ⁴⁾, а риторъ Исократъ прилагаетъ это названіе къ Анаксагору ⁵⁾. Но въ

¹⁾ Согласно съ *Ибервегомъ* (*Grundriss*, Th. 1, s. 91), *Берманомъ*, (*Geschichte d. Philosophie*, Bd. I, s. 44) и вопреки *Брандису* (*Handbuch d. Geschichte d. griech. rom. Philosophie*, II, 1, s. 1 ff.), *Целлеру* (*Die Philosophie d. Griechen*, II, 1, s. 1 ff. 29) и другимъ, которые начинаютъ второй періодъ исторіи греческой философіи Сократомъ. Эрдманъ начинаетъ этотъ періодъ Анаксагоромъ (*Grundriss d. Geschichte d. Philosophie*, Berlin, 1869, Bd. I, s. 54—55), противъ чего нужно сказать, что Анаксагоръ, по своимъ воззрѣніямъ, не отличается существенно отъ предшествующихъ философовъ-космологовъ; въ его философіи есть проблескъ введенія новаго начала,—начала субъективности, но именно только проблескъ, такъ какъ своего ученія объ умѣ Анаксагоръ не развилъ настоящимъ образомъ, не сдѣлалъ тѣхъ выводовъ, какіе изъ него слѣдовали.

²⁾ Herodot. I, 29.

³⁾ Ibid. IV, 95.

⁴⁾ Cont. Timarch. c. 34.

⁵⁾ Orat. XV.

тѣсномъ смыслѣ подѣ софистами разумѣются особаго рода люди, появившіеся въ Греціи приблизительно около половины 5-го в. до Р. Х.; софистика—это извѣстное направленіе греческой философіи, имѣющее свои отличительныя черты. Если извѣстный англійскій историкъ Греціи, Георгъ Гротъ, а затѣмъ, слѣдуя ему, и другіе ученые (Поэль, Компертцъ) вслѣдствіе желаютъ доказать, что никакой софистики, какъ особаго направленія, никогда не существовало, что на вопросъ указать какого нибудь софиста—тогдашній афинянинъ прежде всего назвалъ бы Сократа, какъ самаго выдающагося изъ софистовъ¹⁾; то этотъ взглядъ Грота и его сторонниковъ покоится на полномъ недовѣріи къ свидѣтельствамъ о софистахъ Платона и Аристотеля, которые будто бы заклеили ихъ въ чемъ неповинныхъ софистовъ, первые усвоили слову „софистъ“ дурное значеніе. Но въ пользу объективности въ данномъ случаѣ показаній Платона и Аристотеля достаточно говорить фактъ, что эти философы изображаютъ не однѣ только отрицательныя, дурныя стороны софистики: на ряду съ діалогомъ „Евтидемъ“, гдѣ изображена пустая софистическая эридика, мы имѣемъ діалоги „Протагоръ“ и „Горгій“, гдѣ нравственные образы софистовъ Протагора и Горгія заключаютъ въ себѣ немало симпатичныхъ чертъ.

Три характеристическія особенности отличають, по нашему мнѣнію, софистику, какъ извѣстное направленіе. Прежде всего софисты—это скептики, отрицающіе возможность достиженія объективнаго, общеобязательнаго знанія. Существуетъ, по ихъ мнѣнію, только знаніе субъективное, также различное, какъ различны мыслящіе индивидуумы; одно и то же положеніе можно и защищать, и опровергать, дѣлать его и сильнымъ, и слабымъ, смотря по обстоятельствамъ. Затѣмъ, софисты—это въ своемъ родѣ профессиональные философы, продающіе свою мудрость за деньги; переѣзжая изъ одного города въ другой,

¹⁾ Histoire de la Grèce 1866, v. XII, p. 171 и дал.
Философія Сократа.

они собираютъ около себя значительное число людей, желающихъ поучиться у нихъ за известную плату. Главнымъ предметомъ софистическаго обученія является, съ одной стороны, формальное, техническое развитіе рѣчи учащагося, приученіе послѣдняго говорить краснорѣчиво, изящно, съ другой стороны—сообщеніе учащемуся такихъ свѣдѣній, которыя наиболѣе были бы пригодны для активнаго участія въ государственной жизни, или обученіе политической мудрости. Софисты не только наставники, но и учителя, имѣющіе цѣлью подготовить своихъ учениковъ къ жизни и дѣятельности и обращающіе особенное вниманіе на обработку рѣчи. Риторика въ софистическомъ преподаваніи занимаетъ весьма видное мѣсто.

Чтобы понять происхожденіе такого явленія, какъ софистика, необходимо прежде всего обратить вниманіе на состояніе предшествующей греческой философіи. Философія космологовъ или физиковъ въ своемъ постепенномъ развитіи запуталась въ явныя противорѣчія. Элеаты признавали бытіе единымъ, тождественнымъ, неизмѣннымъ, Гераклитъ же, на противъ, считалъ бытіе вѣчно текущимъ, движущимся, измѣняющимся. Это было крупнѣйшее, сразу обращавшее на себя вниманіе, несогласіе философской мысли,—которое необходимо было какъ нибудь устранить, что и ставятъ, дѣйствительно, своею задачею философы, слѣдующіе за элеатами и Гераклитомъ. Но, пытаясь разрѣшить указанное противорѣчіе, эти философы сами проводятъ весьма различные взгляды на бытіе. Такъ, Эмпедоклъ полагаетъ въ основу вещей четыре перво-элемента, чрезъ соединеніе и раздѣленіе которыхъ образуются всѣ вещи; атомисты же и Анаксагоръ допускаютъ такихъ перво-элементовъ безконечное множество. При этомъ атомисты говорятъ, что перво-элементы различаются между собою не качественно, а количественно, именно своею формою, величиною и тяжестью, Анаксагоръ же учитъ, что всѣ частныя свойства и качества вещей даны уже въ самихъ перво-элементахъ или корняхъ вещей. Подобныя несогласія фило-

софской мысли тѣмъ болѣе чувствовались теперь, когда представители различныхъ философскихъ ученій встрѣтились въ центрѣ тогдашней образованности и науки—Афинахъ. Совершенно различное рѣшеніе однихъ и тѣхъ же вопросовъ о природѣ вещей наводило на мысль, что вопросы эти никогда не могутъ быть разрѣшены, и потому не должны быть и поднимаемы; мало того, оно носило убѣжденіе, что мысль философская есть вообще мысль произвольная, что она необходимо расходится въ самыя различныя стороны въ рѣшеніи одного и того же вопроса. Неудивительно поэтому, если являются теперь люди, которые утверждаютъ, что знанія объективнаго, общегоднаго нельзя достигнуть, а возможно только знаніе субъективнаго, относительное, измѣняющееся.

Для объясненія другихъ характеристическихъ сторонъ софистики необходимо принять во вниманіе состояніе вообще тогдашней умственной и государственной жизни.

Послѣ персидскихъ войнъ, когда греки такъ побѣдоносно отстаивали свою свободу и независимость, начинается особенное возбужденіе эллинскаго духа. Потребность просвѣщенія, любознательность, жажда знанія все болѣе и болѣе увеличиваются. Но эта живая потребность образованія мотивируется преимущественно чисто практическими, житейскими соображеніями. Дѣло въ томъ, что въ Греціи начинается тогда развиваться демократія, дававшая возможность каждому принимать участіе въ управленіи государствомъ. Но чтобы быть активнымъ участникомъ государственной жизни, оказывать рѣшительное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ, нужна была для этого извѣстная подготовка. Каждый чувствовалъ, что знаніе можетъ быть общественною силою и потому прежними обычными средствами образованія довольствоваться уже нельзя. Каждый ясно сознавалъ, что силою слова, краснорѣчія можно многого достигнуть,—можно не одинъ разъ заставить замолчать своихъ противниковъ. А эта сила слова одному давалась отъ природы, благодаря таланту, другой же стре-

мился приобрести ее и безъ таланта, путемъ искусственной подготовки. Не важно было рѣшать вопросы о природѣ вещей, а нужно было поучиться политической мудрости, постигнуть, такъ сказать, людскую психологію и тѣмъ дать торжество своему сужденію. Былъ такимъ образомъ спросъ на извѣстный родъ знанія, а потому естественно явилось и предложеніе удовлетворить этотъ спросъ. Перестали стремиться къ приобретению знанія ради самаго знанія, а начали смотрѣть на знаніе съ чисто практической, житейской, даже меркантильной точки зрѣнія. Вотъ причина, почему являются публичные наставники, обучающіе за плату, продающіе мудрость, и цѣлью своего обученія ставившіе, съ одной стороны, техническое, формальное развитіе рѣчи учащагося, съ другой стороны—сообщеніе ученикамъ такихъ свѣдѣній, которыя были наиболѣе пригодны въ общественной жизни¹⁾.

Хотя софистика, вопреки Гроту, есть особое направленіе греческой философіи, имѣющее свои характеристическія черты, которыя объясняются, съ одной стороны, предшествующимъ состояніемъ греческой философіи, съ другой—вообще тогдашними умственными и общественными запросами, тѣмъ не менѣе для правильнаго пониманія софистики необходимо ясно различать старшую и младшую генерациіе софистовъ. Перваго рода софисты—люди, безспорно, серьезные; они, хотя разрушаютъ науку, но разрушаютъ ее, такъ сказать, научнымъ путемъ. Второго же рода софисты—пустые эристы, все готовые утверждать и отрицать, и при томъ они проводятъ весьма вредные, разрушительные взгляды на право и нравственность. Въ оправданіе, впрочемъ, послѣдняго рода софистовъ нужно сказать, что они сдѣлали только тѣ крайніе выводы, какіе вытекали изъ положеній, установленныхъ старшими софистами.

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи софистики можно находить въ сочиненіяхъ Целлера (Die Philosophie d. Griechen, 1869, Th. 1, n. 851—861), А. Н. Гильярага (Греческіе софисты, Москва, 1868).

Къ софистамъ старшей генераціи нужно отнести Протагора, Горгія, Продика и Гиппія. На этихъ софистахъ мы поэтому прежде всего и остановимся.

Протагоръ родился около 480 г. до Р. Х. ¹⁾, въ городѣ Абдерахъ ²⁾, и былъ первымъ, кто открыто называлъ себя софистомъ ³⁾. Много идетъ споровъ о томъ, былъ-ли Протагоръ ученикомъ Демокрита, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые древніе писатели ⁴⁾, или же нѣтъ. Брандисъ, Германнъ, Витринга считаютъ Демокрита учителемъ Протагора ⁵⁾, а Целлеръ, Эрдманнъ, Ибервегъ, Муллахъ, Фрей рѣшительно отвергаютъ это ⁶⁾, и вполнѣ, кажется, справедливо. Во-первыхъ, утверженіе это вовсе не оправдывается хронологическими данными (Демокритъ родился около 360 г. и былъ значитъ моложе Протагора), а во-вторыхъ прямого сходства между ученіемъ Демокрита и Протагора отыскать нельзя. Мы имѣемъ даже прямыя указанія (Діогенъ Лаэртій), что Демокритъ, хотя упоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ о Протагорѣ, но дѣлалъ это съ полемическою цѣлью, т. е. съ цѣлью показать несостоятельность его взглядовъ. Около 451 г. Протагоръ прибылъ въ Аѳины, и здѣсь знакомства съ нимъ искалъ не только богачъ Калліасъ ⁷⁾, но и такіе люди, какъ Периклъ и Еврипидъ ⁸⁾. За свое сочиненіе о богахъ, которое начина-

¹⁾ О различныхъ взглядахъ на время рожденія Протагора см. *Frei, Quaestiones Protagorae*, Bonn, 1845, p. 13 ff; *Weber, Quaestiones Protagorae*, Marburg, 1850, p. 12; *Vitringa, De Protagorae vita et philosophia*, 1853.

²⁾ Protag. 309, C; Rep. X, 600, C.

³⁾ Protag. 316, D. ff.

⁴⁾ Diogen. IX, 50; X, 8.

⁵⁾ *Brandiss, Handbuch d. Griech-rom. Philosophie*, I, 524; *Hermann, Geschichte und System d. Platonischen Philosophie*, 1839, s. 190; *Vitringa, De Protag. vita et philosophia*, p. 30 ff.

⁶⁾ *Zeller, Die Philosophie d. Griechen*, I, s. 865, 866; *Ueberweg, Grundriss*, I, s. 95, *Erdmann, Geschichte d. Philosophie*, Bd. 1, s. 62; *Mullach, Democriti operum fragmenta*, Berol. 1843, p. 28; *Frei, Quaestiones Protagorae*, p. 9 ff.

⁷⁾ Protag. 314, D, 315 D; *Krat.* 391, B; *Xenoph. Symp.* I, 5.

⁸⁾ *Diog.* IX, 54; *Plut. Pericl.* c. 36.

лось словами: „о богахъ я не знаю, существуютъ ли они, или не существуютъ; ибо многое препятствуетъ знать это: и темнота самаго предмета, и краткость человѣческой жизни“, — за это сочиненіе Протагоръ былъ обвиненъ въ безбожии и изгнанъ изъ Аѳинъ ¹⁾. При переѣздѣ въ Сицилію онъ утонулъ, а сочиненія его, которыя, если вѣрить Діогену Лаэртію, были весьма многочисленны ²⁾, и между которыми самыми важными, должно быть, были *Ἀλήθεια* и *Καταβάλλοντες* ³⁾, были сожжены ⁴⁾.

По свидѣтельству древнихъ, Протагоръ проводилъ своеобразную теорію познанія. Изложить послѣднюю съ полною вѣрностью трудно, такъ какъ сами источники для знакомства съ нею не вполне ясны; недаромъ въ послѣднее время такъ много спорятъ объ ученіи главы софистовъ. Опираясь преимущественно на діалогъ Платона „Теэтетъ“ и восполняя свидѣтельство Платона показаніями Секста Эмпирика, мы можемъ представить ученіе Протагора о познаніи такимъ образомъ.

Протагоръ выходитъ изъ положенія Гераклита, что все течетъ, измѣняется, находится въ постоянномъ движеніи ⁵⁾. Хотя движеніе весьма разнообразно, но оно можетъ быть сведено къ двумъ видамъ: движенію дѣятельному, активному и движенію страдательному, пассивному ⁶⁾. Активность и пассивность, или дѣятельность и страданіе могутъ принадлежать вещамъ только въ ихъ отношеніи къ другимъ вещамъ, съ которыми онѣ, при своемъ движеніи, входятъ въ соприкосновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ, что вещь дѣйствуетъ, это значитъ, что она дѣйствуетъ на другія вещи; а если утверждаемъ, что вещь страдаетъ, это значитъ, что она испытываетъ

¹⁾ Diogen IX, 51. 52.

²⁾ Diogen. IX, 55

³⁾ Ср. Theät. 161, C; Sext Empir. Adv. Mathem. VII, 560.

⁴⁾ Diogen. IX, 52.

⁵⁾ Theät. 152, D; Sext. Emp. Pyrrhon. I, 217.

⁶⁾ Theät. 156, A.

дѣйствіе со стороны другихъ вещей¹⁾. Такъ какъ активность и пассивность не могутъ принадлежать вещамъ, взятымъ самимъ по себѣ, а они относятся только къ вещамъ, рассматриваемымъ въ ихъ взаимодействіи или въ ихъ вліяніи одной на другую; то отсюда Протагоръ выводитъ, что никакая вещь не существуетъ сама по себѣ, не имѣетъ опредѣленныхъ свойствъ, а вещь только бываетъ, становится, получаетъ тѣ или иныя свойства, смотря по тому, въ какомъ отношеніи она находится къ другимъ вещамъ²⁾. Такова онтологическая основа, на которой Протагоръ построитъ свое ученіе о познаніи. Опираясь на ней, онъ говоритъ, что мы познаемъ вещи потому, что вещи дѣйствуютъ на наши чувственные органы, а послѣдніе реагируютъ на это дѣйствіе³⁾. Результатомъ соприкосновенія этого двойкаго рода движенія, — активного, исходящаго отъ предмета, и пассивнаго, принадлежащаго субъекту, — является то, что въ нашемъ чувственномъ органѣ возникаетъ извѣстное ощущеніе, а предметъ надѣляется извѣстнымъ свойствомъ. „Когда глазъ (ὄμμα—смотря) и что нибудь другое ему соответствующее (т. е. предметъ, который можетъ дѣйствовать на глазъ) сблизились, то рождается съ одной стороны бѣлизна, съ другой—сродное бѣлизнѣ ощущеніе... Глазъ наполнился зрѣніемъ, сталъ видѣть и сдѣлался не зрѣніемъ вообще, но глазомъ зрящимъ (ὄψις ἄλλὰ ὀφθαλμὸς ὄρων), произведшее же цвѣтъ наполнилось бѣлизною, и вышла опять собственно не бѣлизна, а бѣлое“⁴⁾. Но, вѣдь, это столкновеніе движеній, имѣющее указанный результатъ, происходитъ только въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, въ данномъ субъектѣ. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, въ другомъ ощущающемъ субъектѣ оно можетъ произойти

¹⁾ Theat. 157, A.

²⁾ Theat. 157, B; Sext. Emp. Pyrrhon. I, 217.

³⁾ Theat. 156, A. B.

⁴⁾ Theat. 156, D. E.

иначе; познающий субъектъ, какъ и все въ мирѣ, подлежитъ постоянному движенію, измѣненію ¹⁾). Однако всякое ощущеніе, какъ результатъ извѣстнаго дѣйствія со стороны объекта и извѣстной реакціи со стороны субъекта, происходитъ необходимо, происходитъ такъ, какъ оно должно произойти при данныхъ условіяхъ ²⁾). Отсюда Протагоръ выводитъ заключеніе, что всякое ощущеніе истинно. Предметы являются для каждаго человѣка такими, какими они ему представляются, или какъ они имъ ощущаются, а ощущаются они имъ такъ, какъ они должны имъ ощущаться сообразно его индивидуальности и даннымъ условіямъ. Какъ человѣку кажутся вещи, такъ онѣ для него и существуютъ. Человѣкъ есть „мѣра всѣхъ вещей,—существующихъ, что онѣ существуютъ, не существующихъ же, что онѣ не существуютъ“ ³⁾).

Уже Георгъ Гротъ сомнѣвался въ вѣрности передачи Платономъ въ діалогѣ „Теэтетъ“ ученія Протагора. Въ недавнее время это сомнѣніе со всею рѣшительностію высказалъ Гальбфассъ ⁴⁾). По его мнѣнію, Протагору дѣйствительно принадлежитъ положеніе: „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, существующихъ, что онѣ существуютъ, не существующихъ же, что онѣ не существуютъ“. Но смыслъ этого положенія главы софистовъ истолкованъ Платономъ невѣрно. Подъ „человѣкомъ“ Протагоръ разумѣетъ здѣсь не отдѣльнаго человѣка, какъ думаетъ Платонъ, а человѣка вообще. Протагоръ желаетъ сказать, что только человѣкъ можетъ указывать вещамъ надлежащее мѣсто, или, что тоже, только человѣкъ есть средоточный пунктъ вселенной. Положеніе Протагора имѣетъ не столько теоретическое и, частію, теоретико-гносеологическое, сколько практическое значеніе: софистъ желаетъ по-

¹⁾ Theät. 159.

²⁾ Theät. 159, D. E; 160, A.

³⁾ Theät. 160, B. C.; 152, A; Sext. Empir. Adv. Mathem. VII. 60.

⁴⁾ Die Berichte d. Platons und Aristoteles über Protagoras, Strassburg,

будить человека къ развитію тѣхъ способностей и задатковъ, когорые наиболѣе приложимы въ жизни практической, общественной, и, напротивъ, желаетъ отклонить его отъ занятія такими предметами, которые не стоятъ въ связи съ потребностями и интересами жизни. Что воспріятіе всегда истинно для воспринимайщаго, этого Протагоръ вовсе не утверждалъ. Платонъ измыслилъ и то, что нѣтъ, по Протагору, воспринимаемаго внѣ акта воспріятія и что это ученіе Протагора покоилось на гераклитовской теоріи движенія.

Прежде всего поставимъ на видъ, что Платонъ вовсе не говоритъ, будто Протагоръ отрицалъ бытіе воспринимаемаго внѣшняго міра. Вещи, по Протагору, находятся внѣ насъ, движутся, дѣйствуютъ одна на другую. Приходя въ столкновеніе или соприкосновеніе съ субъектомъ ощущающимъ, вещи являются для него съ извѣстными свойствами, и какъ онѣ являются ему, такъ онѣ для него и существуютъ. Что Платонъ въ діалогѣ „Теэтетъ“ имѣетъ въ виду историческаго, а не вымышленнаго имъ самимъ Протагора, въ пользу этого говорятъ сравнительно частыя указанія въ діалогѣ на подлинное сочиненіе Протагора (Ἀλήθεια¹⁾), которое хорошо, какъ видно, было извѣстно и автору діалога и читателямъ послѣдняго. И какой, спрашивается, смыслъ, что за нужда была извращать то, о чемъ трактовало это сочиненіе? Вѣдь, подлогъ со стороны Платона легко могъ быть открытъ и обличенъ, особенно, когда дѣло касалось софиста, пользовавшагося такою громадною извѣстностью. Платонъ не только не извращаетъ ученія Протагора, но, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ діалога, старается даже защитить это ученіе отъ перетолкованія, выводя въ роли защитника самаго же Протагора²⁾. Гальбфассъ говоритъ, что Платонъ не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы только представить читателю

¹⁾ Theät. 162, A; ср. 161, C; 152, A.

²⁾ Theät. 166, C. D. и дал.

положеніе Протагора въ невыгодномъ свѣтѣ: пускаетъ въ ходъ живую софистику, дѣлаетъ всякія подтасовки, преувеличиваетъ взглядъ противника и т. п. Но кто внимательно штудировалъ діалогъ Платона „Теэтетъ“, тотъ признаетъ эти слова явною клеветою на великаго философа. Платонъ прекрасно знаетъ, какъ нужно вести научный споръ, и даже въ діалогѣ „Теэтетъ“ встрѣчаются объ этомъ довольно длинныя разсужденія¹⁾.

Другой, весьма серьезный изслѣдователь, именно проф. Наторпъ, различаетъ въ первой части діалога „Теэтетъ“ слѣдующія три положенія, тѣсно связанныя между собою: 1) знаніе есть ощущеніе; 2) человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей и 3) все находится въ постоянномъ движеніи. Изъ этихъ трехъ положеній Протагору, по мнѣнію Наторпа, принадлежитъ только второе положеніе. Смыслъ его таковъ: каждое воспріятіе (или представленіе) истинно, но истинно только для воспринимающаго (или представляющаго) въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ. Представленіе рѣшаетъ, что есть и чего нѣтъ,—не что есть само по себѣ, или чего нѣтъ самого по себѣ, а что есть или не есть для меня, или для тебя представляющаго, когда мы представляемъ. Что же касается перваго указаннаго положенія, то оно едва ли, говоритъ Наторпъ, принадлежитъ главѣ софистовъ: Протагоръ не поднималъ вопроса о знаніи, и свои положенія выдавалъ, какъ несомнѣнную „истину“; вопросъ объ ἐπιστήμη есть уже достояніе сократовской школы. Можно думать, что Платонъ самъ сдѣлалъ изъ ученія Протагора о воспріятіи выводъ, что оно есть знаніе,—и сдѣлалъ не безъ основанія, ибо Протагоръ не проводилъ различія между воспріятіемъ и представленіемъ. Нельзя, наконецъ, доказать, что самъ Протагоръ опирался въ своемъ ученіи о знаніи на гераклитовской теоріи движенія; вѣроятно, это сдѣлали его ученики, и ихъ то

¹⁾ Theat. 164, E; 171, C; 184, A.

разумѣть Платонъ, когда положеніе: „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“ ставить въ связь съ ученіемъ о всеобщей измѣняемости міра¹⁾.

Противъ этого пониманія нужно сказать, что три, указываемыя Наторпомъ, положенія, которыя развиваются въ первой части діалога „Теэтеть“, находятся между собою въ тѣснѣйшей, неразрывной связи, и нельзя поэтому утверждать, что одно изъ нихъ принадлежитъ Протагору, другое—выведено самимъ Платономъ изъ ученія Протагора, третье принадлежитъ послѣдователямъ главы софистовъ. Протагоръ считаетъ cadaго человѣка мѣрою всѣхъ вещей потому, что въ ощущеніи заключается, по нему, знаніе; ощущеніе же является знаніемъ по той причинѣ, что все постоянно движется, измѣняется, и человѣкъ, находясь въ потокѣ этого движенія, настолько познаетъ вещи, насколько послѣднія дѣйствуютъ на его органы чувствъ, а чувства извѣстнымъ образомъ въ данный моментъ реагируютъ на это дѣйствіе. Если бы Протагоръ источникомъ знанія считалъ не ощущеніе (воспріятіе) только, но и разумъ, онъ, очевидно, не призналъ бы cadaго отдѣльнаго человѣка мѣрою вещей, ибо законы разума всеобщі, неизмѣнны. Съ другой стороны, онъ не пришелъ бы къ мысли сводить все наше познаніе къ ощущенію или воспріятію, если бы призналъ въ бытіи нѣчто устойчивое, постоянное. Такъ, повторяемъ, три, указанныя равнѣе, положенія стоятъ въ неразрывной между собою связи, и нѣтъ никакого основанія уничтожать эту связь. Противъ нашего пониманія, говоритъ, повидимому, одно мѣсто разсматриваемаго діалога. Именно, когда на вопросъ, что такое знаніе, Теэтеть сказалъ, что знаніе есть ощущеніе, Сократъ разъясняетъ ему: „ты сказалъ, должно быть, немаловажное положеніе о знаніи, но такое, которое установилъ и Протагоръ,—только онъ тоже

¹⁾ Natorp, Forschungen zur Geschichte d. Erkenntnissproblema im Alterthum, Berlin, 1884, s. 20—26.

самое высказалъ другимъ образомъ, ибо говорилъ, что человекъ есть мѣра всѣхъ вещей,—существующихъ, что онѣ существуютъ, не существующихъ же, что онѣ не существуютъ¹⁾. Но смыслъ указанныхъ словъ не тотъ, что положеніе Протагора: „человекъ есть мѣра всѣхъ вещей“, если его понять правильно, необходимо приводить къ другому положенію: знаніе есть ощущеніе, потому что Платонъ вполне приравниваетъ эти положенія. И не можетъ первое положеніе приводить къ признанію втораго, а, наоборотъ, второе положеніе обосновываетъ первое, ибо знаніе заключается въ ощущеніи не потому, что человекъ есть мѣра всѣхъ вещей, но человекъ выступаетъ мѣрою всѣхъ вещей по той причинѣ, что единственнымъ источникомъ его знанія служитъ ощущеніе. Такимъ образомъ Сократъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ Теэтету: опредѣляя знаніе, какъ ощущеніе, ты вполне соглашаешься съ Протагоромъ, положеніе котораго: „человекъ есть мѣра всѣхъ вещей“ опирается на такомъ же его взглядѣ на знаніе.

Каждый человекъ есть, по Протагору, мѣра всѣхъ вещей, т. е. для cadaго человека вещи существуютъ такъ, какъ онѣ ему представляются. Поэтому ложныхъ представленій или мнѣній нѣтъ, если разсматривать эти мнѣнія въ отношеніи къ тому лицу, кто ихъ высказываетъ. Однако это не значитъ, говоритъ Протагоръ, что всѣ мнѣнія имѣютъ одинаковую цѣну и значеніе: есть мнѣнія худшія и лучшія, одни мнѣнія вытекаютъ изъ больного, другія—изъ здороваго состоянія души. Отсюда, задача софиста состоитъ въ томъ, чтобы, дѣйствуя на индивидуальность того или иного человека, или на настроеніе и понятія того или иного общества, превращать худшія мнѣнія въ лучшія. Въ діалогѣ „Теэтетъ“ Сократъ отъ имени самаго Протагора такимъ образомъ защищаетъ ученіе

¹⁾ Theät. 152, A.

последняго. „Я утверждаю—говорить софистъ,—что истина такова, какъ она описана мною, т. е., что каждый изъ насъ есть мѣра существующаго и не существующаго, и одинъ отъ другого этимъ самымъ дѣйствительно до безконечности различенъ, такъ какъ для одного есть и является то, для другого—иное. Но я далекъ отъ того, чтобы не признавать ни мудрости, ни чловѣка мудраго; напротивъ, и я называю того мудрецомъ, кто, если кому изъ насъ представляется и есть (для него) зло, помогаетъ это представляющееся и существующее (для него) превратить въ добро. Припомни, что.... больному представляется горькою пища, которую онъ вкушаетъ, и что такова она (для него) и есть; у здороваго же представленіе въ этомъ случаѣ бываетъ иное. Мудрѣйшимъ изъ нихъ не слѣдуетъ считать ни того, ни другого, да и не возможно, ибо нельзя произнести приговоръ, что больной невѣжда, когда такъ думаетъ, или будто здоровый—мудръ, когда думаетъ иначе, но надобно измѣнить одно состояніе въ другое, потому что другое лучше. Такъ и въ дѣлѣ воспитанія,—надобно переводить дитя изъ извѣстнаго состоянія въ лучшее. Но врачъ измѣняетъ состояніе лѣкарствами, а софистъ разсужденіями“¹⁾. Мудреца, продолжающаго Протагоръ, внушающаго вмѣсто худыхъ мнѣній добрыя, можно сравнить съ земледѣльцемъ, который, когда растенія начинаютъ вянуть, пересаживаетъ ихъ въ болѣе здоровую почву. Несомнѣнно, „что кажется городу справедливымъ и похвальнымъ, то и есть для него справедливое и похвальное, пока онъ такъ думаетъ; но мудрецъ, вмѣсто худаго, существующаго въ немъ (т. е. городѣ) мнѣнія, внушаетъ ему доброе“²⁾.

Какъ видимъ, Протагоръ въ своемъ ученіи далеко не является послѣдовательнымъ. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, у него заимствованы такія понятія, какъ понятія лучшаго и худшаго, хорошаго и дурнаго, справедливаго и несправедливаго? Если

¹⁾ Theæt. 166, D—167, A.

²⁾ Theæt. 167, B—D.

мнѣніе всякаго человѣка истинно, когда онъ высказываетъ это мнѣніе, то о лучшемъ и худшемъ не можетъ быть рѣчи: что одинъ считаетъ лучшимъ, то другой признаетъ худшимъ, или что самому Протагору теперь представляется справедливымъ, то въ другое время онъ будетъ считать несправедливымъ. Если нѣтъ объективной истины, то не существуетъ и объективныхъ нормъ дѣятельности.

Что Протагоръ не сдѣлалъ изъ своего ученія о знаніи тѣхъ практическихъ выводовъ, какіе изъ него вытекали, это доказываетъ слѣдующій протагоровскій мифъ о происхожденіи добродѣтели, передаваемый намъ Платономъ въ діалогъ „Протагоръ“.

„Было время, говоритъ Протагоръ, когда боги существовали, а смертные роды еще нѣтъ. Но какъ скоро и для нихъ наступило предназначенное время рожденія, боги образовали ихъ въ земной утробѣ, изъ смѣшенія огня и земли и изъ того, что могло соединиться съ огнемъ и землею. Потомъ, вознамѣрившись вывести ихъ на свѣтъ, они приказали Прометею и Эпиметею украсить ихъ и дать каждому приличныя силы“. Съ согласія Прометея самъ Эпиметей взялся за порученное богами дѣло, но выполнилъ его неудачно, такъ какъ самъ былъ не особенно мудръ: онъ, забывшись, расточилъ всѣ благодѣянія на животныхъ безсловесныхъ, а человѣчскій родъ оставался неодареннымъ. Чтобы помочь людямъ, Прометей рѣшается на самоотверженный поступокъ: онъ похищаетъ у Гефеста и Аѳины огонь вмѣстѣ съ искусствомъ изобрѣтенія и даетъ ихъ человѣку. За этотъ свой поступокъ Прометей подвергся строгому наказанію, люди же, благодаря принесенному имъ дару, начали жить въ довольствіи. У нихъ появились жилища и одежда; они изобрѣли искусство рѣчи; у нихъ возникли религіозныя представленія, такъ какъ, получивъ даръ боговъ, они стали сродны богамъ, и видимымъ выраженіемъ религіозныхъ представленій было устройство жертвенниковъ и кумировъ. Въ виду безопасности люди сознавали

необходимость сплотиться, образовать общество, устроить города, но, „сбравшись по мѣстамъ и не имѣя политическаго искусства, они обижали другъ друга до того, что снова разсѣявались и снова были истребляемы“. „Тогда то Зевсъ,—говорить Протагоръ,—опасаясь, чтобы не погибъ весь родъ нашъ, приказалъ Ермію низвести къ людямъ стыдъ и правду, которые бы, служа украшеніемъ и союзомъ обществъ, водворили въ нихъ дружество. Но Ерміи спросилъ Зевса: какимъ образомъ даровать людямъ стыдъ и правду. Такъ ли раздѣлить ихъ, какъ раздѣлены искусства... или же дать ихъ всѣмъ.—Всѣмъ, сказала Зевсъ; пусть всѣ получаютъ ихъ, потому что не бывать городамъ, если будутъ имѣть ихъ только нѣкоторые, какъ раздѣлены искусства. При томъ, постанови моимъ именемъ законъ, что не имѣющій стыда и правды долженъ быть убитъ, какъ зараза общества“. Въ этомъ то, продолжаетъ Протагоръ, кроется объясненіе, почему политическая добродѣтель свойственна всѣмъ, ей всѣ причастны, и человѣкъ не былъ-бы человѣкомъ, если бы въ немъ не было справедливости ¹⁾).

Таковъ мнѣ о происхожденіи „политической добродѣтели“ или справедливости, влагаемый Платономъ въ уста Протагора. Мы не имѣемъ основаній заподозрить принадлежность этого мнѣя главѣ софистовъ и, вмѣстѣ съ Фреемъ, Целлеромъ и Сюземилемъ, полагаемъ, что Платонъ здѣсь вѣрно передаетъ намъ мысли Протагора и, пожалуй, даже заимствовалъ приведенный мнѣ изъ какого нибудь сочиненія Протагора ²⁾. Если же такъ, то, очевидно, Протагоръ считаетъ добродѣтель чѣмъ то врожденнымъ, присущимъ всѣмъ людямъ, имѣющимъ свой источникъ въ божествѣ; справедливость и стыдъ суть нѣчто общечеловѣческое и безъ нихъ никакая социальная

¹⁾ Protog. 320, D—323, D.

²⁾ Frei, Quaestiones Protagorae, p. 162 ff.; Zeller, Die Philosophie d. Griechen, I, s. 917, F. Sussemitz, Die genetische Entwicklung d. Platon. Philosophie Leipzig, 1855, Th. I, s. 45—46.

жизнь не возможна. Правда, приведенный мнѣ носить нѣсколько матеріалистическій характеръ, такъ какъ политическая добродѣтель разсматривается какъ простой придатокъ къ добродѣтели технической или культурной; однако воззрѣнія, развиваемыя здѣсь на справедливость, какъ нѣчто общечеловѣческое и потому общеобязательное, совершенно не согласны съ ученіемъ Протагора о знаніи. Видно, что, признавши полную относительность человѣческаго знанія, Протагоръ въ то же время не могъ отрицать, что въ жизни, въ практикѣ одно мнѣніе является лучшимъ, чѣмъ другое, и, развивая этотъ взглядъ далѣе, онъ, быть можетъ, незамѣтно для себя самого, пришелъ къ признанію чего то вышечеловѣческаго, нормирующаго нравственныя и правовыя отношенія.

Несомнѣнную заслугу Протагора составляютъ его изслѣдованія въ области языка. Въ діалогѣ Платона „Федръ“ Сократъ весьма неодобрительно отзывается о рѣчахъ ретора Полоса, говоря, что онѣ страдаютъ тавтологіею (*διπλασιολογία*), излишнею образностью (*εὐχολογία*) и другими недостатками. На это Федръ спрашиваетъ Сократа: „ну, а у Протагора, Сократъ, развѣ не то же почти?—У него, сынъ мой,—отвѣчаетъ Сократъ,—какое то праворѣчіе—*ὀρθώπεια*¹⁾. Нельзя иначе понимать терминъ *ὀρθώπεια*, какъ въ томъ смыслѣ, что Протагоръ заботился о возможно правильномъ употребленіи словъ и формъ рѣчи. Въ „Піитакѣ“ Аристотеля мы находимъ указаніе, что Протагоръ порицалъ Гомера за то, что въ первомъ стихѣ своей Иліады овъ поставилъ повелительное наклоненіе, тогда какъ здѣсь выражается не приказаніе, а просьба, обращенная къ богинѣ²⁾. Изъ другихъ свидѣтельствъ видно, что Протагоръ первый различилъ роды существительныхъ, времена глаголовъ и различныя формы пред-

¹⁾ Phaedr. 267, C.

²⁾ Poet. c. 19, 1456, b, 15

ложевій (εὐχολή, ἐρώτησις, ἀπόκρισις, ἐντολή¹⁾). Болѣе подробныя свѣдѣнія о значеніи изслѣдованій Протагора въ области языка можно находить у Лерша и Альберти²⁾.

Другимъ выдающимся софистомъ является Горгіи, происходившій изъ Леонтинъ и потому названный „леонтійскимъ“. О времени его жизни существуютъ весьма разнорѣчивыя показанія древнихъ³⁾. Достоверно только извѣстно, что въ 427 г. Горгіи прибылъ въ Аѣины во главѣ посольства отъ роднаго города, чтобы просить аѣинянъ о помощи противъ сиракузянъ⁴⁾. Относительно времени жизни Горгіи наиболѣе вѣроятною считается дата Фрея,—что Горгіи родился около 483, а умеръ въ 375 г. до Р. X.

Въ своемъ сочиненіи „О несуществующемъ или природѣ (περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως), съ содержаніемъ котораго мы знакомимся на основаніи труда Секста Эмпірика *Adversus Mathematicos* и подложнаго сочиненія Аристотеля *De Melisso, Xenophane et Gorgia*, софистъ Горгіи доказывалъ три положенія: 1) ничего не существуетъ; 2) если бы что и существовало, оно не могло бы быть познано и 3) если бы оно и могло быть познано, мы не въ состояніи были бы сообщать своего знанія о немъ другимъ⁵⁾.

Ничто, говорятъ Горгіи, не существуетъ. Если-бы что

¹⁾ Aristot. Rhetor III 5. 1407, b. 6: τὰ γένη τῶν ὀνομάτων διήρηται. — Diog. IX. 52: πρῶτος μέρη χρόνου διώρισε; IX, 53.

²⁾ Lersch, Die Sprachphilosophie d. Alten, Bonn, 1841, s. 15 ff; Alberti, Die Sprachphilosophie vor Platon (Philolog. XI, 1856, s. 681 ff.).

³⁾ См. Zeller, Die Philosophie d. Griechen, I, s. 867, Anmerk. 1.

⁴⁾ Diodor. XII, 53; ср. Thucyd. III, 86.

⁵⁾ Sext. Empir. Adv. Mathem. VII, 65: ἐν γὰρ τῷ ἐπιγραφόμενῳ

Περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως τρία κατὰ τὰ ἐξῆς κεφάλαια κατασκευάζει· ἓν μὲν καὶ πρῶτον ὅτι οὐδὲν ἔστιν, δεύτερον ὅτι εἰ καὶ ἔστιν, ἀκατάληπτον ἀνθρώπῳ, τρίτον ὅτι εἰ καὶ κατὰληπτον, ἀλλὰ τοῖ γε ἀνέξοιστον καὶ ἀνερμήνευτον τῷ πέλας. Ср. Aristot. De Xenoph. с. 5: οὐχ εἶναί φησιν οὐδέν· εἰ δ' ἔστιν, ἀγνωστον εἶναι· εἰ δὲ καὶ ἔστι γνωστόν, ἀλλ' οὐ δηλωτόν ἄλλοις.

нибудь существовало, оно было бы или происшедшимъ, или непроизшедшимъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ¹⁾. Но оно не можетъ быть происшедшимъ, такъ какъ нельзя допустить ни того, что оно произошло изъ бытія, ни того, что основою его происхожденія служитъ небытіе: бытіе не можетъ быть причиною чегонибудь другаго, такъ какъ, производя другое, оно становилось бы само другимъ, т. е. не было бы уже бытіемъ; небытіе же, само собою понятно, ничего не можетъ произвести, ибо оно ничто. Нельзя признать существующаго и непроизшедшимъ, такъ какъ непроизшедшее т. е. вѣчное должно быть неограниченнымъ, а неограниченное не можетъ находиться ни въ себѣ самомъ, ни въ другомъ: находясь въ себѣ самомъ, оно ограничивало бы себя, ибо содержащее, обнимающее отлично отъ содержимаго, обнимаемаго; пребывая же въ другомъ, оно тѣмъ болѣе не могло бы удержать свою неограниченность, ибо это другое его ограничивало-бы. Если существующее не можетъ быть ни происшедшимъ, ни непроизшедшимъ, то значить оно не можетъ быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ²⁾. Такимъ образомъ никакого бытія нѣтъ.

Допустимъ теперь, что нѣчто существуетъ. Въ такомъ случаѣ оно никогда не могло бы быть позвано нами, ибо бытіе и мышленіе не тождественны между собой. Допустить тождество бытія и мышленія значитъ признать, что все мыслимое есть существующее, реальное, и, наоборотъ, несуществующее, нереальное не можетъ быть мыслимо. Однако факты ясно говорятъ противъ этого, ибо мы можемъ мыслить напр. Сциллу и Хариду, хотя это мнѣйшескія, нереальныя существа³⁾.

Признаемъ, наконецъ, что существующее можетъ быть позвано нами. Въ такомъ случаѣ своего знанія о немъ мы не могли бы сообщить другимъ, ибо слова—это только знамен

¹⁾ Sext. Empir. Adv. Mathem. VII, 66; Aristot. De Xenoph. с. 5.

²⁾ Adv. Mathem. VII, 68—72; De Xenoph. с. 5, 6.

³⁾ Adv. Mathem. VII, 77—82; De Xenoph с. 6.

вещей, а знакъ всегда отличенъ отъ означаемаго. Слова, какъ звуки, воспринимаются только слухомъ, а между тѣмъ вещи мы познаемъ разными чувствами, и воспринятое, напр., зрѣніемъ впрочемъ не можемъ сообщить другимъ посредствомъ слова, доступнаго слуху, — органу специфически отличному, по своей дѣятельности, отъ зрѣнія ¹⁾).

Приведенные аргументы Горгія явно носятъ софистическій характеръ. Однако нельзя опускать изъ виду тѣхъ весьма серьезныхъ проблемъ, съ которыми сталкивается Горгія. Вопросъ, какъ нужно мыслить происхожденіе, когда ничто не происходитъ ни изъ бытія, ни изъ небытія, т. е. ни изъ того, что уже существуетъ, ни изъ того, что вовсе не существуетъ, — вопросъ этотъ былъ ясно поставленъ элеатами и затѣмъ составлялъ зерно послѣдующихъ натурфилософскихъ ученій. Рѣшеніемъ этого вопроса занимаются Платонъ и Аристотель. Послѣдній даетъ ему наиболее удовлетворительную постановку, когда въ своей метафизикѣ разъясняетъ, что на всякое происхожденіе нужно смотрѣть, какъ на переходъ возможности въ дѣйствительность, потенциальнаго въ актуальное, такъ что весь міръ есть сумма постепенно раскрывающихся возможностей. И въ новое время развѣ тотъ же вопросъ не составляетъ важнѣйшей философской проблемы? Не встрѣчается ли постоянно здѣсь мысль съ трудностью, какъ нужно мыслить первоначально данное, или первоначально существующее, — есть ли это духъ, или матерія, — абсолютный разумъ, или абсолютная воля, — матерія до безконечности дѣлимая, или же матерія, имѣющая въ своей основѣ нѣкоторые неразложимые, недѣлимые элементы? Доказывать важность другихъ проблемъ, поставленныхъ Горгіемъ, именно проблемы объ отношеніи мышленія къ бытію и слова къ мысли, нѣтъ, кажется, нужды, такъ какъ эта важность очевидна.

Такимъ образомъ, чтобы уяснить смыслъ приведенныхъ

¹⁾ De Xenoph. c. 6; Adv. Mathem VII, 83—85.

аргументовъ Горгія, вовсе нѣтъ нужды прибѣгать къ тому предположенію, которое дѣлаеть Георгъ Гротъ. По его мнѣнію вся аргументація Горгія направляется противъ элейцевъ, которые истинно сущимъ считали бытіе, находящееся по ту сторону явленія, или бытіе,—употребляя выраженіе Канта,—ноуменальное. Имѣя въ виду такое бытіе, Горгія доказываетъ противъ элейцевъ, что бытіе не существуетъ, а если оно и существуетъ, то его нельзя ни познать, ни выразить словами¹⁾. Но, во-первыхъ, элеаты не возвысились до понятія бытія чисто абстрактнаго, ноуменальнаго, а ихъ сущее носитъ еще чувственный, конкретный характеръ, такъ какъ подъ нимъ разумѣтся единый, качественно неизмѣнный, недѣлимый, однородный матеріальный субстратъ явленій²⁾. Во-вторыхъ, ясно кажется, какое бытіе разумѣтъ Горгія, когда, доказывая третье свое положеніе, онъ рассуждаетъ такимъ образомъ. Вещи мы или видимъ, или слышимъ, вообще воспринимаемъ чувствами, такъ что видимое воспринимаемъ зрѣніемъ, слышимое—слухомъ. Слѣдовательно, мы не можемъ воспринимать видимое слухомъ, слышимое зрѣніемъ. Но мы сообщаемъ видимое, напр., цвѣта, словами, а слова суть звуки, воспринимаемые слухомъ, и слѣдовательно словами своего познанія о цвѣтахъ мы не можемъ передать. О бытіи ноуменальномъ, очевидно, у Горгія никакой нѣтъ рѣчи.

Къ указаннымъ скептическимъ положеніямъ, быть можетъ, привело Горгія усердное занятіе въ молодые годы натурфилософскими вопросами; тѣмъ болѣе мы имѣемъ свидѣтельство, что Горгія былъ ученикомъ Эмпедокла³⁾.

Отвергнувши возможность объективнаго знанія, считая всѣ положенія одинаково ложными, Горгія не выдаетъ себя учителемъ добродѣтели, а считаетъ себя только риторомъ. „Люблю Горгія,—говоритъ Менонъ въ платоновскомъ діалогѣ того же

¹⁾ G. Grote, Histoire de la Grèce, v. XII, p. 193. 194.

²⁾ См. нашу брошюру: Новый трудъ по исторіи философіи Кіевъ; 1894 г.

³⁾ Plato, Menon, 76; Quintil Inst. Orat. III, 1, 8; Gorgias Leontinus, Empedocles, ut traditur, discipulus.

имени,—за то, что отъ него не услышишь обѣщанія учить добродѣтели, онъ даже смѣется надъ другими, обѣщающими подобное; онъ вызывается только сдѣлать человѣка сильнымъ въ словѣ¹⁾). Горгій, дѣйствительно, риторъ *par excellence*; его рѣчи блистали всѣми цвѣтами краснорѣчія, и афиняне считали тѣ дни праздничными, когда онъ открывалъ свои публичныя чтенія. Въ своей хвастливости Горгій утверждалъ, что онъ можетъ говорить обо всемъ, на все дать отвѣтъ—и краткій и пространный²⁾). Увлечение искусствомъ убѣждать другихъ приводило, по всей вѣроятности, Горгія къ крайностямъ, но мы не имѣемъ свидѣтельствъ, что Горгій посредствомъ своего краснорѣчія пытался представить несправедливое—справедливымъ, завѣдомо ложное—истиннымъ. Напротивъ, по словамъ Горгія, риторикою, какъ и всякимъ другимъ искусствомъ, нельзя злоупотреблять, и учитель риторики не виновенъ, если его ученики недостойно пользуются изученнымъ ими искусствомъ краснорѣчія³⁾). Примыкая, подобно Протагору, къ господствующимъ нравственнымъ понятіямъ, Горгій говорилъ, что риторика имѣетъ цѣлью убѣждать въ томъ, что справедливо и что несправедливо. Такимъ образомъ, и Горгій, подобно Протагору, не сдѣлалъ тѣхъ практическихъ выводовъ, какіе слѣдовали изъ его ученія о знаніи: разрушая науку, онъ въ тоже время не отвергалъ господствующихъ нравственныхъ и правовыхъ понятій.

Къ софистамъ старшей генераціи, кромѣ Протагора и Горгія, должны быть отнесены Продикъ и Гиппій, изъ которыхъ первый позднѣйшими схолистами называется ученикомъ Протагора и Горгія, — вѣроятно потому, что онъ былъ значительно моложе послѣднихъ⁴⁾).

Продвекъ, по происхожденію изъ острова Хеоса, славив-

¹⁾ Plato, Men. 95, C.

²⁾ Gorg. 447 и дал.

³⁾ Ibid. 457.

⁴⁾ Plato, Protag. 317, C.

шагося чистотою нравовъ своихъ обитателей, пользовался въ Афинахъ и вообще въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ особеннымъ почтеніемъ. Даже Аристофанъ, этотъ завзятый врагъ софистовъ, относился къ Продику съ уваженіемъ. По словамъ Платона, друзья настолько любили Продика за его мудрость, что чуть не носили его на своихъ головахъ, какой чести удостоивался также Протагоръ¹⁾. Мы не находимъ у Продика ученія о познаніи, или о бытіи, а онъ извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ моралистъ и знатокъ различать синонимическія слова.

Древніе писатели, именно Θεμισцій, Діо Хризостомъ, Лукіанъ и др., любили часто приводить нравственный рассказъ Продика, извѣстный подъ названіемъ „Геркулесъ на распутіи“. Въ „Меморабіліяхъ“ Ксенофонта этотъ рассказъ передается такимъ образомъ. „Когда Геркулесъ переходилъ изъ дѣтскаго возраста въ совершеннолѣтній,—въ тотъ возрастъ, въ которомъ юноша становится самостоятельнымъ и даетъ замѣтить, пойдетъ ли онъ въ своей жизни по пути добродѣтели, или по пути порока, онъ отправился въ уединеніе и здѣсь задумался, по которой дорогѣ отправиться“. Тогда къ нему подошли двѣ женщины,—одна скромная, благороднаго происхожденія, въ бѣлой одеждѣ, другая—изнѣженная, нарумяненная, въ одеждѣ весьма нескромной. Когда они начали приближаться къ Геркулесу, то вторая упредила первую и, подбѣжавъ къ Геркулесу, сказала: „Я вижу, Геркулесъ, что ты недоумѣваешь, по какой дорогѣ направиться въ жизни. Если ты сдѣлаешь меня своею подругою, то я поведу тебя по дорогѣ самой пріятной и самой удобной. Ты испытаешь всѣ удовольствія и проживешь, не зная огорченій. Не думай, что для доставленія тѣлесныхъ и духовныхъ удовольствій, я поведу тебя путемъ труда и бѣдствій. Нѣтъ, ты будешь пользоваться трудами другихъ, не получая отказа ни въ чемъ,

¹⁾ Plato, Rep. X., 600. C.

гдѣ только можно будетъ извлечь какую нибудь прибыль.... Геркулесь, выслушавъ это, спросилъ: „женщина! какъ твои имя“?— „Мои друзья, отвѣчала она, называютъ меня Счастьемъ, а ненавистники по клеветѣ „Порокомъ“.

„Въ это время подошла другая женщина и сказала: „И я прибыла къ тебѣ, Геркулесь, потому что знаю твоихъ родителей и еще во время твоего воспитанія узнала твои дарованія. Поэтому я надѣюсь, что если ты отправишься по дорогѣ, ведущей къ мнѣ, то непременно сдѣлаешься ревностнымъ труженикомъ въ дѣлѣ хорошаго и честнаго; я же для добра окажусь еще въ большемъ почетѣ и блескѣ. Не стану обманывать тебя указаніями на удовольствія, но опишу тебѣ жизнь такъ, какъ ее боги устроили. Изъ того, что есть добраго и хорошаго, боги ничего не даютъ человѣку безъ труда и заботы. Такимъ образомъ, если хочешь, чтобы боги были къ тебѣ милостивы, ты долженъ почитать ихъ; если желаешь, чтобы тебя любили друзья, ты долженъ дѣлать имъ добро; если стремишься къ уваженію со стороны извѣстнаго государства, ты долженъ приносить пользу этому государству; если добиваешься удивленія твоей дѣятельности со стороны всей Эллады, ты долженъ благодѣтельствовать всей Элладѣ; если хочешь, чтобы земля давала тебѣ обильную жатву, ты долженъ отдаться землѣ; если находишь, что тебѣ слѣдуетъ извлекать богатства изъ стада, ты долженъ заботиться о стадахъ; стремишься ли достигнуть славы путемъ войны и быть въ состояніи обезпечить свободу друзьямъ и поработеніе врагамъ, ты долженъ изучать военныя науки у людей знающихъ и упражняться въ ихъ примѣненіи. Если желаешь обладать вѣрными, здоровымъ тѣломъ, ты долженъ приучать его повиноваться разуму, и развивать его посредствомъ труда и пота... Я,—продолжаетъ эта женщина,—желанная помощница художниковъ, вѣрный стражъ домовъ, благосклонная помощница мирныхъ занятій; крѣпкая союзница на войнѣ и наилучшій товарищъ въ дружбѣ... Мои друзья испытываютъ всегда пріятное и певынужденное наслажденіе пищею и питьемъ,

потому что они воздерживаются до того времени, пока пожелаютъ пищи и питія. Юноши рады похваламъ старшихъ, а старшіе довольны почтеніемъ юношей. Они съ удовольствіемъ вспоминаютъ о прошлой дѣятельности и съ удовольствіемъ исполняютъ настоящую, потому что посредствомъ меня они любезны богамъ, дороги друзьямъ и чтимы отечествомъ. Когда же наступаетъ предопредѣленная кончина, они не походятъ забытые и неощенные, но вѣчно живутъ въ воспоминаніяхъ, прославляемые въ пѣсняхъ" ¹⁾).

Если мораль, развиваемая въ разсказѣ „Геркулесъ на распутии“, дѣйствительно принадлежитъ Продику,—въ чемъ нѣтъ основанія сомнѣваться ²⁾), то необходимо признать, что едва ли софисту могутъ быть приписаны тѣ пессимистическія воззрѣнія, которыя онъ проводитъ въ псевдо-платоновскомъ діалогѣ „Аксиохъ“. Здѣсь Сократъ утѣшаетъ близкаго къ смерти Аксиоха слѣдующими разсужденіями, которыя онъ будто бы слышалъ отъ Продика и съ которыми согласенъ и самъ. Какой возрастъ,—говорилъ Продикъ,—свободенъ отъ страданій? Едва новорожденный откроетъ глаза, какъ онъ уже плачетъ. И голодь, и холодъ, и жажда мучать его и свои страданія онъ выражаетъ только жалобными криками. Едва затѣмъ онъ достигнетъ семилѣтняго возраста, какъ его начинаютъ тиранить всякаго рода педагоги, грамматикъ, къ которымъ послѣ присоединяются еще геометры, учителя тактики. Но вотъ человѣкъ сталъ юношею, и его встрѣчаетъ лицей, академія, учителя гимнастики и все время юности протекаетъ подъ ферулою руководителей и наблюденіемъ ареопага. Не успѣли пройти эти страданія, какъ начинаются другія: нужно избирать извѣстное жизненное призваніе. Необходимо уча-

¹⁾ Методов. II, 1, 21—33. Разсказъ приведенъ нами съ значительными сокращеніями.

²⁾ Ксенофонтъ предположаетъ передачу разговора Продика „Геркулесъ на распутии“ слѣдующее замѣчаніе: Καὶ Πρόδικος δὲ ὁ σοφὸς ἐν τῷ συγγραμμάτων τῶν περὶ Ἠρακλέους ἀπερὶ δὴ καὶ πλείστοις ἐπέδειξε χυρταί.

ствовать въ войнахъ, получать раны, претерпѣвать пораженія и въ сравненіи съ несчастіями, которыя ожидаютъ человѣка впереди, прошедшія скорби кажутся совершенно маловажными. А тамъ незамѣтно подбравывается и старость, соединяющая въ себѣ всѣ несчастія человѣка, потому что одного она лишаетъ зрѣнія, другаго—слуха, а третьяго—того и другаго органа вмѣстѣ; у одного она разслабляетъ тѣло, а у другаго приводитъ мысль въ дѣйское состояніе. Природа, какъ злой заимодавецъ, жестоко наказываетъ того, кто медлитъ заплатить ей свой долгъ. Недаромъ поэтому боги, хорошо знающіе наши страданія, не даютъ своимъ любимцамъ долго жить. Агамедъ и Трофоній, построивши храмъ Аполлону Пнейскому, просили у боговъ послать имъ за это какое нибудь возможно большее благо; съ этою мыслию они заснули и больше не пробуждались. Аргосская жрица вымолила у Юноны своимъ сыновьямъ дѣйствительное благо за то, что, когда въ одно время лошади, везущіе ее, заупрямились, сами ея сыновья впряглись въ колесницу и привезли мать ко святилищу: сыновья ея въ ту же ночь оба умерли. И поэты жалуются на скорбь и страданія человѣческой жизни, говоря, что человѣкъ есть самое несчастное изъ существъ, какія дышутъ, или ползаютъ по землѣ, что, кто любимъ Зевсомъ и Аполлономъ, тотъ не достигнетъ порога старости. Да и можно ли указать хотя одного человѣка, который былъ бы доволенъ и не жаловался бы на то занятіе, которое онъ избралъ? Пройдись, говоритъ Продикъ, по мастерскимъ, гдѣ люди работаютъ день и ночь и едва добываютъ для себя насущный хлѣбъ; обрати вниманіе на моряка, который, какъ говоритъ Біасъ, всегда находится между жизнью и смертью; присмотри къ земледѣльцу, который всегда плачется то на засуху, то на дождь, то на тепло, то на холодъ; разбери жизнь подитика, который часто является простою игрушкою въ рукахъ другихъ, котораго осмѣиваютъ, наказываютъ, убиваютъ, предають забвенію. Послѣ этого ты убѣдишься, что нѣтъ

человѣка довольнаго своею жизнью. Гдѣ, спрошу тебя, Аксиохъ-умеръ Мильтіадъ? Гдѣ окончилъ жизньThemistocles и тѣ известныя десять греческихъ полководцевъ?... О жизни такимъ образомъ скорбѣть нечего... Смерть не касается ни живыхъ, ни умершихъ: первыхъ потому, что они еще живутъ, вторыхъ по той причинѣ, что, когда смерть придетъ, ихъ уже болѣе нѣтъ¹⁾.

Таковы разсужденія какого то древняго неизвѣстнаго пессимиста. Хотя въ діалогѣ „Аксиохъ“ они обособляются отъ другихъ разсужденій и ясно приписываются Продику, но не могутъ, думаемъ, принадлежать ему²⁾, такъ какъ рѣзко различаются отъ того обще-греческаго взгляда на жизнь, какой проводится въ разсказѣ „Геркулесъ на распутіи“. Мораль, заключающуюся въ этомъ разсказѣ, всецѣло проникаетъ жизнерадостное чувство эллина: пріятное и полезное въ жизни,— пріятное и полезное для себя, для друзей, для отечества, составляетъ зерно этой морали.

Въ діалогѣ Платона „Эриксий“ Продикъ доказываетъ, что богатство само по себѣ не есть благо, потому что нужно умѣть имъ пользоваться: людямъ добрымъ и прекраснымъ оно—благо, а невѣжамъ—зло. Что сказано о богатствѣ, то имѣеть приложеніе и ко всѣмъ другимъ предметамъ: каковъ вообще тотъ, кто пользуется, таковыми необходимо становятся и тѣ вещи, которыми онъ пользуется³⁾. Разсужденія эти весьма напоминаютъ мысли Сократа о благѣ и, быть можетъ, Продикъ, не будучи учителемъ сына Софрониска, имѣлъ всетаки на него вліяніе.

¹⁾ Axioc. 366—369.

²⁾ Въ этомъ своемъ мнѣніи примыкаемъ къ *Гроту* (Histoire de la Grèce, v. XII, p. 202, Note), *Ибергеру* (Grundriss, I, s. 101). *Целлеръ* (Die Philosophie d. Griechen, I, s. 917, 918) и *Вильмеръ* не затрудняются приписать Продику пессимистическій взглядъ на жизнь, проводимый въ діалогѣ „Аксиохъ“.

³⁾ Eryx. 397, E

Продикъ извѣстенъ не только, какъ моралистъ, но и какъ синонимикъ. Онъ любилъ, напр., различать такія слова, какъ „быть“ и „дѣлаться“, „хотѣть“ и „желать“, одобрять“ и „хвалить“, „испытывать удовольствіе“, и „испытывать наслажденіе“¹⁾, и надъ этою его страстью Платонъ не одинъ разъ иронизируетъ²⁾. Свои уроки *περί ὁμοιάτων ὁμοίότητος* Продикъ особенно высоко цѣнилъ и требовалъ за нихъ платы по 50 драхмъ. Смотря, впрочемъ, по содержанію уроковъ и состоянію слушателей онъ могъ иное читать за полдрахмы съ каждаго слушателя, иное—за двѣ, иное—за четыре драхмы. Сократъ въ діалогѣ „Кратиллъ“ шутливо замѣчаетъ, что онъ слушалъ урокъ Продика не за 50 драхмъ, а только за одну драхму, и потому о правильности именъ онъ настоящимъ образомъ разсуждать не можетъ³⁾.

Къ софистамъ старшей генераціи долженъ быть, наконецъ, отнесенъ Гиппій, происходившій изъ Элеи и потому прозванный элейскимъ. О времени его жизни мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. На основаніи нѣкоторыхъ указаній, заключающихся въ діалогѣ Платона „Протагоръ“, въ „Апологій Сократа“ и въ „Меморабіяхъ“ Ксенофонта, можно предполагать, что Гиппій былъ значительно моложе Протагора, рано познакомился съ Сократомъ и въ годъ смерти послѣдняго, т. е. въ 399 г., сталъ уже однимъ изъ выдающихся софистовъ⁴⁾. Переѣзжая изъ одного города въ другой, Гиппій, по его словамъ, нажилъ столько денегъ своими уроками, что въ этомъ отношеніи съ нимъ не могъ сравняться ни одинъ софистъ⁵⁾. Платонъ представляетъ намъ Гиппія хвастуномъ—многознайкою; который обѣщалъ научить своихъ учениковъ всѣмъ наукамъ,—астрономіи, геометріи, музыкѣ, исторіи,

¹⁾ Protag. 337, A—C; 340, B—D; 341.

²⁾ Protag. 341, B, C.

³⁾ Crat. 381, B, C; ср. Achiloch. 6.

⁴⁾ Protag. 317, C; Apolog. 19, E; Memorab. IV, 4, 5 и сл.

⁵⁾ Hipp. Major. 292, D. ff.

археологii, мнемоникѣ, синонимикѣ, а равно различнымъ практическимъ искусствамъ¹⁾. Весьма возможно, что Гиппій действительно обладалъ многосторонними свѣдѣніями, и, быть можетъ, по этой причинѣ Аристотель относится къ нему нѣсколько снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ софистамъ. Въ одномъ изъ фрагментовъ сочиненій Гиппія, сохранившимся у Климента Александрійскаго²⁾, этотъ софистъ говоритъ, что онъ намѣренъ, пользуясь поэтами и прозаиками, писателями эллинскими и чужеземными, написать сочиненіе, которое будетъ отличаться и новостью взгляда и разнообразіемъ своего содержанія. Изученіе исторіи и нравовъ людей привело Гиппія къ нѣкоторымъ скептическимъ взглядамъ. Намъ извѣстно его положеніе, что „законъ тираннъ людей, что онъ часто насилуетъ природу человѣка“, всѣ люди „родственники, ближніе и граждане не по закону, а по природѣ, ибо подобное по природѣ сродно подобному“³⁾. Въ „Меморabiliaхъ“ Ксенофонта Гиппій говоритъ, что серьезно думать о законахъ и подчиненіи имъ не возможно, ибо сами законодатели нерѣдко не одобряютъ ихъ и измѣняютъ⁴⁾. Впрочемъ, въ прямомъ, принципиальномъ противорѣчii съ духомъ и нравами греческаго народа этическія воззрѣнія Гиппія не стояли. Объ этомъ можно заключать изъ рѣчи Гиппія, въ которой старецъ Несторъ даетъ Неоптолеу много законныхъ и прекрасныхъ совѣтовъ относительно того, какъ съ юности сдѣлаться человѣкомъ славнѣйшимъ⁵⁾.

Отъ софистовъ старшей генераціи нужно отличать софистовъ младшихъ, у которыхъ духъ серьезнаго исслѣдованія вопросовъ знанія и жизни совершенно исчезаетъ и которыхъ

¹⁾ Hipp. Major, 288, B, и дал.; Hipp. Minor, 368, B и дал.; Protag. 315, B; 318, E.

²⁾ Strom. VI, 624 A.

³⁾ Protag. 337, C. D.

⁴⁾ Memorab. IV, 4, 14.

⁵⁾ Hipp. Major, 286, B.

собственно и имѣютъ въ виду, когда всячески клеймятъ софистику. Въ оправданіе этихъ софистовъ нужно сказать, что они сдѣлали послѣдовательно тѣ крайніе выводы, какіе вытекали изъ ученія старшихъ софистовъ—Протагора и Горгія. Въ самомъ дѣлѣ, если объективное знаніе не возможно, если всѣ мнѣнія, какъ утверждалъ Протагоръ, истинны, или всѣ мнѣнія, какъ думалъ Горгія, ложны, то, очевидно, каждое положеніе съ одинаковымъ правомъ можно защищать и опровергать, дѣлать и сильнымъ и слабымъ. Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей въ своемъ знаніи, а отсюда естественный выводъ, что такую же мѣрою онъ является и въ своей практической дѣятельности: для каждаго справедливо и хорошо то, что онъ считаетъ справедливымъ и хорошимъ; каждый, иначе говоря, имѣетъ натуральное право слѣдовать своему произволу и своимъ личнымъ желаніямъ. Въ оправданіе младшихъ софистовъ нужно еще поставить на видъ, что вредное и разрушительное ученіе ихъ о правѣ и нравственности имѣло для себя фактической базисъ въ самой тогдашней жизни грековъ, ибо прежняя строгость нравовъ эллиновъ теперь пришла въ упадокъ, вездѣ давалъ себя чувствовать эгоизмъ личный и общественный, вездѣ торжествовало право сильного, и капризы своевольной демократіи наводили на мысль, что законы—простая выдумка правителей. Нельзя поэтому считать софистовъ развратителями Греціи¹⁾, какого мнѣнія прежде держались. Не говоримъ о невозможности доказать, что ученіе младшихъ софистовъ о правѣ и законѣ шло дальше простой теоріи, что они настойчиво проводили его въ жизнь.

Въ діалогѣ Платона „Евтидемъ“ мѣтко охарактеризованы, хотя, быть можетъ, и не безъ преувеличенія два брата

¹⁾ Подробно этотъ тезисъ доказываетъ проф. Гиларовъ, разъясняя въ своемъ сочиненіи „Греческіе софисты“, что философскій субъективизмъ софистовъ былъ подготовленъ субъективизмомъ, проникшимъ въ государственную, политическую, религіозную, художественную жизнь грековъ.

софиста—Евтидемъ и Діонисіодоръ¹⁾. Будучи сначала учителями опломахін, они на старости объявили себя паставниками софистическаго искусства. Но это искусство обращается у нихъ въ пустую, бессодержательную эристику, въ умѣнье доказывать и опровергать каждое положеніе, каково бы оно ни было. Запутать своего противника или собесѣдника, поставить его въ такое положеніе, изъ котораго онъ не могъ бы выйти, такъ какъ всякій отвѣтъ, какой онъ дастъ на поставленный вопросъ, будетъ ложнымъ,—вотъ цѣль ихъ искусства. Въ діалогъ „Эвтидемъ“ находимъ много примѣровъ эристическаго искусства братьевъ-софистовъ. Учатся, доказывали напр. Евтидемъ и Діонисіодоръ, тому, чего не знаютъ, потому что учиться значить нѣчто пріобрѣтать, пріобрѣтать можетъ только неимѣющій, неимѣющимъ же является незнающій. Но, съ другой стороны, они доказывали и противоположное, т. е. что учатся тому, что знаютъ,—такъ какъ, говорили они, слушая рѣчь учителя, мы воспринимаемъ слова, а, слушая слова, слушаемъ буквы, т. е. то, что знаемъ. Евтидему и Діонисіодору принадлежатъ и другіе еще болѣе странные софизмы. Кто знаетъ, говорили они, что нибудь, тотъ знаетъ все, потому что знающій не можетъ быть незнающимъ²⁾; или кто является отцомъ, или братомъ какого нибудь человѣка, тотъ есть отецъ, или братъ всякаго человѣка, потому что отецъ не можетъ быть не отцемъ и братъ не можетъ быть не братомъ³⁾. Такого рода софизмами Евтидемъ и Діонисіодоръ безспорно унижали софистику, низводили ее на ступень простаго шарлатанства.

¹⁾ Целлеръ, Вонницъ, Диммлеръ, Урбанъ, Юль и другіе полагаютъ, что въ „Евтидемѣ“ Платонъ обличаетъ своего настоящаго врага Антистева; Тейхмюллеръ разумѣетъ подъ Діонисіодоромъ риторика Лисиа. Разборъ этихъ взглядовъ см. въ сочиненіи проф. Гилярова: Платонъ, какъ историческій свидѣтель, стр. 18 и дал., стр. 311—318.

²⁾ Euthyd. 293, В. ff.

³⁾ Ibid. 297, D. ff. См. Aristot. Soph. elen: h c, 5. 160, b, 32; 167, a, 7; c. 22, 178. b, 24.

Въ первой книгѣ „Республики“ Платонъ излагаетъ и разбираетъ ученіе о справедливости младшаго софиста Тразимаха Халкидонскаго, который, какъ учитель риторики, занималъ довольно видное мѣсто. Тразимахъ говоритъ, что справедливое есть не что иное, какъ полезное сильнѣйшему ¹⁾. А сильнѣйшими являются правители народа, которые издають законы, сообразуясь съ своею личною пользою, и нарушителей законовъ наказываютъ, какъ противниковъ правды ²⁾. Самое завидное состояніе, по Тразимаху, это состояніе тирана. Послѣдній понемногу, тайно и насильственно похищаетъ чужое, понемногу овладѣваетъ достояніемъ храмовъ и государственной казны, имуществомъ домашнимъ и общественнымъ,—понемногу, но всецѣло, и тѣмъ не менѣе онъ пользуется почетомъ и уваженіемъ, его считаютъ счастливымъ даже люди, увѣренные въ полной его несправедливости, потому что несправедливость порицають не за то, что она творитъ неправду, а за то, что она угрожаетъ намъ самымъ страданіями ³⁾. Справедливость—это благородная простота, а несправедливость—благоразуміе; несправедливые мудры,—по крайней мѣрѣ тѣ, „которые умѣютъ быть отлично несправедливыми и подчинить себѣ человѣческія общества и города“ ⁴⁾.

Таково вредное, разрушительное ученіе Тразимаха. Гротъ и Льюисъ думаютъ, что подобнаго ученія Тразимахъ никогда не проводилъ, а изложенные взгляды его на справедливость приписаны ему самимъ Платономъ, врагомъ вообще софистовъ. Тразимахъ, по мнѣнію Грота, былъ только риторъ, составившій правила сочиненія рѣчей и приучавшій молодыхъ людей говорить публично. Весьма вѣроятно, что, подобно Горгію, онъ не выходилъ изъ предѣловъ своей спеціальности и вовсе не выда-

¹⁾ Rep. 348, C.

²⁾ Rep. 338, E.

³⁾ Ibid. 344, A—C.

⁴⁾ Ibid. 348, D.

валъ себя учителемъ нравственности. Если даже допустить, что Тразимахъ былъ учителемъ добродѣтели, во всякомъ случаѣ указаннаго ученія о справедливости онъ не могъ проводить, если не желалъ потерять всякое уваженіе со стороны своихъ аѳинскихъ слушателей. Обыкновенная аудиторія рѣдко даетъ себѣ трудъ вдуматься въ сущность той или иной моральной теоріи, поставить вопросъ, обвиняетъ ли эта теорія всѣ факты и соответствуетъ ли она имъ; но за то эта аудиторія, по общечеловѣческому нравственному чувству, настойчиво требуетъ, чтобы несправедливость была представлена, какъ нѣчто постыдное, а справедливость, какъ нѣчто достойное уваженія ¹⁾.

Противъ этихъ разсужденій Грота мы должны сказать, что изложенное ученіе Тразимаха о справедливости находится не у Платона только, но оно подтверждается и Аристотелемъ ²⁾. Никто не можетъ настаивать, что свое ученіе о справедливости Тразимахъ проводилъ публично, предъ народною аудиторією: послѣдняя дѣйствительно возмущалась бы подобными нравственными воззрѣніями. Хотя жизнь, факты и давали, какъ сказано, основаніе для такихъ разсужденій, но иное—поступать несправедливо, а иное—теоретически оправдывать несправедливость. И самъ Платонъ представляетъ намъ Тразимаха излагающимъ свое моральное ученіе не публично, а въ частномъ домашнемъ кругу, въ домѣ Кефала, гдѣ находились и сторонники этого софиста (Адимагъ). Не на публичную аѳинскую аудиторію могъ дѣйствовать Тразимахъ, а на своекорыстныхъ, жадныхъ къ власти, себялюбивыхъ политиковъ, каковы, напр., были Критій и Алкивіадъ ³⁾.

Въ діалогѣ Платона „Горгій“ находимъ характеристику двухъ лицъ, обыкновенно причисляемыхъ къ младшимъ со-

¹⁾ G. Grote, Histoire de la Grèce, т. XII, р. 218—220.

²⁾ Rhetor. II, 23, 1400, b, 19.

³⁾ Ср. А. Н. Гиларовъ, Греческіе софисты, стр. 100—102, примѣчаніе 3.

фистамъ, именно *Калликла* и *Полоса*¹⁾. Калликлъ учить о полной противоположности между правомъ естественнымъ и правомъ гражданскимъ, или, что тоже, между правомъ природы и правомъ закона. Законъ пытается уравнивать всѣхъ людей, сдержатъ ихъ естественные порывы и желанія, а природа необходимо требуетъ торжества сильнѣйшаго, полного простора его эгоистическихъ себялюбивыхъ стремленій. Пишутъ и издаютъ законы люди слабые, какихъ большинство, желая оградить себя отъ сильнаго. Эти именно люди говорятъ, что преобладаніе постыдно и несправедливо, что домогаться большаго предъ другими незаконно, а лучше, чтобы всѣ имѣли поровну. Но, на самомъ дѣлѣ, гдѣ сила, тамъ и превосходство, и рано или поздно сильный долженъ восторжествовать надъ слабыми. „На какомъ понятіи о справедливости, спрошу,—говорить Калликлъ,—опирался Ксерксъ, когда вооружался противъ Эллады, или—отецъ его, когда напалъ на скивовъ?... Я думаю, что это дѣлали они по природѣ и, влянусь Зевсомъ, по закону природы, а не по тому закону, который лѣшимъ и постановляемъ мы, когда, принимая людей различныхъ и сильнѣйшихъ еще съ молода, очаровываемъ ихъ своими волшебными напѣвами, какъ львовъ, и, поработивъ

¹⁾ Г. Гротъ, а затѣмъ г. Гиларовъ не причисляютъ Калликла къ софистамъ на томъ основаніи, что Калликлъ презрительно относился къ софистикѣ (Grote, Histoire de la Grèce, т. XII, р. 214; А. Гиларовъ, Греческіе софисты, стран. 37, 38, 102). Но отзывъ Калликла о софистахъ, какъ о людяхъ ничтожныхъ (Gorg. 520, А), относится не къ софистамъ вообще, а только къ софистамъ, выдававшимъ себя учителями добродѣтели (Gorg. 519, Е). Известно, что и Горгіей скептически относился къ общаіямъ Протагора и Продика быть наставниками добродѣтели.—Шлейермахеръ отрицалъ самое историческое существованіе Калликла. Но неужели Платонъ немыслилъ то, что Калликлъ происходилъ изъ Ахарна, что его товарищами по мудрости были Тизандръ аендлейскій, Андронъ снѣй Андротіона и Навзикидъ Хонаргейскій (Gorg. 487, С), что онъ принималъ живое участіе въ общественной жизни (Gorg. 515, А). Ср. Zeller, Die Philosophie d. Griechen, I, s. 880; Ueberweg, Grundriss, I, s. 102; Steinhart, Platon's sämtliche Werke, Leipzig, 1851, Bd. 2, s. 352 ff.

ихъ себѣ, говоримъ: надобно всѣмъ имѣть поровну, въ этомъ состоитъ прекрасное и справедливое. Если бы, думаю, рѣдился мужъ съ сильною натурою, то, страхнувъ, расторгнувъ и прогнавъ все это, поправъ наши хартии, чары, обаянія и всѣ противные природѣ законы, онъ возсталъ бы и изъ раба сдѣлался бы нашимъ господиномъ, и тогда просіяло-бы право природы¹. Вѣдь и въ пѣснѣ говорится, что Иракль угналъ воловъ Ирѳона, „не купивъ ихъ и не получивъ въ даръ, ибо по природѣ справедливо, чтобы волъ и всякое стяжаніе людей худшихъ и низшихъ принадлежало лучшимъ и высшимъ“. Человѣкъ сильный развиваетъ свою силу исключительно въ виду собственнаго личнаго интереса; онъ пользуется удовольствіемъ, сколько можетъ; онъ не имѣетъ нужды ограничивать свои желанія, какъ бы они ни были широки, потому что онъ можетъ всегда найти средства къ ихъ удовлетворенію¹).

Что мы сказали раньше объ ученіи Тразимаха о справедливости, то самое должны повторить и теперь для разъясненія теоріи права Калликла. Не возможно настаивать, чтобы свое анти-соціальное ученіе Калликль проводилъ, въ такомъ по существу демократическомъ городѣ, какъ Аѳины, публично, т. е. передъ народною аудиторіею. Хотя самъ Калликль говорить о себѣ, что онъ больше смѣлъ, чѣмъ другіе, ибо не стыдится высказать то, что думаетъ и что думаютъ и другіе, но не рѣшаются сказать²); и Сократъ, выслушавши рѣчь Калликла, замѣчаетъ ему: „въ тебѣ есть способность откровенничать и не стыдиться³); но слова эти нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Калликль имѣлъ смѣлость высказать свои крайніе взгляды въ кругу людей близкихъ, среди малой, хорошо ему извѣстной аудиторіи, на что другіе, по его словамъ,

¹) Plato, Gorg. 482, D—484, D; 492, B. D.

) Gorg 482, E; 492, D.

³) Gorg. 487, D.

не рѣшились бы. Взгляды Калликла безспорно могли находить сочувствіе среди тѣхъ, кто, по самой своей природѣ, считалъ себя призваннымъ къ власти, къ господству.

Другой софистъ, изображаемый въ діалогѣ „Горгій“, именно *Полосъ* проводитъ, подобно Тразимаху, взглядъ, что тираннія есть самое завидное, желательное состояніе, такъ какъ тираннъ можетъ лишить имущества, заключить въ оковы, даже умертвить, кого ему вздумается¹⁾. Человѣкъ несправедливый вовсе не можетъ быть считаемъ несчастнымъ, достойнымъ сожалѣнія, а, напротивъ, онъ человѣкъ совершенно счастливый. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служить Архелай, правитель Македоніи, который, совершивши столько жестокостей, наслаждается полнымъ счастьемъ и составляетъ предметъ зависти для многихъ аѳинянъ²⁾. Наносить обиды, несправедливости, говорить *Полосъ*, гораздо лучше, чѣмъ получать обиды и несправедливости, и человѣкъ несправедливый, подлежащій суду и наказанію, не можетъ быть уже счастливымъ³⁾. Какой рѣзкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятный диссонансъ составляютъ къ этимъ извращеннымъ взглядамъ слова платоновскаго Сократа, что „лучше терпѣть обиду, чѣмъ обижать“, что если бы необходимо было или обидѣть, или потерпѣть обиду, то лучше бы избрать послѣднее, чѣмъ первое⁴⁾, что человѣкъ несправедливый, хотя и несчастенъ, но становится менѣе несчастнымъ, если за свои несправедливости онъ получаетъ наказаніе⁵⁾.

На другихъ младшихъ софистахъ останавливаться не будемъ, такъ какъ свѣдѣнія, сохранившіяся о нихъ, весьма скудны и неопредѣленны⁶⁾.

¹⁾ Gorg. 468, E; ср. 466, C. ff; 469, C.

²⁾ Ibid. 470, D; 471.

³⁾ Ibid. 469, B; 472, D.

⁴⁾ Ibid. 469, B. C.

⁵⁾ Ibid. 472, E.

⁶⁾ См. Zeller, Die Philosophie d. Griechen, I, s. 878, ff; Brandiss, Hand-

Бросая теперь общій взглядъ на софистику, мы должны сказать, что отмѣченныя раньше характеристическія черты ея въ существенномъ выдерживаются, не смотря на разнообразіе софистическихъ взглядовъ и положеній. Софисты прежде всего скептики, при чемъ одни изъ нихъ проводятъ скептицизмъ теоретическій, другіе—скептицизмъ моральный, какъ необходимое слѣдствіе перваго рода скепсиса. Затѣмъ, софисты—риторы¹⁾, хотя у нѣкоторыхъ, какъ у Горгія, риторика занимаетъ первенствующее мѣсто, а у Эвтидема и Діонисіодора она выражается въ пустую эристику. Софисты, наконецъ, публичные платные учителя, обращающіе преимущественно вниманіе на сообщеніе свѣдѣній, имѣющихъ практическое значеніе въ жизни частной и общественной. Публичность ученія софистовъ нельзя понимать въ собственномъ смыслѣ: софисты по большей части учили въ кругу своихъ учениковъ, иногда въ весьма тѣсномъ кружкѣ друзей и вообще лицъ, одинаково мыслящихъ. Дѣленіе софистовъ на старшихъ и младшихъ освобождаетъ насъ отъ разбора взгляда, защищаемаго Шлейермахеромъ, Брандисомъ, Риттеромъ и другими, что софистика есть простое извращеніе философіи, что софисты простые говоруны, никакихъ серьезныхъ вопросовъ не поднимавшіе. Не были, скажемъ съ Целлеромъ, простыми говорунами тѣ, которые въ свое время пользовались большою извѣстностью, знакомства съ которыми искалъ Периклъ, которыхъ цѣнилъ Еврипидъ, у которыхъ учился Эукидъ²⁾. Всякое явленіе, чтобы быть правильно понятымъ и

buch d. griech.-röm. Philosophie, Th. I, 541—545; *Ueberweg, Grundriss*, I, s. 102—104; *А. Н. Гилларовъ*, Греческіе софисты, стр. 39, 40; *П. Г. Радкинъ*, Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіею философіи вообще, СПб. 1891, т. 2, стр. 350 и дал.

¹⁾ Не въ смыслѣ, конечно, простыхъ ораторовъ.

²⁾ Zeller, *Die Philosophie d. Griechen*, I, s. 940. 941.

оцѣненнымъ, должно быть поставлено въ историческія рамки. Поэтому нельзя забывать, что софистика необходимый переходный моментъ, когда прежняя наука была подвергнута сомнѣнію, а новая наука еще не была установлена, прежніе нравственные устои были подорваны, а высшій нравственный законъ, покоящійся во внутреннемъ чловѣкѣ, не былъ еще познанъ. Справедливо говорятъ, что не будь софистовъ, не явился бы и Сократъ, какъ не будь нѣмецкаго просвѣщенія, не было бы и Канта. Софистика исключила возможность выработки цѣльнаго научнаго міросозерцанія на основѣ какого нибудь одного принципа, а равно возможность научнаго доказательства. Въмѣсто этого чловѣкъ просвѣщенный долженъ пользоваться различными точками зрѣнія и усвоить изъ различныхъ ученій то, что для него пригодно. Отсюда софистика, отвергая существованіе объективнаго, общечловѣческаго знанія, въ тоже время содѣйствуетъ популяризаціи знанія, поднятію общаго образованія. Точка зрѣнія просвѣщеннаго чловѣка, при невозможности выработки научнаго міровоззрѣнія, есть, по мнѣнію софистики, скептической эклектизмъ. Въ этомъ содѣйствіи популяризаціи знанія, его. разносторонности, состоитъ несомнѣнная заслуга софистовъ. Софистическое искусство повело кромѣ того къ развитію грамматики, стилистики, риторики, какія науки впервые начали свое существованіе только со времени софистовъ. Но энциклопедичностью софистическаго образованія, опирающагося на недовѣріи къ мышленію, на исключеніи возможности научнаго, объективнаго знанія, довольствоваться ни въ какомъ случаѣ нельзя. Можно было быть многознайкою Гиппиемъ, и вовсе не быть истинно образованнымъ чловѣкомъ. Чтобы придти къ устойчивому, всеобщему, общеобязательному знанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ устойчивымъ, общеобязательнымъ нормамъ дѣятельности, нужно было иначе, чѣмъ софисты, понять принципъ субъективности. Нужно было дать болѣе полное понятіе о духѣ—его

мышленія и волѣ, а для этого нужно было, какъ говорить проф. О. Новицкій, возвыситься надъ эмпирическою субъективностью, всегда случайною, измѣнчивою, и поставить на мѣсто ея разумное мышленіе и разумную волю, исключаящую всякій произволъ, т. е. поставить субъективность всеобщую,—человѣка не какъ индивидуума, а человѣка вообще. Это именно и дѣлаетъ въ своей философіи Сократъ.

УЧЕНИЕ ПЛАТОНА О ЗНАНИИ.

Сократъ училъ, что истинное знаніе заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ понятіи, ибо понятію и только ему одному принадлежитъ твердость, устойчивость, непоколебимость. Составить понятіе о предметѣ, значитъ дѣйствительно знать предметъ, проникнуть въ его истинную природу, такъ какъ въ понятіи существенное выдѣлено отъ случайнаго, принадлежащее предмету отъ непринадлежащаго ему. Такой же взглядъ на знаніе проводятъ и ученикъ Сократа—Платонъ, но этотъ взглядъ у него критически обосновывается, развивается въ стройную гносеологическую теорію. Ни въ одномъ, впрочемъ, діалогѣ Платона эта теорія не изложена въ цѣльномъ видѣ, а она, такъ сказать, разбросана по различнымъ его сочиненіямъ, хотя главнымъ источникомъ для изученія ея является безспорно діалогъ Платона „Теэтетъ“.

Платонъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ того взгляда на знаніе, который проводилъ софистъ Протагоръ, именно, что знаніе заключается въ ощущеніи—ἐπιστήμη ἐστὶν αἴσθησις. Ощущеніе есть результатъ двойнаго движенія, —одного, исходящаго отъ объекта и другого, идущаго отъ субъекта, который такъ или иначе реагируетъ на вѣшнія воздѣйствія или впечатлѣнія. А такъ какъ и вѣшніе объекты, и наши чувства постоянно измѣняются, то и ощущеніе есть нѣчто текучее, непостоянное, движущееся. Показанія ощущенія, или воспріятія часто противорѣчивы и другъ друга взаимно уни-

что жають: одинъ и тотъ же предметъ является здѣсь то большымъ, то малымъ, то близкимъ, то отдаленнымъ, то прямымъ, то кривымъ,—смотря по тому, кто его воспринимаетъ и при какихъ условіяхъ онъ воспринимается. Положиться, поэтому, на ощущеніе, сдѣлать его критеріемъ истины ни въ какомъ случаѣ нельзя. Ощущеніе или воспріятіе говоритъ намъ не о томъ, какъ вещи *суть*, какова ихъ дѣйствительная природа, а какъ вещи намъ *являются*, или какъ онѣ къ намъ относятся. Отсюда, кто отождествляетъ знаніе съ αἰσθησις, тотъ долженъ признать, что для каждаго истинно то, что ему является и какъ оно ему является. Такой выводъ дѣйствительно и сдѣлалъ Протагоръ, но въ этомъ случаѣ онъ запутался въ безвыходныя противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, если для каждаго истинно то, что ему является, то о лучшемъ и худшемъ, какими предикатами пользуется софистъ, не можетъ быть рѣчи.¹⁾ Нѣтъ тогда и учителей мудрости, какимъ учителемъ выдаетъ себя Протагоръ. „Вѣдь, если для каждаго истинно то, что представляется его чувству, и одинъ не въ силахъ основательнѣе изслѣдовать мнѣніе другаго, правильно ли оно, или ложно, но всякій... о своемъ будетъ думать только самъ, и всѣ эти думы правильны и истинны; то почему, другъ мой,—говоритъ Сократъ собесѣднику Теодору,—Протагоръ то былъ бы мудръ, такъ что справедливо удостоился за большую цѣну учить другихъ, а мы были бы невѣжественнѣе его—и должны ходить къ нему,—когда всякій самъ есть мѣра своей мудрости? Какъ не скажешь, что это говоритъ онъ въ угодность народу? О себѣ и моемъ повивальномъ искусствѣ я молчу: сколько смѣху возбуждаемъ мы, да и вся, думаю, метода діалектическая! Вѣдь изслѣдовать и рѣшаться обличать представленія и мнѣнія другъ друга, когда у всякаго они правильны, не значить ли вдаваться въ длинную и нескончаемую болтовню,—если „Ис-

¹⁾ Theæt 166, A и дал.

тина“ Протагора—истина, если изъ глубины своей книги провѣщаваль онъ намъ не шута“¹⁾). Ученіе Протагора въ корнѣ разрушаетъ само себя: если всѣ мнѣнія истинны, то истинно и мнѣніе того человѣка, который бы сказалъ, что взглядъ Протагора на знаніе совершенно ложный²⁾). Ученіе это ясно опровергается и тѣмъ, что въ отношеніи къ знанію далеко не всѣ равны: врачебное искусство знаетъ не кто иной, какъ врачъ, земледѣліе—земледѣлецъ, игру на цитрѣ—цитристъ³⁾). А какое громадное различіе существуетъ между взглядами філософа и взглядами „политика“, съ молодю привыкшаго толкаться въ судахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ⁴⁾). По этому поводу Платонъ начертываетъ намъ прекрасную характеристику філософа. Послѣдній, говоритъ онъ, не вмѣшивается ни въ какія политическія пререканія, не имѣетъ никакихъ партизанскихъ стремленій. „Хорошо ли, или худо чье нибудь состояніе въ городѣ, приключилось ли кому несчастье отъ предковъ, или отъ мужей, или женъ, это ему мнѣе извѣстно, чѣмъ то, сколько, по пословицѣ, въ морѣ ведеръ. И онъ даже не знаетъ, что всего этого не знаетъ, потому что чуждается такихъ познаній не ради молвы, а оттого, что въ городѣ находится и жительствоуетъ только его тѣло, а мысль почитаетъ все это маловажнымъ и ничтожнымъ, и, по словамъ Пиндара, съ презрѣніемъ носясь повсюду, измѣряетъ глубину и поверхность земли, возлетаетъ выше неба въ астрономіи и, внидрясь совершенно во всю природу каждаго существа, не нисходитъ ни къ чему близкому“. Філософъ погруженъ всецѣло въ изслѣдованіе общаго, сущности, а потому въ дѣлахъ житейскихъ, практическихъ онъ обнаруживаетъ большую неопытность, часто попадаетъ въ затрудненіе и тутъ надъ нимъ готова посмѣяться „каждая еракліанка“;

¹⁾ Theät. 161, D, E.

²⁾ Ibid. 171, A—D.

³⁾ Ibid. 171, E; 178, C, D.

⁴⁾ Ibid. 172, D.

но за то философъ великъ, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи общаго, сущности предмета,—что такое, напр., человекъ, какова его природа и что наиболѣе соответствуетъ этой природѣ ¹⁾).

Сенсуалисты, продолжаетъ Платонъ, опускаютъ изъ виду, что въ ощущеніи находятся такіе элементы, которые изъ самаго ощущенія рѣшительно не выводимы, а имѣютъ иной источникъ. Въ самомъ дѣлѣ, получаемое чрезъ одно чувство не можетъ быть воспринято при посредствѣ другого чувства: что, напримѣръ, я знаю чрезъ зрѣніе, то не могу воспринять посредствомъ слуха. Поэтому, если я высказываю что нибудь общее относительно обоихъ ощущеній—зрительнаго и слуховаго, то тутъ уже возвышаюсь надъ даннымъ мнѣ въ чувственности: общаго обоимъ ощущеніямъ нельзя схватить ни зрѣніемъ, ни слухомъ, ни другимъ какимъ нибудь чувствомъ. А между тѣмъ общихъ предикатовъ, или опредѣленій въ чувственномъ знаніи находится очень много: ощущенія мы называемъ равными или неравными, сходными или несходными, тождественными или различными и т. п. Всѣ такія опредѣленія имѣютъ, по Платону, свой источникъ не въ ощущеніи, а въ самой душѣ, или, выражаясь языкомъ новой философіи, имъ принадлежитъ не эмпирической, а апріорный характеръ ²⁾).

Если бы знаніе заключалось не въ чемъ иномъ, какъ въ ощущеніи или воспріятіи, то наша душа, имѣя дѣло съ областью чувственнаго, не приходила бы въ смятеніе, не волновалась бы, не шаталась бы, какъ опьянѣлая ³⁾. Нѣтъ, не сфера чувственнаго бытія, видно, можетъ ее удовлетворить, а сфера бытія иного, высшаго. Знаніе, заключающееся въ ощущеніи или воспріятіи, есть самая низшая степень знанія; сказать, что *αἰσθησις* есть *ἐπιστήμη*, значитъ замкнуть

¹⁾ Ibid. 172, D—177, C.

²⁾ Ibid. 184, B—186, E.

³⁾ Phaedo, 79, D.

индивидуума въ сферу его субъективныхъ, измѣнчивыхъ состояній, и никакая тогда наука, никакая нравственность, какъ нѣчто общегодное, общеобязательное, не возможны.

Выше чувственнаго знанія стоитъ то, которое Платонъ называетъ *μῆνιμα*—*δόξα* ¹⁾. Если полагать, говоритъ Платонъ, знаніе въ мнѣніи, то, конечно, въ мнѣніи правильномъ, истинномъ, а не въ мнѣніи ложномъ, ошибочномъ. Но что такое правильное мнѣніе—*ἀληθῆς δόξα*? Къ рѣшенію этого вопроса Платонъ идетъ отрицательнымъ путемъ, т. е. чрезъ уясненіе сущности ложнаго мнѣнія. Что такое ложное мнѣніе? Откуда оно происходитъ, или гдѣ его источникъ?

Нельзя отождествлять ложное мнѣніе съ незнаніемъ, ибо иное дѣло незнать, а иное—ложно мнить. Нельзя предположить и того, что ложное мнѣніе основывается на смѣшеніи одного знанія съ другимъ знаніемъ, ибо если я знаю, кто такой Теодоръ и кто такой Теэтеть, то одного знанія, какъ знанія, не могу принять за другое знаніе. Нельзя, наконецъ, думать, что ложное мнѣніе опирается на смѣшеніи знанія съ незнаніемъ, потому что какъ я могу смѣшать Теодора съ Теэтетомъ, если я знаю одного только Теодора, или одного Теэтета ²⁾. Трудность объяснить происхожденіе ложнаго мнѣнія будетъ не меньшая, если, вмѣсто гносеологической точки зрѣнія, станемъ на точку зрѣнія онтологическую. Можно предположить, что ложно мнить значитъ мнить несуществующее. Но несуществующаго мыслить нельзя: каждая наша мысль, хотя бы и мысль ложная, имѣетъ для себя извѣстный объектъ; безпредметной мысли нѣтъ. Быть можетъ, поэтому, ложное мнѣніе возникаетъ потому, что я смѣшиваю одно сущее, одну реальность съ другимъ сущимъ, или съ другою реальностью. Но противъ такого предположенія нужно сказать слѣдующее. Реальности могутъ быть намъ даны или вмѣстѣ, одновременно,

¹⁾ Theat. 157, A, B; Rep. V, 476. D ff.

²⁾ Theat. 188, A—C.

или же послѣдовательно, поочередн, т. е. сначала одна дѣлается предметомъ нашей мысли, а потомъ — другая. Если реальности даны намъ вмѣстѣ, то смѣшать ихъ мы не можемъ, — красивое не примемъ за безобразное, справедливое за несправедливое; смѣшеніе ихъ было бы равносильно смѣшенію одного знанія съ другимъ знаніемъ, что, какъ сказано, не возможно. Если же реальности падаютъ въ нашу мысль не сразу, а послѣдовательно, то смѣшать ихъ мы также не можемъ, потому что какъ я могу считать мыслимую реальность тою реальностью, которую пока еще не мыслю, а буду мыслить впослѣдствіи; при такомъ смѣшеніи выходило бы, что я смѣшиваю знаніе съ незнаніемъ, что, какъ сказано, не возможно¹⁾.

Какъ же объяснить происхожденіе ложнаго мнѣнія?

Положимъ, говорить платоновскій Сократъ, что я знаю два какихъ нибудь лица, напр., Θεодора и Теэтета. Знаній, какъ знаній, я ни въ какомъ случаѣ смѣшать не могу. Но пусть къ знанію присоединяется чувственный элементъ, т. е. пусть, зная Θεодора и Теэтета, я обоихъ ихъ воспринимаю. Тогда весьма возможно, что воспріятіе я отнесу не къ соотвѣтствующему ему знанію, а къ другому знанію, т. е. Теэтета приму за Θεодора, или, наоборотъ, Θεодора за Теэтета. Можетъ быть и такой случай, что мы знаемъ два предмета, но только одинъ изъ нихъ воспринимаемъ, и воспріятіе относимъ не къ соотвѣтствующему ему знанію, а къ другому, т. е. мы можемъ знать Θεодора и Теэтета, но видѣть только Θεодора, и тогда принять Θεодора за Теэтета. Возможенъ и такой случай, что мы воспринимаемъ два лица (напр., Θεодора и Теэтета), изъ которыхъ одно только знаемъ (напр., Θεодора), и воспріятіе лица, незнаемаго нами (Теэтета) относимъ къ тому лицу, которое мы знаемъ (т. е. относимъ къ Θεодору)²⁾.

¹⁾ Ibid. 188, D—191.

²⁾ Ibid. 191—193 D.

Пояснимъ сказанное Платономъ на другомъ собственномъ, болѣе отвлеченномъ примѣрѣ.

Я знаю, что такое справедливое, и что такое несправедливое. Смѣшать эти знанія, какъ знанія, я ни въ какомъ случаѣ не могу. Но допустимъ, я вижу конкретныя обнаруженія какъ справедливости, такъ и несправедливости. Тогда весьма возможно, что явленія несправедливости я подведу подъ понятіе справедливости, и наоборотъ. Можетъ быть и такъ, что я знаю, что такое справедливость и что такое несправедливость, но сталкиваюсь только съ конкретнымъ обнаруженіемъ несправедливости, и это обнаруженіе считаю справедливымъ. Можетъ быть и такой случай, что я сталкиваюсь съ обнаруженіями какъ справедливости, такъ и несправедливости, но знаю только, что такое справедливость, и обнаруженіе несправедливости подвожу подъ категорію справедливости.

Итакъ, что же оказывается? Ложное мнѣніе есть неправильное отнесеніе воспріятія къ знанію, т. е. по нашему толкованію Платона, неправильное подведеніе конкретно даннаго, чувственнаго къ понятію. Наоборотъ, значитъ, истинное мнѣніе есть правильное отнесеніе воспріятія къ знанію, или вѣрное подведеніе даннаго въ опытѣ, конкретнаго, къ понятію, или категоріи¹⁾. Въ мнѣніи, слѣдовательно, различается два элемента — чувственный и раціональный, и этимъ объясняется, почему оно можетъ быть истиннымъ и ложнымъ, — смотря по тому, правильно-ли, или неправильно соотносятся эти элементы. Истинное мнѣніе должно быть признано знаніемъ, но знаніемъ не настоящимъ, знаніемъ нечистымъ, смѣшаннымъ. Если бы мнѣніе было знаніемъ въ собственномъ смыслѣ, то происхожденіе ложнаго мнѣнія оставалось бы необъяснимымъ.

Платонъ и ближе уясняетъ намъ психологическій процессъ происхожденія ложнаго мнѣнія. Подведеніе воспріятія къ знанію, конкретно даннаго къ понятію есть нѣкоторое уловленіе знанія или понятія. Я приобрѣлъ знанія, владѣю

¹⁾ Ср. Theæt. 194 A.—B.

ими, я собственникъ знаній. Но мои знанія покоятся въ области безсознательной; я „владѣю“ ими, но „не имѣю“ ихъ, и для того, чтобы ихъ имѣть, я долженъ опять ихъ уловить. Меня въ этомъ отношеніи можно сравнить съ человѣкомъ, который наловилъ въ свою голубятню голубей: онъ собственникъ голубей, но не каждаго голубя онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ; чтобы имѣть голубя въ рукахъ, онъ долженъ поймать его во второй разъ. Владѣя знаніемъ, я не могу быть человѣкомъ незнающимъ; смѣшать одно знаніе съ другимъ нельзя. Но вполне возможно, что, уловляя свои знанія, я могу уловить не то, которое требуется, а другое, т. е. могу подвести воспріятіе, конкретно данное не къ тому понятію, которое ему соотвѣтствуетъ,—какъ и собственникъ голубей можетъ вмѣсто одного голубя, поймать другого. Число 12, которое я знаю, я не могу смѣшать съ числомъ 11, которое я также знаю. Но когда я начну что-нибудь считать, находящееся во мнѣ, или внѣ меня, то могу при этомъ вмѣсто соотвѣтствующаго числа 12 уловить число 11¹⁾.

Такъ мы понимаемъ труднѣйшій трактатъ Платона о ложномъ мнѣніи, заключающійся въ діалогѣ „Теэтеть“,—трактатъ, составляющій камень преткновенія для всѣхъ изслѣдователей Платоновой философіи²⁾. Сущность разсужденій о ложномъ мнѣніи сводится, какъ видно, къ слѣдующему: мнѣніе не можетъ быть считаемо знаніемъ въ собственномъ

¹⁾ Ibid. 197, В.—199, С.

²⁾ Каждый изъ изслѣдователей Платоновой философіи толкуетъ этотъ трактатъ по своему. См. *Brandiss*, Handbuch d. Griech.-röm. Philosophie, II, 1, s. 198—204; *Zeller*, Die Philosophie d. Griechen, II, 1, s. 492—494; *Susemihl*, Genetische Entwick. d. Platon. Philosophie, Th. I, s. 192—199; *Bonitz*, Platon. Studien, I, s. 69 ff; *Steinhart*, Platon's Werke, Bd. III, s. 44 ff; *Stein*, Sieben Bücher zur Geschichte d. Platonismus, 1862, s. 152—160; *A. Fouillée*, La philosophie de Platon, Paris, 1869, v. I, p. 27, 28; *Peipers*, Die Erkenntnislehre Platons, 1874, s. 73—123; *Н. Скорцова*, Платонъ о знаніи, Москва, 1871.—Въ своемъ пониманіи разсматриваемаго трактата мы въ некоторыхъ случаяхъ примыкаемъ къ Штейну.

смыслѣ, потому что тогда происхождение ложнаго мнѣнія оставалось бы необъяснимымъ. Мнѣніе есть знаніе смѣшанное, нечистое, ибо въ немъ нужно различать два элемента: элементъ чувственный и элементъ раціональный, къ которому подводится элементъ чувственный, чѣмъ и объясняется двойственность продуктовъ мнѣнія. *Μῆνιαι*—*δόξα*—это, по нашей терминологіи, не что иное, какъ *сужденіе*; область мнѣнія есть область разсудочнаго, дискурсивнаго знанія,—та область, которую Кантъ изслѣдуетъ въ своей трансцендентальной логикѣ. Дискурсивный, впрочемъ, характеръ мнѣнія отстываетъ на задній планъ, когда, различая въ діалогѣ „Менонъ“ правильное мнѣніе отъ знанія, Платонъ говоритъ, что правильное мнѣніе часто можетъ высказываться случайно, непроизвольно, какъ бы по нѣкоторому божественному указанію (*θεῖα μοῖρα*), такъ что, высказывающій правильное мнѣніе, уподобляется прорицателямъ, мужамъ вдохновеннымъ, которые говорятъ много истиннаго, не зная, что они говорятъ ¹⁾.

Какъ видно, Платонъ въ своей критикѣ чужихъ взглядовъ на знаніе проводитъ ту мысль, что истинное знаніе заключается въ понятіяхъ. Только такое знаніе твердо, устойчиво и неизмѣнно; въ области его не возможно колебаніе между истиною и заблужденіемъ; оно знаніе безусловно истинное. Всякая попытка замѣнить понятіе какою нибудь другою формою мышленія не можетъ быть признана состоятельною. Такую именно попытку дѣлали тѣ, которые утверждали, что знаніе есть „правильное мнѣніе, соединенное съ объясненіемъ—*ἀληθῆς δόξα μετὰ λόγου* ²⁾. Поэтому Платонъ

¹⁾ Менон, 99, A—D, ср. Theät. 201, A—D.—Вопросъ, что такое „мнѣніе“ (*δόξα*), по Платону, рѣшается изслѣдователями весьма различно. См. Zeller, Die Philosophie d. Griechen, II, 1, s. 492—496; Fouillée, La philosophie de Platon, v. 1, p. 26—31; P. Janet, Etudes sur la dialectique dans Platon et dans Hegel, Paris, 1861, p. 133—136; А. Колосъ, Философскіе этюды, Киевъ, 1882, ч. 2, стран. 43—49; и др.

²⁾ Theät. 201, D.

считаетъ необходимымъ подвергнуть критикѣ и этотъ взглядъ.

Защитники разсматриваемаго взгляда на знаніе говорили, что „первыя стихіи, изъ которыхъ сложены какъ мы, такъ и все прочее, не допускаютъ объясненія (*ἄλογα*), потому что можно наименовать отдѣльно каждую стихію только самою по себѣ, а прибавить, что такое она есть, или не есть, вичего нельзя; можно приписывать ей существованіе, или несуществованіе, а поставлять ее въ отношеніе не должно... Стихія имѣеть только имя... Стихіи не допускаютъ объясненія и непознаваемы (*ἄλογα* и *ἄγνωστα*), онѣ только чувствовопостижимы (*αἰσθητά*)“¹⁾. Объясненію, а потому и познанію подлежитъ только то, что сложено изъ стихій или элементовъ²⁾.

Кому принадлежитъ этотъ взглядъ на знаніе, Платонъ не указываетъ, но весьма вѣроятно, что здѣсь разумѣется номиналистическое ученіе Антисоена (послѣдняго усматриваютъ здѣсь Брандисъ, Сюземиль, Пейперсъ и др.). Разбирая этотъ взглядъ, Платонъ прежде всего ставитъ на видъ слѣдующее. Непонятно, какимъ образомъ элементы непознаваемы, а составившееся изъ нихъ цѣлое или вещь познаваема. Вѣдь, если я незнаю буквъ, образующихъ начальный слогъ имени Сократа, то незнаю и самого этого слога; а если знаю слогъ, то мнѣ извѣстны и элементы, входящіе въ него³⁾. Но, быть можетъ, скажутъ, что вещь не есть простая сумма частей, непосредственный ихъ результатъ, а одна нѣкоторая, составившаяся изъ нихъ, идея, и въ такомъ случаѣ понятно, что она можетъ быть познаваема, хотя элементы, изъ которыхъ она образуется, не подлежатъ познанію⁴⁾. Но, спрашивается, какъ нужно тогда мыслить вещь: состоящею изъ частей, или безчастною. Если она имѣеть части, въ такомъ случаѣ, какъ единое, нераздѣльное цѣлое, она должна обни-

¹⁾ Theät. 201, E; 202, A, B.

²⁾ Ibid. 202; A, B.

³⁾ Ibid. 202, E; 203.

⁴⁾ Ibid. 204, A.

мать всё свои части, т. е. и тѣ части, отъ которыхъ она признается теперь отличною, и значить она отъ этихъ частей не отлична. Если же вещь не имѣетъ частей, тогда она проста, слѣдовательно, по рассматриваемой теоріи, недоступна λόγος'у, а потому не можетъ быть и познаваема ¹⁾. Такимъ образомъ, защитники рассматриваемаго взгляда впадаютъ въ безвыходныя противорѣчія, когда утверждаютъ непознаваемость простаго, стихій и познаваемость сложнаго, вещи. На самомъ дѣлѣ стихіи или элементы, хотя и недоступны λόγος'у, однако болѣе познаваемы, чѣмъ сложное. „Когда ты учился,—говоритъ Сократъ Тезетету,—ты ничего болѣе не дѣлалъ, какъ и зрѣніемъ, и слухомъ старался различить стихіи, каждую самую по себѣ, чтобы положеніе ихъ не сбивало тебя ни въ письмѣ, ни въ рѣчи. У цитриста ты научился, думаю, не иному чему, какъ умѣнью слѣдовать за каждымъ звукомъ, отъ какой струны происходитъ онъ, а этихъ звуковъ не счелъ ли бы каждый стихіями музыки. Стало быть, если отъ этихъ стихій и слоговъ, въ которыхъ мы сами опытны, должно заключать и къ инымъ, то родъ стихій, скажемъ, можетъ быть познаваемъ гораздо яснѣе и тверже, чѣмъ родъ слога, относительно совершеннаго изученія каждой науки. Поэтому, кто сказалъ бы, что слогъ познаваемъ, а стихія по природѣ непознаваема, тотъ, подумали бы мы, волею неволею шутить“ ²⁾.

Такимъ образомъ, простое, стихіи познаваемы, хотя онѣ недоступны объясненію—λόγος'у,—явное опроверженіе взгляда, по которому знаніе заключается въ правильномъ мнѣніи съ объясненіемъ. Но для полнаго опроверженія разбираемой теоріи Платонъ останавливается на различныхъ возможныхъ значеніяхъ λόγος'а и показываетъ, что въ какомъ бы смыслѣ ни понимали λόγος, прибавка его къ правильному мнѣнію не дѣлаетъ послѣднее знаніемъ.

¹⁾ Ibid. 204, В—205

²⁾ Ibid. 206, А, В.

Λόγος можетъ быть понимаемъ въ смыслѣ выраженія правильного мнѣнія рѣчью. Но въ такомъ случаѣ всякій можетъ присоединить къ правильному мнѣнію объясненіе, ибо каждый можетъ выразить свою мысль словомъ; исключеніе составляютъ только глухонѣмые. Очевидно, такое пониманіе λόγος'а не имѣетъ значенія ¹⁾. Быть можетъ λόγος состоитъ въ томъ, чтобы на „вопросъ о чемъ либо отдѣльномъ,—что оно такое,—дать вопрошающему отвѣтъ посредствомъ стихій“, т. е. посредствомъ указанія составныхъ частей или элементовъ. Но въ такомъ случаѣ на вопросъ, что такое колесница, пришлось бы перечислить тѣ сто деревянныхъ частей, изъ которыхъ, по Гезіоду, она состоитъ, или на вопросъ назвать свое имя—перечислить отдѣльно буквы, входящія въ него. Недостаточно указать составные элементы вещи, а нужно знать ихъ соотношеніе, необходимо понимать, почему въ этой вещи они находятся, а въ другой нѣтъ ²⁾. Не состоитъ ли поэтому, наконецъ, λόγος въ томъ, чтобы указать характеристическое отличіе даннаго предмета отъ другихъ предметовъ. Но уже и одно правильное мнѣніе, взятое само по себѣ, должно заключать указаніе вообще отличія данной вещи отъ другихъ вещей. Если же имѣютъ въ виду указаніе *характеристическаго, существеннаго различія и пониманіе* этого различія, то это предполагаетъ напередъ знаніе предмета, и слѣдовательно, по разбираемой теоріи, выходитъ, что знаніе есть правильное мнѣніе, соединенное съ знаніемъ ³⁾. Чтобы избѣжать этой явно несостоятельной формулы, защитники разбираемаго взгляда должны, предполагается, признать, что λόγος, какъ указаніе характеристическаго различія предмета и пониманіе этого различія, т. е. какъ понятіе о предметѣ, не есть только нѣчто, присоединяемое къ правильному мнѣнію, чтобы послѣднее стало знаніемъ, а есть именно знаніе. По-

¹⁾ Ibid. 206, D, E.

²⁾ Ibid. 206, E—208, B.

³⁾ Ibid. 209—210, B.

нѣтіе ничѣмъ другимъ не можетъ быть замѣнено, и напрасно было-бы ставить на его мѣсто описаніе предмета, или раздѣленіе предмета на составныя части, или указаніе характеристическаго отличія предмета. Въ послѣднемъ случаѣ на мѣсто понятія ставятъ, не замѣчая того, понятіе.

До сихъ поръ въ своемъ взглядѣ на знаніе Платонъ вполне согласенъ съ своимъ учителемъ; онъ только критически обосновываетъ этотъ взглядъ путемъ разбора взглядовъ противоположныхъ. Но въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія о знаніи Платонъ отступаетъ отъ воззрѣній учителя. Сократъ думалъ, что понятія образуются нами путемъ изученія частныхъ предметовъ; въ частномъ мы открываемъ общее, или, точнѣе говоря, путемъ правильной индукціи, принимающей во вниманіе какъ положительныя, такъ и отрицательныя инстанціи, мы выдѣляемъ въ предметѣ существенное отъ случайнаго, неизмѣнное отъ измѣняющагося. Платонъ рѣшительно несогласенъ съ этимъ взглядомъ на происхожденіе понятій, потому что послѣднія отличаются, по нему, такими свойствами, которыя не позволяютъ признать ихъ индуктивное происхожденіе. Въ числѣ этихъ свойствъ нужно прежде всего поставить *всеобщность* понятій, которая изъ опыта не выводима. Возьмемъ, напр., понятіе круга. Оно обнимаетъ не извѣстное только число круговъ, но всѣ круги, какъ дѣйствительныя, такъ и возможные; въ опытѣ же мы встрѣчаемъ только извѣстное число предметовъ, имѣющихъ круглую форму, и разсмотрѣніе ихъ никогда не приведетъ насъ къ составленію общаго понятія о кругѣ. Каждое понятіе, далѣе, отличается тѣмъ, что Платонъ называетъ *чистою* (*τὸ καθαρὸν, τὸ εἰλικρινές, τὸ τέλειον*), т. е. къ понятію не примѣшивается ничто чуждое ему, оно безусловно не принимаетъ своей противоположности. Такъ, красота, выражаемая въ понятіи, есть красота чистая, не смѣшанная ни съ чѣмъ другимъ; справедливость, обозначаемая въ понятіи, есть справедливость совершенная, не принимающая никакой несправедливости и т. п. Но на основаніи опыта мы никогда не можемъ придти къ образованію такихъ

чистыхъ понятій, ибо въ опытѣ представляется несовершенная смѣсь прекраснаго съ безобразнымъ, справедливаго съ несправедливымъ, великаго съ малымъ, равнаго съ неравнымъ¹⁾. Эти разсужденія о свойствахъ понятій приводятъ Платона къ тому, что для объясненія происхожденія ихъ необходимо предположить особые объекты имъ соотвѣтствующіе. Эти объекты также чисты, устойчивы и неизмѣнны, какъ и выражающія ихъ понятія, и ихъ Платонъ называетъ *идеями*.

Что необходимо признать существованіе особыхъ объектовъ понятій или особыхъ сущностей, соотвѣтствующихъ имъ, это Платонъ доказываетъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. Есть много вещей, говоритъ онъ въ „Республикѣ“, которыя мы называемъ прекрасными, и есть много вещей, которыя мы именуемъ добрыми. Но мысль наша не можетъ удовлетвориться созерцаніемъ *этого* прекраснаго предмета, или *этого* добраго предмета, потому что красота и добро, замѣчаемая въ частныхъ предметахъ, смѣшаны съ безобразіемъ и дурными свойствами. Мысль наша ищетъ какой то сущности красоты и какой то сущности добра. Эта сущность должна быть вездѣ, гдѣ замѣчается какая нибудь степень красоты и добра; она тождественна, неизмѣнна, едина, не смотря на разнообразіе предметовъ, обнимаемыхъ ею. Несовершенное, множественное, относительное добро мы понимаемъ только подъ условіемъ знанія неизмѣннаго добра, сущности простой, чистой; различныя степени несовершенной красоты постигаемъ только чрезъ красоту совершенную, не имѣющую уже никакихъ степеней. И какимъ образомъ мы могли бы говорить, что одинъ предметъ превосходить другой въ отношеніи красоты, или добра, если бы за множественностію степеней добра и красоты не признавали бытія добра самого въ себѣ и красоты самой въ себѣ²⁾. Можно привести и другіе примѣры въ подтвержденіе сказаннаго. Такъ равенство

¹⁾ Phileb. 57. 58; Rep VII, 523—526.

²⁾ Republ. V, 479 и дал.; Sympos. 211 ff.

между однимъ деревомъ и другимъ деревомъ, между однимъ камнемъ и другимъ камнемъ мы понимаемъ только при помощи равенства въ себѣ. Иначе и быть не можетъ: „разсуди—говоритъ Платонъ—не правда ли, что равные камни и деревья иногда, хотя и тѣже самые, а принимаютъ различный видъ, и являются то равными, то неравными. Что же? Значить равное само по себѣ иногда кажется неравнымъ—равенство неравенствомъ? Отнюдь вѣтъ... Такъ видно равныя и равное само по себѣ не одно и то же“¹⁾. „Мы необходимо должны знать равное прежде того времени, когда, увидѣвъ въ первый разъ вещи равныя, размышляемъ, что всѣ они, хотя и стремятся быть равными, но имъ чего то не достаетъ“²⁾.

Такимъ образомъ ученіе Платона о знаніи привело его къ предположенію существованія особыхъ объектовъ истиннаго знанія—идей. Послѣднія также реальны, какъ реально наше знаніе; безъ предположенія бытія ихъ знаніе не объяснимо³⁾. „Если знаніе и мнѣніе различны, то необходимо допустить, что существуютъ сами по себѣ и тѣ виды (идеи), которые не подпадаютъ нашимъ чувствамъ, а постигаются только умомъ“⁴⁾. Было время, когда наша душа непосредственно созерцала идеи и наслаждалась этимъ созерцаніемъ. Теперь же, погруженная въ матеріальность, она только припоминаетъ ихъ: при видѣ добрыхъ предметовъ, мы вспоминаемъ идею добра; при видѣ прекрасныхъ предметовъ,—припоминаемъ идею красоты, — чистую, ни съ чѣмъ постороннимъ не смѣшавшую. Чувственные предметы служатъ такимъ образомъ не *причиною* познанія, а только *поводомъ* къ нему. Какъ другъ вспоминаетъ о другѣ, видя его лиру, такъ и частные, отдѣльные предметы, составляющіе несовершенное отображеніе идей, по-

¹⁾ Phaed. 74, A—C.

²⁾ Phaed. 74, E.

³⁾ Rep. V, 477.

⁴⁾ Tim. 51, D.

буждаютъ насъ мыслить объ умопостигаемыхъ типахъ¹⁾. Ничего вполне соответствующаго этимъ типамъ, постигаемымъ въ формѣ понятій, въ чувственномъ мірѣ нѣтъ.

Если объектомъ знанія служатъ идеи, то долженъ быть особый объектъ и мнѣнія. Послѣднимъ является не то, что существуетъ и не то, что не существуетъ, а—занимающее средину между существующимъ и несуществующимъ, т. е. міръ быванія или перемѣны, подверженный происхожденію и движенію, или, иначе говоря, міръ частныхъ, отдѣльныхъ вещей²⁾. Предметомъ-же ощущенія служитъ область абсолютнаго движенія,—гдѣ множество не можетъ быть уже связано никакимъ единствомъ, и значитъ область, которая, по сравненію съ истинно-сущимъ, можетъ быть названа несущимъ³⁾. Такимъ образомъ гносеологическое и онтологическое ученіе Платона развиваются параллельно другъ другу.

Если истинное знаніе заключается въ понятіяхъ, которымъ соответствуютъ особые объекты — идеи, то какъ-жъ, спрашивается, достигнуть этого знанія.

Чтобы познать идеальное, нужно прежде почувствовать къ нему влеченіе, или нужно прежде быть объатымъ любовью къ нему. Это вполне естественно, ибо наша душа, погруженная теперь въ міръ матеріальнаго бытія, чувствуетъ, подъ вліяніемъ разсматриванія вѣшнихъ вещей, гдѣ ограждаются идеи, непреодолимое влеченіе къ тому идеальному міру, созерцаніемъ котораго она прежде наслаждалась. Философское влеченіе или философская любовь—*эросъ* является необходимою предварительною ступенью къ познанію идей. Сущность философской любви Платонъ разъясняетъ въ діалогѣ „Пиръ“. Здѣсь Сократъ въ своей рѣчи говоритъ, что эросъ есть стремленіе къ прекрасному, желаніе овладѣть имъ. Поэтому самъ эросъ

¹⁾ Phaed. 73, C—E.

²⁾ Tim. 52, A, Rep. V, 477 и дал.

³⁾ Tim. 52, A. B.

не прекрасенъ: онъ только стремится къ прекрасному, нуждается въ красотѣ. А такъ какъ прекрасное тождественно съ добрымъ, то эросъ, needing въ прекрасномъ, имѣетъ нужду и въ добромъ, и значитъ онъ не добръ. Но отсюда не слѣдуетъ, что эросъ безобразенъ и дуренъ, ибо непрекрасное не есть безобразное, недоброе не есть злое. Эросъ занимаетъ средину между этими крайностями. Точно также онъ есть вѣчто среднее между смертнымъ и бессмертнымъ, между мудростію и невѣжествомъ¹⁾. „Изъ боговъ никто не философствуетъ и не желаетъ быть мудрымъ, такъ какъ уже мудръ; не философствуетъ и всякій другой, поскольку онъ мудрецъ. Точно также не философствуютъ и невѣжды и не желаютъ быть мудрецами, ибо то-то и тяжко въ невѣжествѣ, что, не будучи ни прекраснымъ, ни добрымъ, ни умнымъ, невѣжда кажется себѣ достаточнымъ, а потому, не думая, что нуждается, онъ и не желаетъ того, въ чемъ нуждается“²⁾. Философствуетъ только тотъ, кто занимаетъ средину между указанными крайностями; эросъ—философъ потому, что онъ долженъ занимать мѣсто между мудрецомъ и невѣждою³⁾. Происхождение эроса или философской любви Платонъ разъясняетъ слѣдующимъ мифомъ. „Когда родилась Афродита, боги сдѣлали пиръ, на которомъ между прочимъ былъ Поръ, сынъ Метиды. Когда боги ужинали, Пенія, привлеченная пированьемъ, пришла къ нимъ просить милостыню и стала у дверей. Поръ, увидевъ нектаромъ,—ибо вина тогда еще не было,—вошелъ въ садъ Зевса и, обремененный излишествомъ, заснулъ. Пенія, коварно задумавъ въ помощь своей бѣдности получить отъ Пора дитя, зачала отъ него Эроса. Потому то Эросъ и сдѣлался спутникомъ и слугою Афродиты, что онъ родился въ день ея рожденія и вмѣстѣ былъ по природѣ любитель красоты, а Аффо-

¹⁾ *Symp.* 200—203.

²⁾ *Ibid.* 204, А.

³⁾ *Ibid.* 204, В.

дита была прекрасна¹⁾. Не всё черты въ этомъ мнѣи могутъ быть объяснены, и попытка Ф. Сюземиля дать толкованіе и той подробности, что Поръ упился нектаромъ, а не виномъ²⁾, кажется смѣшною. Важно для насъ въ мнѣи слѣдующее. Эросъ—сынъ Пеніи и Пора, т. е. философская любовь возникаетъ, съ одной стороны, изъ недостаточности, неудовлетворенности, бѣдности человѣка, а съ другой—изъ его богатства, высшихъ задатковъ, идеальныхъ элементовъ его природы. Философская любовь непременно предполагаетъ извѣстную степень совершенства, основывается на первоначальномъ единеніи съ добромъ; но это единеніе потеряно и человѣкъ только стремится возвратить прежнее свое богатство. Поръ—это объективное духовное содержаніе, принесенное душою изъ своего до-мірнаго бытія, а Пенія—погруженность души въ матеріальность, сдвливающую это идеальное содержаніе. Такою двойственностію природы человѣка объясняется, что эросъ, „въ одинъ и тотъ же день, то цвѣтетъ и живетъ, когда у него изобиліе, то умираетъ, и вдругъ, по природѣ своего отца, опять оживаетъ“³⁾. Эросъ, по приведенному мнѣи, является въ день рожденія Афродиты, т. е. эросъ и возбуждается и всегда сопровождается созерцаніемъ прекраснаго; послѣднее побуждаетъ высшую часть человѣческаго существа воздѣйствовать на низшую, чтобы въ соединеніи съ нею стремиться къ благу⁴⁾.

Философская любовь не является съ самаго начала въ чистомъ видѣ, а имѣетъ различныя степени, начиная съ низшей и кончая самой высшей. Низшею ея степенью является любовь къ однимъ какимъ нибудь прекраснымъ формамъ. Но человѣкъ, имѣющій такую любовь, замѣчаетъ, что одна пре-

¹⁾ Ibid. 203, B, C

²⁾ Genetische Entwicklung d. Platon Philosophie, Bd. I. s. 394

³⁾ Symp 203, E.

⁴⁾ О другихъ толкованіяхъ этого платоновскаго мнѣи см. Zeller, Die Philosophie d. Griechen, II, I, s. 513—514; Steinhart Platon, Werke, Bd. IV, s. 192 ff.

красная форма сродна съ другою прекрасною формою, и потому онъ начинаетъ любить не одну какую нибудь прекрасную форму, а всё вообще прекрасныя формы. Дальнѣйшую ступень эроса составляетъ любовь къ прекраснымъ душамъ; она обнаруживается въ рожденіи прекрасныхъ рѣчей и стремленій, въ воспитаніи, въ искусствѣ и законодательствѣ. Третью ступень составляетъ любовь къ прекраснымъ наукамъ, къ отысканію вообще прекраснаго вездѣ, гдѣ только его можно найти ¹⁾. Возвышаясь въ своемъ эротическомъ стремленіи, человекъ, говоритъ Платонъ, „увидитъ наконецъ нѣчто дивно по природѣ прекрасное,—то самое прекрасное, ради котораго были предпринимаемы всё прежніе труды. Во-первыхъ, оно всегда существуетъ и ни рождается, ни погибаетъ, ни увеличивается, ни оскудѣваетъ; потомъ, оно не таково, что по этому прекрасно, а по иному безобразно, либо иногда прекрасно, а иногда нѣтъ, либо для одного прекрасно, а для другого безобразно, либо тамъ прекрасно, а здѣсь безобразно. Это прекрасное... есть сущее само въ себѣ, всегда съ собою одновидное. Всё же прочія прекрасныя вещи приходятъ въ общеніе съ нимъ“ ²⁾. Такимъ образомъ, поднимаясь по лѣстницѣ прекраснаго,—отъ одного прекраснаго предмета къ двумъ прекраснымъ предметамъ, отъ двухъ къ всѣмъ прекраснымъ вещамъ, отъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ занятіямъ, отъ прекрасныхъ занятій къ прекраснымъ наукамъ,—человекъ возвышается, наконецъ, къ той наукѣ, которая есть наука самаго прекраснаго. „Тогда то жизнь,—говоритъ Диотима Сократу,—болѣе чѣмъ когда нибудь бываетъ жизненна въ человекѣ, созерцающемъ само прекрасное. Если бы это послѣднее ты увидѣлъ, то и не подумалъ бы сравнивать его ни съ золотомъ, ни съ нарядами, ни съ прекрасными мальчиками и юношами... Думаешь ли, что жуда была бы жизнь человека, смотрящаго

¹⁾ Symp. 210.

²⁾ Ibid. 210, E; 211, A. B.

туда, созерцающаго и обращающагося съ тѣмъ, съ чѣмъ должно. Не разумѣешь-ли, что тогда ему одному, созерцающему красоту, чѣмъ можно ее созерцать, досталось бы раждать не образы добродѣтели, поколику касался бы онъ не образа, а истинное, поколику коснулся бы истинны? Раждая же и питая добродѣтель истинную, этотъ человѣкъ не сдѣлался ли бы любезнымъ Богу и безсмертнымъ больше, чѣмъ кто либо другой изъ людей“¹⁾.

Философская любовь есть только возвышеніе къ наукѣ прекраснаго, къ міру идей, но не самое уразумѣніе истинно сущаго. Чтобы познать послѣднее, нужно особое орудіе, и имъ служить, по Платону, діалектика. Въ „Республикѣ“ Платонъ говоритъ, что діалектика имѣетъ дѣло только съ понятіями,—она идетъ чрезъ понятія къ понятіямъ и оканчивается понятіями²⁾. Въ чемъ же состоитъ ея задача? Между понятіями, какъ и между объектами понятій—идеями, должно существовать извѣстное отношеніе. Возможны три предположенія касательно отношенія понятій, именно, или ни одно понятіе не соединяется съ другимъ, или каждое понятіе можетъ быть связываемо съ другимъ понятіемъ, или, наконецъ, одни понятія могутъ, другія—не могутъ быть соединяемы между собою. Первое предположеніе рѣшительно должно быть отвергнуто, ибо, при невозможности связывать понятія, нельзя было бы ни о чемъ ни мыслить, ни говорить. Второе предположеніе также не допустимо, потому что пришлось бы соединять взаимно исключаютія другъ друга понятія и утверждать, напр., что движеніе есть покой, а покой есть движеніе. Остается принять третье предположеніе,—что одни понятія могутъ, другія не могутъ быть соединяемы, при чемъ нѣкоторыя понятія, не соединимыя прямо между собою, связываются при посредствѣ третьяго высшаго понятія, подобно тому, какъ въ языкѣ согласныя связываются при посредствѣ

¹⁾ Ibid. 211, С; 212, А.

²⁾ Rep. VI, 511, С.

гласныхъ. Примѣромъ послѣднихъ понятій служатъ понятія движенія и покоя: несоединимыя прямо между собою, они связываются при посредствѣ третьяго понятія—бытія, ибо, когда одни говорятъ, что все находится въ движеніи, другіе, напротивъ, утверждаютъ, что все покоится, то тѣ и другіе признають движеніе и покой существующими. Связываніе или синтезированіе понятій (*συναγωγή*) и такимъ образомъ восхожденіе отъ низшихъ родовъ къ высшимъ и составляетъ первую задачу діалектики ¹⁾. Эта задача достигается путемъ критики или анализа понятій. Нужно взять извѣстное понятіе, опредѣлить его и затѣмъ вывести слѣдствія, необходимо вытекающія изъ даннаго опредѣленія. Если окажется, что эти слѣдствія или сами въ себѣ заключаютъ противорѣчія, или несогласны съ опредѣленіемъ понятія, изъ котораго они извлечены, то ясно будетъ, что данное опредѣленіе односторонне и должно быть замѣнено другимъ. Такимъ приемомъ синтезирования понятій Платонъ пользуется, напр., въ діалогѣ „Парменидъ“, изслѣдуя вопросъ о сущемъ. Элеаты учили, что сущее едино, тождественно и неизмѣнно. Если бы, говоритъ Платонъ, сущее дѣйствительно было единымъ, то не было бы нужды прилагать къ нему нѣсколько предикатовъ. А между тѣмъ элеаты говорятъ, что сущее *едино* и что оно *существуетъ*, т. е. приписываютъ ему предикатъ *бытія*. Значитъ, хотя сущее должно быть мыслимо единымъ, но это единство не исключаетъ множества. Но если недостаточно понятія единства для опредѣленія сущаго, то равнымъ образомъ сущее не выражается и однимъ понятіемъ множества. Если бы сущее было только множественнымъ, оно являлось бы бытіемъ хаотическимъ, неопредѣленнымъ, и слѣдовательно не могло бы быть нами мыслимо; что связываетъ части множественнаго, дѣлаетъ множество нѣкоторою цѣлостью—это единство. Такимъ образомъ анализъ понятія

¹⁾ Soph. 521, A—253. E.

сущаго приводитъ къ тому, что сущее едино и множественно, или что съ понятіемъ сущаго нужно соединить понятіе единства и множества ¹⁾).

Но задача діалектики не ограничивается только соединеніемъ или синтезомъ понятій и такимъ образомъ восхожденіемъ къ все высшимъ и высшимъ понятіямъ. Кромѣ этого діалектическаго пути вверхъ существуетъ обратный діалектическій путь внизъ. Философъ, по выраженію Платона, долженъ всматриваться „въ одно и многое по природѣ“ (Федръ), и долженъ идти не только отъ многаго (видовъ) къ единому (роду), но и отъ единого (рода) ко мноному (видамъ и подвидамъ). Въ „Филебѣ“ Платонъ говоритъ, что, „при изслѣдованіи каждаго предмета, нужно всегда имѣть въ виду и искать одно понятіе, которое и будетъ найдено. Открывши одно, нужно смотрѣть, не заключается ли въ немъ еще двухъ—трехъ и иного числа понятій. Далѣе, нужно сдѣлать тоже относительно каждаго изъ этихъ понятій“, пока такимъ образомъ мы не найдемъ многаго, посредствующаго между единымъ (понятіемъ) и безконечнымъ или безпредѣльнымъ (индивидуумами, которые не входятъ уже въ область діалектической работы) ²⁾. Сказанное о необходимости дѣленія понятій Платонъ въ „Филебѣ“ разъясняетъ на такомъ примѣрѣ. Голосъ человѣка есть нѣчто единое и въ тоже время безконечное или безпредѣльное, т. е. о голосѣ человѣка можно составить одно родовое понятіе и въ тоже время голосъ человѣка представляетъ безконечное множество индивидуальныхъ измѣненій. Мудрецомъ нельзя назвать ни того, кто скажетъ, что голосъ человѣка вездѣ одинъ и тотъ же; ни тѣмъ болѣе того, кто утверждаетъ, что существуетъ безконечно много различій голоса. Нужно указать основныя формы человѣческаго голоса, или тѣ членораздѣльныя звуки, кото-

¹⁾ Parmen. 136 ff.

²⁾ Phileb. 16, C.

рые лежать въ его основѣ и такимъ образомъ опредѣлять посредствующія здѣсь ступени между единымъ и безпредѣльнымъ. „Взявшій—говоритъ Платонъ—чтонибудь одно (т. е. составившій о чемънибудь понятіе), долженъ тотчасъ смотрѣть не на природу безпредѣльнаго (т. е. на явленіе, на индивидуумы), а на число (т. е. на виды и подвиды), и, напротивъ, кто принужденъ сперва взять безпредѣльное (выходить изъ явленій), тотъ долженъ тотчасъ обратить вниманіе не на одно (родовое понятіе), а опять на число, въ которомъ содержится какоенибудь множество (виды и подвиды); и потомъ уже за всѣмъ этимъ—на одно“¹). У Платона мы находимъ и правила дѣленія понятій. Дѣленіе должно совершаться по дѣйствительно видовымъ различіямъ, а не по количественному только различію; кромѣ того въ дѣленіи не должны быть опускаемы посредствующіе члены, которые связуютъ низшіе виды съ высшими видами²). Чѣмъ болѣе Платонъ настаиваетъ на постепенности дѣленія понятій и полнотѣ указанія его членовъ, тѣмъ болѣе онъ требуетъ всегда начинать съ простѣйшихъ дѣленій. Самое любимое у Платона дѣленіе—двухчленное, которое переходитъ въ четырехчленное, если соединяются два основанія дѣленія.

Такимъ образомъ наука, по Платону, развивается двоякимъ путемъ: синтетическимъ и аналитическимъ. Съ одной стороны она должна постоянно связывать свои понятія, искать въ нихъ однороднаго и подчинять ихъ высшему роду; съ другой стороны, чтобы достигнуть высочайшаго разнообразія, она должна постоянно различать свои понятія, идти отъ множества въ единству чрезъ рядъ посредствующихъ видовыхъ понятій.

¹ Ibid. 17, В—18, А, В.

²) Phaed. 265, E; 272, D, Polit. 262, А—287 С.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Обь источникахъ къ изученію философіи Сократа.

Задача изслѣдованія (1—2).

Изложеніе взгляда Карла Іоэля на „Меморабиліи“ Ксенофонта (3—17).

Критическій разборъ этого взгляда: 1) время написанія „Меморабилій“ (18—30); 2) Ксенофонтъ, какъ историкъ (30—40); 3) характеръ сократовскихъ бесѣдъ, содержащихся въ „Меморабиліяхъ“ (40—48); 4) отношеніе „Меморабилій“ къ „Икономику“ (48—57); 5) апологетическій характеръ „Меморабилій“ и раздѣленіе ихъ на части (57—69); 6) несправедливость взгляда на „Меморабиліи“, какъ на *Concurenzschrift* (69—82); 7) произвольность приемовъ, употребляемыхъ Іоэлемъ и другими критиками для выдѣленія въ „Меморабиліяхъ“ элементовъ сократовскихъ отъ элементовъ несократовскихъ (85—91).

Положительный взглядъ на „Меморабиліи“ Ксенофонта, какъ источникъ для изученія философіи Сократа (91—94).

Отсутствіе противорѣчій въ „Меморабиліяхъ“ (94—106).

Платонъ и Аристотель, какъ свидѣтели объ ученіи Сократа (106—111).

II. Греческіе софисты.

Понятіе о софистикѣ и характеристическія ея черты (112—114). Происхожденіе софистики и раздѣленіе ея (114—116). Протагоръ (117—129). Горгій (129—133). Продикъ и Гиппій (133—140). Младшіе софисты (140—147). Общій взглядъ на софистику (148—150).

III. Ученіе Платона о знаніи.

Ученіе Платона о чувственномъ знаніи (151—155).
 Миѣніе (155—159). Правильное миѣніе, соединенное съ объ-
 ясненіемъ—*μετά λόγου* (159—163). Происхожденіе понятій и
 выводъ бытія идей (163—166). Философская любовь, какъ пре-
 дварительная ступень къ познаванію идей (166—170). Діа-
 лектика (170—173).

